

адель
фабер
мазлиш элейн

как
ГОВОРИТЬ
с детьми,
чтобы они
учились

«Если вы – учитель или родитель,
вам просто не обойтись без этой книги».

The Washington Post

Элейн Мазлиш

**Как говорить с детьми,
чтобы они учились**

«ЭКСМО»

1995

УДК 159.922.7
ББК 88.8

Мазлиш Э.

Как говорить с детьми, чтобы они учились / Э. Мазлиш —
«Эксмо», 1995

ISBN 978-5-699-41096-5

Вторая книга авторов многомиллионного бестселлера «Как говорить, чтобы дети слушали, и как слушать, чтобы дети говорили». Уникальные стратегии общения, простые и доступные диалоги и великолепные комиксы помогут родителям и учителям понять, как приучить детей к сосредоточенности, самодисциплине и сделать из них отличников в учебе и в жизни.

УДК 159.922.7
ББК 88.8

ISBN 978-5-699-41096-5

© Мазлиш Э., 1995
© Эксмо, 1995

Содержание

От авторов	6
Как появилась эта книга	7
«Я» в нашей книге – кто это?	10
Глава 1	11
Памятка	28
Вопросы и истории родителей и учителей	29
Глава 2	36
Памятка	52
Вопросы и истории родителей и учителей	53
Глава 3	60
Памятка	71
Вопросы и истории родителей и учителей	72
Глава 4	79
Памятка	94
Вопросы и истории родителей и учителей	95
Глава 5	103
Памятка	112
Вопросы и истории родителей и учителей	113
Глава 6	121
Памятка	135
Вопросы и истории родителей и учителей	136
Глава 7	142
Памятка	151
Вопросы и истории родителей и учителей	153
Глава 8	161

Адель Фабер, Элейн Мазлиш

Как говорить с детьми, чтобы они учились

Adele Faber
and Elaine Mazlish
with Lisa Nyberg
and Rosalyn Anstine Templeton
Illustrations by Kimberly Ann Coe
HOW TO TALK SO KIDS CAN LEARN AT HOME AND IN SCHOOL

© 1995 by Adele Faber, Elaine Mazlish, Lisa Nyberg, and Rosalyn Anstine Templeton

© Новикова Т. О., перевод, 2010

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Ребенок понимает отношение к нему родителей и учителей по тому, как они разговаривают с ним. Слова взрослых влияют на самооценку ребенка и его чувство собственного достоинства. Речь взрослых в значительной степени определяет судьбу ребенка.

Хаим Гинотт

От авторов

Эта книга родилась благодаря помощи множества людей, которые верили в наш успех. Нам много помогали родные и друзья. Родители, учителя и психологи из Соединенных Штатов и Канады рассказывали нам о том, как применяют навыки общения дома и в работе. Многие беседовали с нами, другие присылали письма. Джоанна Фабер десять лет преподавала в городской школе и снабдила нас множеством трогательных примеров из собственной школьной практики. Большую поддержку и помощь оказали нам университет Брэдли и начальная школа Бреттейн. Мы бесконечно благодарны нашей постоянной художнице Кимберли Энн Коуи, которая снова сумела разобраться в наших беглых набросках, вдохнуть в них жизнь и тепло. Нужные советы в нужное время давал наш литературный агент Боб Маркел. Мы постоянно чувствовали сердечную поддержку нашего издателя Элинора Роусон, которая всегда знала, в каком направлении мы должны двигаться дальше.

Наконец, мы хотим поблагодарить доктора Томаса Гордона за огромную работу, проделанную им в области отношений между взрослыми и детьми. Конечно, мы не можем не упомянуть и нашего наставника доктора Хаима Гинотта. Именно он помог нам понять, почему «каждый учитель в первую очередь должен учить человечности, а уже потом – своему предмету».

Как появилась эта книга

Идея этой книги возникла, когда мы, две молодые матери, пришли в родительскую группу известного детского психолога доктора Хаима Гинотта. После каждого занятия мы возвращались домой вместе и всю дорогу поражались эффективности новых навыков общения, которым только что научились. Мы так сожалели, что не владели ими много лет назад, когда профессионально работали с детьми: одна из нас преподавала в средних школах Нью-Йорка, а вторая – по соседству, на Манхэттене.

Тогда мы и предположить не могли, к чему приведут эти занятия. Спустя двадцать лет написанные нами книги для родителей разошлись по миру тиражами более 2 млн экземпляров и были переведены более чем на десять языков. Лекции, которые мы читали практически во всех штатах США и в каждой провинции Канады, собирают множество заинтересованных слушателей. Более 50 тысяч групп пользуются нашими аудио- и видеоматериалами в таких странах, как Никарагуа, Кения, Малайзия и Новая Зеландия. В течение двадцати лет мы постоянно слышим рассказы учителей о том, как благотворно сказалось на их работе посещение наших лекций, прослушивание наших курсов или чтение наших книг. Эти люди буквально требовали, чтобы мы написали книгу специально для них.

Педагог из города Трой, штат Мичиган, написала:

Я более двадцати лет работала с непослушными школьниками из группы риска. Я была поражена тому, как много нового смогла почерпнуть для себя из ваших книг для родителей... Сегодня в районе, где я консультирую учителей, разрабатывается новый план школьной дисциплины. Я искренне убеждена, что философия вашей книги послужит краеугольным камнем нового плана. Не собираетесь ли вы написать книгу специально для учителей?

Школьный социальный работник из города Флорис-сент, штат Миссури, написала:

Недавно я познакомилась с программой вашего группового семинара «Как говорить так, чтобы дети слушали» родителей нашего района. Одна из матерей, сама педагог, начала применять новые навыки в школе и заметила, что проблем с поведением в ее классе стало значительно меньше. На это обратила внимание и директор школы, которую беспокоило увеличение количества наказаний и исключений из ее учебного заведения. Она была так поражена переменами, произошедшими в нашем классе, что попросила меня провести семинар для всех учителей.

Результаты оказались потрясающими. Резко сократилось количество «просьб» о наказаниях и временного отстранения от занятий. Дети стали реже прогуливать уроки, а их самооценка значительно повысилась.

Психолог из Нью-Йорка написала нам:

Меня серьезно беспокоило, что становится все больше детей, которые приходят в школу с ножами и огнестрельным оружием. Я постоянно думаю о том, что увеличение количества охранников и установка металлодетекторов нам не помогут. Важно наладить эффективное общение с детьми. Возможно, если бы учителя владели теми навыками, о которых вы рассказываете, им стало бы легче помогать детям справляться с их сложными проблемами ненасильственным путем. Не хотите ли вы написать книгу для учителей,

директоров школ, членов родительских комитетов, помощников учителей, водителей школьных автобусов, секретарей и т. д. и т. п.?

Мы очень серьезно отнеслись к этим предложениям, но решили, что не можем принять на себя такую ответственность и написать книгу специально для учителей. В конце концов, мы уже давно не занимаемся преподаванием.

А потом нам позвонили Розалин Темплтон и Лиза Найберг. Лиза оказалась учительницей третьих и четвертых классов начальной школы Бреттейн в Спрингфилде, штат Орегон. Розалин готовила будущих учителей в университете Брэдли в Пеории, штат Иллинойс. Обе они были не удовлетворены широким использованием принуждения и наказаний в дисциплинарных целях в средних школах. Лиза и Розалин сообщили нам, что они давно собирают материалы с тем, чтобы предложить учителям альтернативные методы, которые позволили бы сделать учеников более сосредоточенными и дисциплинированными. Прочитав нашу книгу «Как говорить так, чтобы дети слушали, и слушать так, чтобы дети говорили», они поняли, что это – именно то, что им нужно, и попросили нашего разрешения адаптировать эту книгу для учителей.

В процессе разговора стало ясно, что опыт этих преподавателей очень широк. Обе женщины преподавали в городских, пригородных и сельских школах в разных регионах страны, обе имели ученую степень в области образования и вели различные семинары для учителей. Неожиданно проект, воплощение которого мы так долго откладывали, показался вполне реализуемым. Если, в дополнение к нашему собственному опыту преподавания и материалам, которыми снабжали нас учителя в течение двадцати лет, мы сможем использовать еще и огромный опыт этих двух педагогов, то у нас может получиться весьма полезная книга.

Тем летом Розалин и Лиза прилетели к нам. Мы с самого начала нашли общий язык. Обсудив примерный план книги, мы решили изложить материал с точки зрения молодой учительницы, которая пытается найти способ достучаться до своих учеников. В этом образе мы хотели объединить наш собственный опыт. Мы также решили использовать те же элементы, что и в предыдущих наших книгах – комиксы, «вопросы и ответы» и иллюстрированные сюжеты.

Но чем дольше мы общались, тем яснее становилось, что если мы собираемся охватить всю проблему детского образования, то нам придется выйти за пределы школьного класса и уделить не меньшее внимание первому учителю, который постоянно присутствует в жизни ребенка, то есть родителю. Что бы ни происходило в школе с 9.00 до 15.00, все это в значительной степени определяется тем, что происходит с ребенком до и после этого времени. Сколь бы благими ни были намерения родителя и учителя, если у них обоих не будет средств их реализации, ребенок вырастет неудачником.

Родителям и учителям нужно объединить усилия и сформировать работоспособное партнерство. Им необходимо понимать разницу между словами, которые деморализуют или вселяют уверенность; ведут к конфронтации или способствуют взаимодействию; лишают ребенка способности мыслить и сосредоточиваться или пробуждают в нем естественное желание учиться.

Нам стало ясно, что на нас лежит огромная ответственность перед современными детьми. Никогда раньше такое огромное число детей не сталкивалось с таким огромным количеством образов бессмысленной жестокости. Никогда раньше дети не были свидетелями того, что множество проблем можно решить путем силы, ножами, стрельбой или бомбами. Никогда раньше мы не испытывали такой экстренной потребности в том, чтобы показать нашим детям реальную модель решения проблем путем честного и уважительного общения. Только так мы можем оградить подрастающее поколение от импульсов насилия. Когда возникают неизбежные моменты подавленности и ярости, дети могут потянуться за

оружием, а могут выбрать слова, которые они слышали от людей, играющих важную роль в их жизни.

Вот с такими убеждениями мы и приступили к нашей работе. Прошло три года. Мы писали и переписывали нашу книгу а когда рукопись была закончена, почувствовали глубокое удовлетворение. Мы разработали четкий и понятный набор советов на тему «Как разговаривать с детьми, чтобы они хотели учиться и дома, и в школе». Мы привели конкретные примеры отношений и слов, которые найдут путь к любому сердцу в процессе обучения. Мы показали, как создать эмоциональную среду, в которой дети не будут бояться воспринимать все новое и незнакомое. Мы продемонстрировали, как детей можно подтолкнуть к принятию ответственности и выработке самодисциплины, и разработали множество методов, которые помогают детям понять, кто они есть и кем могут стать.

Мы искренне надеемся, что наши идеи помогут вам вдохновить и направить на верный путь подрастающее поколение.

«Я» в нашей книге – кто это?

Мы решили написать эту книгу от лица вымышленного персонажа – Лиз Ландер. Она и будет говорить от нашего имени. Лиз – молодая учительница, какими когда-то были и мы. Она изо всех сил хочет достучаться до своих учеников и пробудить в них желание учиться. Все мы в свое время прошли этот путь. Лиз и будет нашим коллективным «Я».

Глава 1

Как справиться с чувствами, которые влияют на желание учиться

К решению стать педагогом меня подтолкнули воспоминания о моих собственных учителях – и о тех, кого я любила, и о тех, кого ненавидела.

У меня был огромный мысленный список всего того, чего я не должна никогда говорить своим ученикам и чего не должна делать в классе. Я точно знала, что должна быть бесконечно терпеливой и понимающей учительницей. Во время обучения в колледже я пришла к выводу, что должна учить детей так, чтобы им хотелось учиться.

Но первый же день в «реальном» классе стал для меня настоящим шоком. Я все спланировала, но оказалась совершенно не готова к общению с 32 школьниками. Передо мной сидели 32 ученика: из них ключом была энергия, они имели свои желания и потребности и постоянно орали. Половина первого урока ушла на препирательства: «Кто украл мой карандаш?», «Отстань от меня!», «Заткнись, я хочу послушать учительницу!».

Я притворялась, что ничего не слышу, и продолжала урок, но конфликты не прекращались: «Почему я должен сидеть рядом с ним?», «Я не понимаю, что нужно делать...», «Он меня ударил!», «Она первая начала!».

Мне стало не по себе, шум в классе все нарастал. Слова «терпение и понимание» как-то выветрились у меня из головы. Этому классу нужен был учитель с железной волей и выдержкой. И тут я услышала собственные слова:

- Успокойся! Никто не крал твоего карандаша!
- Ты должен сидеть рядом с ним, потому что я так сказала!
- Мне все равно, кто первый начал! Прекратите немедленно! Сейчас же!
- Почему это ты не понимаешь? Я только что все объяснила!
- Не могу поверить собственным глазам! Вы ведете себя как первоклассники! Немедленно успокойтесь!

Один мальчик не обращал на меня никакого внимания. Он вскочил из-за парты, подошел к точилке для карандашей и начал точить карандаш. Самым строгим голосом я приказала:

- Достаточно! Немедленно сядь на место!
- Вы не можете меня заставить, – ответил он.
- Мы поговорим об этом после уроков!
- Я не могу задерживаться. Мне нужно на автобус...
- Тогда мне придется вызвать в школу твоих родителей.
- Вы не сможете нам позвонить. У нас нет телефона. К трем часам дня я была полностью обессилена. Дети выбежали из класса и рассыпались по улицам. Слава богу! Теперь за них отвечают родители. Я свой срок отбыла.

Я откинулась на спинку кресла и уставилась на опустевшие парты. Что я сделала не так? Почему они меня не слушали? Что нужно сделать, чтобы достучаться до этих детей?

В первые месяцы моей работы в школе ситуация не менялась. Каждое утро я входила в класс с огромными надеждами, а к обеду чувствовала себя совершенно измотанной. Чтобы пройти требуемую программу, мне приходилось прикладывать все свои усилия. Но больше всего меня мучило то, что я постепенно превращалась в учителя того типа, который был мне неприятен больше всего. Я становилась злой и раздраженной, командовала и унижала своих учеников, а они становились все более упрямыми и бестолковыми. Время шло, и оставалось только гадать, сколько еще я выдержу.

На помощь мне пришла Джейн Дэвис, классный руководитель соседнего класса. Когда я излила ей душу, она принесла мне собственный экземпляр книги «Как разговаривать так, чтобы дети слушали, и как слушать так, чтобы дети говорили».

– Не знаю, поможет ли тебе, – сказала Джейн, – но эта книга буквально спасла меня! Без нее мои собственные дети давно свели бы меня с ума. Да и в классе мне стало легче справляться!

Я поблагодарила Джейн, взяла книгу, положила ее в портфель и забыла о ней. Через неделю я лежала в постели с простудой. Делать было нечего, и я открыла книгу, которую дала Джейн. Мне сразу же бросились в глаза слова, набранные курсивом:

Между чувствами и поведением детей существует прямая связь.

Когда дети испытывают правильные чувства, они правильно себя ведут.

Как же помочь им испытывать правильные чувства? Просто нужно понять и принять то, что они чувствуют!

Я откинулась на подушку и закрыла глаза. Могу ли я принять чувства моих учеников? Я стала прокручивать в голове диалоги с детьми, которые произошли у меня на этой неделе.

Ученик: Я не могу писать.

Я: Это неправда.

Ученик: Но я не могу придумать, о чем бы написать.

Я: Нет, можешь! Перестань жаловаться и начинай писать.

Ученик: Я ненавижу историю. Какое мне дело, что произошло сто лет назад?

Я: Тебе есть дело... Очень важно знать историю своей страны.

Ученик: Это скучно.

Я: Нет, не скучно! Если ты будешь серьезным, тебе будет интересно.

Удивительно! Я всегда твердила детям о праве каждой личности на собственное мнение и собственные чувства. Но на практике получалось так, что, как только дети начинали выражать свои чувства, я тут же подавляла их. Начинала спорить с ними. Смысл моих слов заключался в одной простой фразе: «Твои чувства неправильны, поэтому ты должен слушать меня».

Я села в постели и попыталась вспомнить. А не так ли разговаривали со мной и мои учителя? Мне вспомнился один случай в старшем классе, когда я получила плохую оценку и учитель попытался успокоить меня.

– Тебе не о чем беспокоиться, Лиз, – сказал он. – Дело не в том, что у тебя нет способностей к геометрии. Ты просто не сосредоточилась. Тебе нужно было целиком сосредоточиться на задаче. Главная твоя проблема в том, что у тебя неправильное отношение к учебе.

Наверное, он был прав. У него были самые лучшие намерения, но после этого разговора я почувствовала себя глупой и бестолковой. В какой-то момент я даже перестала слушать учителя и просто наблюдала за тем, как двигались его усы, дожидаясь, когда он, наконец, закончит и я смогу уйти домой. Не те же ли чувства испытывают сейчас и мои ученики?

В течение нескольких недель я пыталась более чутко воспринимать чувства своих учеников и реагировать на них адекватно:

– Выбрать тему для сочинения действительно нелегко.

– Я знаю о твоём отношении к истории. Ты не понимаешь, почему людям есть дело до того, что происходило так давно.

Это сработало. Я сразу же заметила, что дети стали вести себя по-другому. Они кивали, смотрели мне прямо в глаза и больше со мной разговаривали. Но однажды Алекс заявил:

– Я не хочу идти на урок физкультуры, и никто меня не заставит!

Этого было достаточно. Я не стала мешкать ни минуты. Ледяным тоном я заявила:

– Ты пойдешь на урок или отправишься в кабинет директора!

Почему признать право ребенка на собственные чувства так трудно? За обедом я задала тот же вопрос вслух. За моим столом сидели Джейн и другие учителя. Я поделилась с ними своими мыслями по поводу прочитанного в книге.

На защиту учителей выступила член родительского комитета Мария Эстер.

– Вы учите столько детей, – сказала она, – и вам нужно научить их очень многому. Как же вы сможете обращать внимание на каждое сказанное слово?

Джейн задумалась.

– Если бы взрослые, – сказала она, – больше думали о *своих* словах, то нам не пришлось бы теперь от многого «отучаться». Это нужно признать. Все мы – продукт собственного прошлого. Мы разговариваем со своими учениками точно так же, как с нами разговаривали родители и учителя. Я знаю это по личному опыту. Даже дома, с собственными детьми, мне очень трудно отказаться от старого сценария. Чтобы перейти от «Это не больно. Это всего лишь маленькая царапина» к «Да, от царапин бывает больно!», мне пришлось много работать над собой.

Учитель физики, Кен Уотсон, очень удивился:

– Я что-то пропустил? – сказал он. – Не понимаю, в чем разница...

Я задумалась, пытаюсь найти пример, который позволит Кену понять разницу, а потом услышала слова Джейн.

– Представь, что ты – подросток, Кен, – сказала она. – И тебя только что приняли в школьную команду – баскетбольную, хоккейную... любую...

– В футбольную, – улыбнулся Кен.

– Хорошо, в футбольную, – кивнула Джейн. – А теперь представь, что ты пришел на первую тренировку, радостный и возбужденный. А тренер отозвал тебя в сторонку и сказал, что тебя уже исключили.

Кен застонал.

– А потом, – продолжала Джейн, – ты увидел в холле своего классного руководителя и решил рассказать ей о произошедшем. Представь, что я – учительница. Я могу отреагировать на твои слова по-разному. Поставь себя на место ребенка и представь, что он почувствует и подумает после моих слов.

Кен усмехнулся, достал ручку и потянулся за салфеткой.

Вот несколько ситуаций, предложенных Джейн.

Отрицание чувств

– Ты расстраиваешься на пустом месте. Мир не перевернется из-за того, что тебя не приняли в команду. Забудь об этом.

Философская реакция

– Жизнь не всегда справедлива, но нужно научиться держать удар.

Совет

– Не стоит заикливаться на этой неудаче. Попробуй вступить в другую команду.

Вопросы

– Как ты думаешь, почему тебя не приняли? Другие игроки оказались лучше тебя? Что ты собираешься делать дальше?

Защита другой стороны

– Постарайся поставить себя на место тренера. Он хочет создать команду победителей. Ему нелегко решить, кто должен остаться, а кому стоит уйти.

Жалость

– О, бедняжка! Мне тебя так жаль. Ты так старался попасть в команду, но у тебя не вышло. Теперь об этом узнают все. Наверное, ты умираешь от смущения...

Любительский психоанализ

– Ты никогда не думал о том, что на самом деле тебя исключили из команды, потому что у тебя не лежала душа к этой игре? Думаю, что подсознательно ты сам хотел уйти из команды, поэтому все произошло правильно.

Кен умоляюще поднял руки.

– Стоп! – взмолился он. – Достаточно! Я все понял.

Я спросила у Кена, можно ли посмотреть на его записи. Он подвинул ко мне салфетку, и я прочла вслух:

– Не учите меня, что я должен чувствовать.

– Не учите меня, что я должен делать.

– Вам никогда меня не понять.

– Засуньте свои вопросы... сами знаете куда!

– Вы готовы принять чью угодно сторону, но только не мою!

– Я неудачник.

– Больше никогда не буду ничего вам рассказывать!

– Надо же, – удивилась Мария, – я говорю своему сыну Марко практически то же самое, что Джейн сказала Кену. А что же нужно делать в такой ситуации?

– Нужно признать право ребенка на огорчение, – быстро ответила я.

– И как же это сделать? – спросила Мария.

Я не знала, что сказать, и посмотрела на Джейн в поисках поддержки. Она повернулась к Кену и посмотрела ему прямо в глаза.

– Кен, – сказала она, – наверное, это очень тяжело – быть исключенным из команды, когда ты был абсолютно уверен в том, что тебя приняли. Наверное, ты очень огорчен!

– Да, – кивнул Кен. – Это был тяжелый удар. Я очень огорчен. Честно говоря, мне стало легче от того, что кто-то наконец-то понял эту простую вещь!

После этого всем нам захотелось о многом рассказать друг другу. Мария призналась, что, когда она была ребенком, никто не понимал ее чувств.

– Как же мы сможем дать нашим ученикам то, чего никогда не получали сами? – спросил Кен.

Чтобы новая реакция на чувства детей стала для нас привычной, придется немало тренироваться. Я вызвалась предложить еще несколько примеров того, как можно уважительно отнестись к чувствам школьников. Вот небольшой комикс с изображением моих примеров. Его я показала моим друзьям спустя несколько дней.

Вместо отрицания чувств...

Когда чувства ученика отрицаются, он быстро теряет интерес к учебе.

Облекайте чувства в слова

Когда негативные чувства подтверждены и поняты, ученик охотно продолжает учебу.

Вместо критики и советов...

У учителя были самые добрые намерения, но когда ученика постоянно критикуют и дают советы, ему трудно задуматься над своей проблемой и принять на себя ответственность.

Подтвердите чувства ребенка словами или междометиями («Да?», «М-м-м», «Понимаю»)

Сочувственная и понимающая реакция на огорчение ученика, кивки и подтверждения помогают ребенку сосредоточиться на своей проблеме и даже самому найти решение.

Вместо причин и объяснений...

Когда школьник отказывается прислушаться к здравому смыслу, это очень раздражает. Как же поступить в такой ситуации? Есть ли способ помочь девочке преодолеть свое нежелание заниматься?

Дайте волю фантазии, хотя не можете сделать это в реальности

Когда мы переводим желания школьника в фантазию, ему легче справиться с реальностью.

Вместо того чтобы игнорировать чувства...

Детям трудно изменить поведение, если взрослые полностью игнорируют их чувства.

**Признайте право ребенка на чувства,
даже если его поведение неприемлемо**

Детям легче изменить поведение, когда их чувства поняты.

Кен посмотрел на мои рисунки и покачал головой.

– В теории все звучит прекрасно, но мне кажется, что это лишняя нагрузка на учителей. Откуда нам взять время на то, чтобы помогать детям справляться с их чувствами?

Джейн оживилась.

– Время найти нетрудно, – сказала она. – Приходи в школу пораньше, уходи попозже, меньше времени тратить на обед и забудь о туалете.

– Ну конечно, – кивнул Кен, – и в перерывах между планированием уроков, проверкой тетрадей, подготовкой расписания и выступлениями на конференциях (ну и между преподаванием как таковым) думай о том, что могут чувствовать твои ученики и как в фантазиях дать им то, чего они не могут получить в реальности.

Слушая Кена, я думала: «Может быть, я слишком многого хочу от учителей...»

Джейн словно прочла мои мысли:

– Я знаю, что нагрузка у учителей очень велика. Но детям очень важно чувствовать, что их понимают. Вы же знаете, что когда дети расстроены, они *не могут* сосредоточиться. Они не могут усваивать новый материал. Если мы хотим освободить их разум, чтобы они могли мыслить и учиться, то нам нужно уважать их эмоции.

– И не только в школе, но и дома, – понимающе добавила Мария.

Мы повернулись к ней.

– Когда мне было девять лет, – сказала она, – наша семья переехала в другой город, и мне пришлось идти в новую школу. У меня была очень строгая учительница. Когда я делала задание по арифметике, она возвращала мне тетрадку, где все неправильные ответы были перечеркнуты большими черными крестами. Она заставляла меня снова и снова переделывать упражнение, пока я не делала все правильно. Я так нервничала на ее уроках, что не могла думать. Иногда я даже пыталась списывать ответы у других детей. Накануне экзамена у меня всегда болел живот. Я говорила: «Мама, я боюсь». А она отвечала: «Бояться нечего. Просто постарайся все сделать как можно лучше». Отец тоже говорил: «Если ты все выучила, тебе нечего бояться». Но от этих слов мне становилось еще хуже.

Кен с интересом посмотрел на Марию.

– А если бы ваши родители сказали: «Похоже, этот экзамен действительно беспокоит тебя, Мария»? Вы почувствовали бы себя по-другому?

– Ну конечно! – воскликнула Мария. – Потому что тогда я смогла бы рассказать им о черных крестах, о том стыде, который испытывала, когда мне приходилось снова и снова все переделывать на глазах у всего класса.

Кен все еще был настроен скептически.

– Но разве вы смогли бы избавиться от беспокойства и лучше справиться с заданием по математике?

Мария задумалась.

– Думаю, да, – медленно ответила она, – если бы родители прислушались ко мне и позволили рассказать о своих страхах, то я набралась бы смелости и мне захотелось бы учиться лучше.

Через несколько дней после этого разговора мы снова обедали с Марией. Она улыбнулась и вытащила из сумочки маленькие свернутые листочки бумаги.

– Послушайте, что сказали мне на этой неделе мои дети, – сказала она. – Представьте, чего я не стала говорить своим детям после нашего разговора. Первая записка от моей дочери Аны Рут.

Мария развернула бумажку и прочитала: «Мама, учитель физкультуры заставил меня пробежать лишний круг за то, что я слишком медленно переодевалась, и все смотрели на меня».

Первым отозвался Кен:

– Ты не стала говорить: «А что должен был сделать учитель? Похвалить тебя? Вручить тебе медаль за то, что ты такая копуша?»

Все засмеялись, а Мария продолжила:

– А вот что сказал мне мой сын Марко: «Ма, пожалуйста, не злись, я потерял новые перчатки».

– Теперь моя очередь, – вызвалась Джейн. – «Что?! В этом месяце ты теряешь уже вторую пару. Ты думаешь, я печатаю деньги? В будущем, снимая перчатки, клади их в карман. А выходя из автобуса, проверяй сиденье и пол, чтобы они случайно не выпали!»

– А что в этом плохого? – удивился Кен. – Ты приучаешь ребенка к ответственности.

– Неправильно выбрано время.

– Почему?

– Когда человек тонет, не время давать ему уроки плавания.

– Гмм, – проворчал Кен. – Мне нужно над этим подумать... Хорошо, теперь твоя очередь, Лиз.

Мария взглянула на следующий листочек и сказала:

– Это тоже от Аны Рут: «Не знаю, хочу ли я и дальше играть в оркестре».

Я чуть не подпрыгнула на месте:

– Вы не сказали: «Мы столько денег потратили на уроки скрипки, а теперь ты говоришь, что хочешь все бросить! Твой отец очень расстроится, узнав об этом!»

Мария посмотрела на нас с изумлением:

– Откуда вы все узнали, чего я чуть было не сказала?

– Это очень легко, – улынулась Джейн. – Именно это говорили нам наши родители.

Я постоянно ловлю себя на том, что говорю детям то же самое.

– Мария, – сказал Кен, – не томи нас. Что же ты действительно сказала детям?

– Когда Марко не смог найти новые перчатки, – ответила Мария, – я не стала ругать его. Я просто сказала: «Терять вещи очень неприятно... Как ты думаешь, не мог ты оставить перчатки в автобусе?» Он посмотрел на меня так, словно не мог поверить собственным ушам, и сказал, что на следующий день спросит у водителя.

Мария продолжала:

– А когда Ана Рут сказала, что учитель физкультуры заставил ее бегать перед всем классом, я ответила: «Ты, наверное, очень неловко себя чувствовала». Она ответила: «Да, да!» – а потом сменила тему, что для нее очень характерно, потому что она никогда мне ничего не рассказывает.

Но самое удивительное случилось потом, – рассказывала Мария. – После урока музыки дочь сказала, что не знает, хочет ли и дальше играть в оркестре. Она просто убила меня этими словами, но я сдержалась: «То есть ты и хочешь играть в оркестре, и не хочешь?» Ана Рут задумалась. А потом заговорила, и мне все стало ясно. Она сказала, что играть на скрипке ей нравится, но репетиции отнимают слишком много времени. Она почти не общается с друзьями, ей никто не звонит. Наверное, у нее вообще не осталось друзей. А потом она заплакала, а я стала ее утешать.

– О, Мария, – сказала я. Ее слова меня глубоко тронули.

– Забавно, правда? – спросила Джейн. – Ана Рут не могла сказать вам, что ее беспокоило на самом деле, пока вы не признали ее право на собственные чувства.

– Да, да, – энергично закивала Мария. – А как только вскрылась реальная проблема, Ана сама придумала, как помочь себе. На следующий день она сказала, что решила остаться в оркестре и поискать новых друзей там.

– Это же чудесно! – обрадовалась я.

– Да, – ответила Мария, слегка нахмурившись. – Но я рассказала вам только о хороших своих поступках. Я не сказала о том, что случилось, когда Марко сказал мне, что ненавидит мистера Петерсена.

– О-о-о... Это тяжело, – вздохнула я. – Вы ведь весь прошлый год помогали мистеру Петерсену?

Казалось, что Марии очень больно.

– Он очень хороший учитель, – прошептала она. – Очень серьезный.

– Я именно это и хотела сказать, – пояснила я. – Вы работали вместе. С одной стороны, вам хотелось поддержать сына. С другой, – вы высоко цените мистера Петерсена, и вам не хотелось критиковать его.

– Не только мистера Петерсена, – кивнула Мария. – Наверное, я немного старомодна, но считаю, что ребенок не должен плохо отзываться об учителях.

– Но, поддержав сына, – вмешалась Джейн, – вы же не обязаны были осуждать мистера Петерсена...

Джейн быстро набросала свой вариант типичной родительской реакции в ситуации, когда ребенок жалуется на учителя. А потом мы все вместе постарались придумать полезный диалог.

Наша проблема заключалась в том, чтобы не согласиться с ребенком и не унижить учителя. Вот к чему мы пришли:

Примите и поймите чувства и желания ребенка

Вместо критики, вопросов и советов...

Прозвонил звонок. Кен взял свой поднос и сказал:

– Я еще не уверен в том, что все это правильно. Может быть, для родителей это подходит, но мне кажется, что учителю достаточно быть достойным человеком, любить детей, знать свой предмет и уметь преподавать его.

– К сожалению, – возразила Джейн, выходя вместе с ним, – это не так. Если ты хочешь хорошо учить, тебе нужны ученики, которые эмоционально готовы слушать и учиться.

Я поспешила за ними, чувствуя, что надо что-то сказать, но не зная, что именно. По дороге домой в тот день я вспоминала наши разговоры на этой неделе и чувствовала, что во мне зреет новое убеждение.

Хотелось бы мне тогда сказать Кену:

Цель учителя – не просто передать ученикам факты и информацию.

Если мы хотим, чтобы наши ученики выросли настоящими людьми, то должны уважать и признавать их чувства.

Если мы ценим достоинство наших учеников, то должны разработать такие методы обучения, которые не ранят их достоинства.

Если мы хотим, чтобы наши ученики уважали себя и других, то для начала должны начать уважать их. А сделать это невозможно, если мы не станем проявлять уважения к их чувствам.

Вот что мне нужно было сказать Кену!

Памятка

ЧУВСТВА ДЕТЕЙ НУЖНО ПРИЗНАВАТЬ ДОМА И В ШКОЛЕ

Ребенок: Я получил тройку всего лишь из-за нескольких дурацких ошибок!

Взрослый: Не волнуйся. В следующий раз у тебя все получится.

Вместо того чтобы принижать значение чувств ребенка, вы можете:

1. Подтвердить чувства ребенка.

«Похоже, ты сильно расстроен. Очень обидно знать ответ и получить низкую оценку из-за простой описки».

2. Проявить солидарность с чувствами ребенка с помощью звуков или слов.

«О!», «М-м-м», «Да, да», «Понимаю».

3. Предложить ребенку в виде фантазии то, чего вы не можете дать в реальности.

«А здорово было бы иметь волшебный карандаш, который переставал бы писать, когда ты делаешь ошибку!»

4. Принять чувства ребенка даже в том случае, если вы вынуждены призвать его к прекращению неприемлемого поведения.

«Ты все еще расстроен из-за плохой оценки, но не следует пинать парту. Это неправильно. Лучше расскажи мне о том, что тебя тревожит, или можешь все это нарисовать».

Вопросы и истории родителей и учителей

Вопросы родителей

1. Мой семилетний сын Билли часто злится, когда делает домашнее задание. Если он не может решить пример, то вырывает листок из тетради, швыряет его на пол или ломает карандаш. Как справиться с выплесками негативной энергии?

Кто-то из родителей должен помочь Билли понять свои чувства и справиться с ними. Ему нужно услышать что-то вроде: «Когда не можешь найти ответ, это всегда очень неприятно! Я понимаю, что тебе хочется рвать и метать, Билли. Когда ты так себя чувствуешь, то всегда можешь сказать: «Папа, я так зол! Ты не можешь помочь мне?» Возможно, тогда мы сможем сделать домашнее задание вместе».

2. На прошлой неделе моя 13-летняя дочь была так расстроена, что не могла делать домашние задания и готовиться к экзаменам. Она по секрету сказала своей лучшей подруге, что «влюбилась» в одного мальчика, а та тут же рассказала об этом тому самому мальчику. Когда я узнала, что дочь чувствует себя преданной, то сразу не сообразила, что ей сказать и какой дать совет. Что мне нужно было сделать?

Давая совет, даже тот, о котором вас попросили («Мама, что мне делать?»), всегда сталкиваешься с определенной опасностью. Ребенок находится в сложном эмоциональном состоянии и может просто не прислушаться к вашим словам. Ему слишком больно. Ваш самый добрый совет может показаться неподходящим («Какое все это имеет отношение ко мне?») или унижительным («Ты думаешь, я такая глупая, что не могу разобраться со своими проблемами сама?»). Ребенок может счесть совет вмешательством в личную жизнь («Не диктуй мне, что я должна делать!») или даже угрозой («Все это очень хорошо, но я этого никогда не смогу сделать!»).

Прежде чем ваша дочь начнет обдумывать варианты решения своей проблемы, она может поделиться с вами рядом соображений: «Нужно ли мне ссориться с подругой? А как? Можно ли доверять ей в будущем? Нужно ли сохранять отношения с ней? Нужно ли что-нибудь сказать тому мальчику? А если нужно, то что?» Все это очень серьезные вопросы, ответив на которые ваша дочь сможет лучше понять природу человеческих отношений. Давая ей конкретный совет, вы лишите девочку возможности получить жизненный опыт.

3. Вы считаете, что ребенку вовсе не нужно давать советов?

После того как ребенок вас выслушал, вы можете ненавязчиво спросить: «Как ты относишься к ...?», «Как ты думаешь, а не поможет ли ...?», «Не стоило ли сделать ...?», «Как тебе кажется, что произойдет, если ты ...?». Давая ребенку возможность принять, отвергнуть или проанализировать ваши предложения, вы делаете его более восприимчивым к вашим мыслям и советам.

4. В последнее время мой сын постоянно бродит по дому и ругает своего учителя политологии: «Он заставляет нас каждый день читать газеты! Каждую неделю у нас устраиваются дебаты и контрольные. Никто не заставляет нас так много работать, как мистер М.!» Я не знаю, как реагировать. Мне уже становится жалко сына.

Вашему сыну не нужна жалость. Ему нужно, чтобы вы его поняли и поддержали в его протесте. Попробуйте воспользоваться нашими предложениями:

«Судя по всему мистер М. очень серьезно относится к работе».

«Похоже, ты действительно испытываешь серьезный прессинг!»

«А вот если бы ты был учителем, то устраивал бы для своих учеников каникулы каждую неделю...»

«Похоже, мистер М. – жесткий и требовательный учитель. Наверное, нелегко соответствовать его высоким требованиям».

5. Что делать, если ребенок отказывается рассказывать о том, что его беспокоит?

У взрослых людей всегда бывают чувства, о которых не хочется рассказывать другим – в данный момент или всегда. Некоторые из нас предпочитают во всем разбираться самостоятельно. Дети точно такие же. Когда им хочется самим разобраться в собственных чувствах, это сразу же понятно. В ответ даже на самое сочувственное замечание, вроде «Похоже, сегодня произошло что-то неприятное?», ребенок отворачивается, уходит в свою комнату или честно признается: «Я не хочу об этом говорить». В таком случае вы должны просто дать ему понять, что всегда готовы прийти на помощь, если он изменит свое мнение.

Родительские истории

Первую историю нам прислала женщина, муж которой помог сыну справиться с проблемами, возникшими во время первой школьной недели.

Учебный год только начался, и я изо всех сил старалась уложить детей спать пораньше. Все согласились, кроме девятилетнего Энтони. Он продолжал канючить и спорить со мной. Что бы я ни говорила, идти спать он не соглашался. В конце концов я сказала мужу: «Джо, поговори со своим сыном, потому что мои нервы на пределе!» И вот что произошло дальше:

Джо: Тони, я хочу с тобой поговорить. Мама говорит, что ты ее не слушаешься. Что происходит? Похоже, тебя что-то мучает?

Энтони: У меня очень много проблем...

Джо: Тогда расскажи мне о них. Давай поговорим в твоей комнате.

Они вместе отправились в комнату Энтони. Через двадцать минут Джо вышел оттуда, очень довольный собой.

Я: Что случилось?

Джо: Ничего. Я просто уложил ребенка спать.

Я: Как тебе это удалось?

Джо: Я записал все его проблемы.

Я: И все?

Джо: Я прочел ему список.

Я: А что произошло дальше?

Джо: Я сказал, что в выходные помогу ему разобраться с этими проблемами. Он положил список под подушку, надел пижаму и лег спать.

На следующее утро я меняла постельное белье на постели Энтони. Листок со списком упал на пол. Вот что в нем было написано:

Что беспокоит Энтони

1. Беспорядок в шкафу и комнате. Недостаточно места.
2. Для школы нужна новая одежда.

3. Школьная нагрузка очень велика, приходится носить с собой слишком много книг. (Мы только что начали учиться, а нам уже столько задают!)
4. Нужно больше денег на школьные завтраки.
5. Сломался велосипед. Цепь постоянно соскальзывает.
6. Под стиральную машину закатилась монетка. (Денег и так мало, а они еще и теряются.)
7. Все денежные проблемы можно было бы решить, если бы папа выписал чек на сто долларов.

Читая этот список, я улыбалась. Вам кажется, что только у взрослых бывают «серьезные» проблемы. Очень легко забыть, что детские проблемы ничуть не менее серьезны. Детям, как и взрослым, нужно, чтобы кто-то их выслушал и серьезно отнесся к их трудностям.

* * *

А этой женщине удалось помочь своей дочери справиться с процессом подачи документов в институт.

Почти все одноклассники моей дочери уже подали документы в институт, кроме нее. Карен привыкла все откладывать на последний момент, но на этот раз дело зашло слишком далеко. Я пыталась не пилить ее, но при каждом удобном случае напоминала об этой проблеме. Все мои слова пропали втуне. Наконец, в дело вмешался отец. Он серьезно поговорил с Карен и попытался убедить ее в том, что пора уже задуматься над вопросом высшего образования. Он был очень терпелив и рассказал ей об институтах то, что, как ему казалось, ей нужно знать. Он даже помог ей составить документы. Карен пообещала подготовить все к выходным, но не сделала этого.

Дни шли. Я начала нервничать и кричать на дочь. Я строго сказала, что если она не отправит документы немедленно, то вообще не сможет поступить в приличный институт. Мои слова действия не возымели.

И вдруг меня посетило вдохновение (наверное, от отчаяния). Я сказала: «Я понимаю, подавать документы в институт непросто. Нужно отвечать на массу вопросов да еще писать сочинение... Неудивительно, что многие откладывают это дело на самый последний момент».

Дочь очень обрадовалась.

Я продолжала: «Как было бы здорово, если бы эти документы вообще отменили, а в каждом институте были бы приемные комиссии, состоящие из телепатов! Тогда всем было бы ясно, какое счастье им привалило, что ты хочешь к ним поступить! Тебя буквально завалили бы предложениями!».

Карен рассмеялась и ушла в свою комнату. На следующий день она начала заполнять документы, и к концу недели они были отосланы!

* * *

А вот какой историей с нами поделилась женщина, которой пришлось бороться с серьезной и долгой болезнью сына.

Когда моему сыну было около одиннадцати лет, ему установили кардиостимулятор. Кроме того, ему приходилось носить специальные очки, которые поддерживали его слабые

веки. А теперь ему понадобился еще и слуховой аппарат. Когда мы возвращались домой от врача, сын сказал: «Лучше не покупай этот дурацкий аппарат... Все равно в школе я его носить не смогу. Я просто выброшу его в мусорную корзину или в туалет!»

Я вела машину и не могла отвлекаться, но сердце у меня разрывалось. Я умела владеть собой и давно поняла, что лучше промолчать, чем сказать то, что только усугубит ситуацию. Сын посмотрел на меня и спросил: «Ты слышала, что я сказал?»

Я ответила (благодарение богу!): «Я слышу мальчика, которому просто ненавистна сама мысль о слуховом аппарате и которому кажется, что это самая худшая вещь, какую только можно себе представить!»

Сын на мгновение задумался, а потом сказал: «Да... И если кто-нибудь в школе будет надо мной смеяться, я больше никогда не надену эту штуку!»

Я помолчала и предложила: «Может быть, попросить парикмахера подстричь тебя немного иначе, чтобы на висках волосы были чуть длиннее?»

Сын обрадовался: «Да, давай так и сделаем!»

У меня отлегло от сердца. Я была очень рада, что научилась правильно разговаривать с ребенком.

Вопросы учителей

1. Должен ли я учитывать чувства своих учеников? Разве это не работа психолога? У меня на преподавание-то времени не хватает...

Иногда то, что кажется нам кружным путем, оказывается самым прямым и близким. Может быть, лучше потратить несколько минут на то, чтобы разобраться с чувствами своего ученика, чем потом решать проблему, которая потребует массы драгоценного учебного времени. Кроме того, поведя себя подобным образом, вы поможете ребенку, оказавшемуся в затруднительном положении.

2. Когда я расспрашиваю учеников об их чувствах, они ничего мне не говорят, а отделываются пустыми отговорками. Почему это происходит?

Когда взрослые начинают расспрашивать детей об их чувствах, те испытывают эмоциональный дискомфорт. «Что ты почувствовал?.. А что ты чувствуешь теперь?.. Злость?.. Страх?.. Почему ты испытываешь именно эти чувства?» Подобные вопросы заставляют детей замкнуться в себе. Особенно неприятны им вопросы, связанные с тем, почему они испытывают те или иные чувства. Само слово «почему» заставляет ребенка оценивать свои чувства, искать логические, приемлемые для взрослых причины их возникновения. Очень часто ребенок просто не знает причины. Ему недостает психологических знаний, чтобы ответить вам: «Когда дети на автобусной остановке стали меня дразнить, это нанесло сильный удар по моей самооценке».

Когда ребенок несчастлив, ему нужно, чтобы родитель или учитель понял, что происходит в его душе: «Когда тебя дразнят, это очень больно. Какова бы ни была причина, это всегда неприятно». Тем самым вы покажете ребенку, что если он хочет поговорить на эту тему, то рядом с ним есть понимающий и сочувствующий взрослый.

3. Вы говорите, что нужно понимать и принимать даже худшие чувства детей. Но не истолкуют ли ученики подобное поведение как разрешение выплескивать эти самые чувства?

Нет, если вам удастся провести четкую границу между чувствами и поведением. Да, ученики имеют право испытывать гнев и выражать его. Нет, они не имеют права вести себя таким образом, чтобы причинять другим людям физический или эмоциональный вред.

Можно, например, сказать Дэвиду: «Ты был очень груб с Майклом и даже попытался его ударить. Дэвид, я не могу позволить, чтобы мои ученики дрались между собой. Скажи Майклу о своих чувствах словами, а не кулаками».

4. У меня есть старшеклассник из неблагополучной семьи. Мне очень трудно проявлять понимание, когда он заявляет: «Я вас ненавижу» или «Вы врете» или употребляет слова, которых я не могу даже повторить. Я никогда не знаю, как реагировать на подобное поведение. Можете ли вы мне что-нибудь предложить?

Иногда трудные дети сознательно испытывают своих учителей, заставляя их злиться или переходить в оборонительную позицию. Дети любят «потянуть за поводок» и втянуть учителя в долгую и бесполезную перепалку на радость всему классу. Вместо того чтобы проявлять враждебность, вы можете спокойно сказать: «Мне не нравится то, что я только что услышала. Если ты зол, вырази свой гнев другим образом, и тогда я тебя выслушаю».

5. Одна из моих учениц недавно рассказала мне о своих домашних проблемах. Ее родители и брат постоянно ругаются между собой. Я сказала: «Я понимаю, как это все тебя огорчает, но подумай о том, за что ты можешь быть им благодарна». Ученица расплакалась. Что я сделала неверно?

Остерегайтесь союза «но». Этот союз сразу же отрицает только что высказанную эмоцию и посылает сигнал: «А теперь я объясню тебе, почему твои чувства не имеют никакого значения». Детям нужно, чтобы вы приняли их эмоции и чувства, а не оценивали их. («Понимаю, как тебя огорчает то, что происходит дома... Тебе хотелось бы, чтобы родные лучше ладили между собой».) Постарайтесь продемонстрировать полное и безоговорочное понимание, и тогда ваш юный собеседник без страха начнет справляться со своими проблемами.

Учительские истории

Первую историю нам рассказала воспитательница двуязычной группы в детском саду.

Прошло несколько недель с начала учебного года, и в нашей группе появился новый мальчик. Их семья недавно переехала в наш район. Мама привела его в группу, представила воспитательнице и быстро ушла. Та улыбнулась малышу, отвела его на свободное место, дала ему карандаши и бумагу и объяснила, что дети рисуют членов своей семьи. Мальчик сразу же разрыдался. Воспитательница сказала: «Нет, нет! No llores». (Не плачь!) Я подошла, чтобы успокоить ребенка, но воспитательница отозвала меня в сторону. «Оставьте его в покое, – резко сказала она, – иначе он будет плакать весь день». А потом она вернулась за стол заканчивать свой отчет.

Я попыталась не обращать на плачущего мальчика внимания, но он плакал так жалобно, что я не выдержала. Я села рядом с ним и погладила его по плечу. Он уронил голову на стол и плакал: «Quiero mi mamá... Quiero mamá!» Я шепнула ему на ухо: «Quieres tu mamá?» («Ты хочешь мамочку?») Он посмотрел на меня полными слез глазами и ответил: «Sí». («Да».)

По-испански я сказала ему: «Расставаться с мамой всегда тяжело. Даже когда знаешь, что скоро увидишь ее снова, ждать так тяжело. Может быть, мы нарисуем твою маму?» Я взяла карандаш, нарисовала кружочек, обозначила нос и рот. А потом я отдала карандаш мальчику и сказала: «Ну-ка, нарисуй глазки!»

Он перестал плакать, вцепился в карандаш и поставил две крохотные точки. Я сказала: «Ты нарисовал ей глаза. А какого цвета у нее волосы?» Мальчик взял черный карандаш и стал рисовать волосы. Когда я отошла, он увлеченно продолжал рисовать.

Я была очень рада. Конечно, я могла не обращать на него внимания, и он, возможно, успокоился бы. Но, подтвердив его право чувствовать себя несчастным, я помогла этому ребенку справиться со своими чувствами.

* * *

Следующую историю нам рассказал учитель младших классов. Ему удалось остановить драку, подтвердив право каждого из противников на негативные чувства.

Я услышал крик и увидел, что двое мальчишек сцепились в драке. Я подбежал и оттащил прочь Мануэля, который уже оседлал Хулио и изо всех сил колотил его по спине. Вот что произошло, когда я растащил мальчишек.

Я: Ребята, вы убьете друг друга!

Мануэль: Он пнул меня между ног!

Я: Это действительно очень больно! Неудивительно, что ты так разозлился!

Хулио: А он ударил меня под дых!

Я: Так вот почему ты пнул его...

Мануэль: Он забрал мои картофельные чипсы!

Я: Понимаю... Это тебя по-настоящему разозлило. Уверен, что теперь Хулио знает, что ты никому не отдашь своих чипсов. Он больше не будет этого делать.

Мануэль: Конечно, не будет.

Мальчишки стояли и сверкали глазами друг на друга.

Я: Похоже, вам нужно немного остыть, прежде чем вы снова станете друзьями.

Так и вышло. В тот же день после уроков я видел, как ребята шли вместе и смеялись. Увидев меня, Хулио крикнул: «Вот видите, мы снова друзья!»

* * *

А вот последняя история. Ее рассказала нам учительница, ученики которой были потрясены начавшейся войной.

На следующий день после начала войны в Персидском заливе многие мои ученики выглядели испуганными и нервными. Я подумала, что лучше всего будет рассказать им об этих событиях в исторической перспективе. Поэтому я подготовила обзор других крупных войн, в которых участвовали Соединенные Штаты. Начала я с войны за независимость. Когда я объявила тему урока, ученики замолчали. Одна девочка сказала: «Миссис Риттер, не могли бы мы поговорить на другую тему? Давайте поговорим о том, как мы относимся к войне».

Ученики настороженно смотрели на меня. Я спросила: «Вы все хотите поговорить на эту тему?» Они закивали. Я была тронута доверием детей, которые не побоялись попросить меня изменить тему урока.

Начал один из мальчиков. «Война – большая глупость», – мрачно сказал он.

Все взоры обратились на меня. Дети ждали, какой будет моя реакция. «Я вижу, что эта тема глубоко тебя волнует, – сказала я. – Расскажи нам о своих мыслях».

Дети немного расслабились. Следующие полчаса ученики по очереди делились со мной и друг с другом самыми серьезными своими страхами и тревогами. Потом кто-то сказал: «Давайте напишем об этом. Можно?» «Отлично, – подумала я. – Будет очень хорошо, если они смогут найти творческое выражение для своих сильных чувств».

Дети открыли тетради и стали писать. В классе воцарилась полная тишина. В конце урока я спросила, не хочет ли кто-нибудь прочитать свое сочинение вслух. Захотели многие. Вот выдержки из трех сочинений.

Напуганные, оторванные от дома, они сражаются и отдают свои жизни за то, что можно было предотвратить.

Во время войны можно услышать множество разных звуков: рев канонады, крики о помощи. Но громче всего рыдания людей, чьи близкие погибают на войне.

Сильвия

Множество невинных людей погибнет. Еще больше людей будет страдать. Когда у детей умирают мамы и папы, дети плачут, дети боятся. Они не понимают, почему это происходит.

Джозеф

В конце урока настроение в классе изменилось. Казалось, что черная туча, придавившая всех вокруг, ушла. Дети поделились общей болью. Мы почувствовали, что стали ближе друг другу. В тот день никто не был одинок.

Джейми

Глава 2

Семь приемов, которые помогут подтолкнуть детей к взаимодействию

В первый год работы в школе я считала, что добиться от детей взаимодействия можно, только руководствуясь слоганом Nike: «Просто сделай это!» Я тратила очень много времени на тщательную подготовку. Наш день был разбит на целый ряд значимых уроков. Нам нужно было изучить массу материала, а времени на это отводилось совсем немного. Если ученики будут «взаимодействовать», то времени на изучение нового материала останется больше.

Термин «взаимодействие» означает «совместную работу по достижению общей цели». Однако я обнаружила, что некоторые ученики ведут себя так, словно их общая цель заключается в том, чтобы положить конец моей работе! Я проверяла домашние задания, но тут кто-то просился в туалет, с задней парты взмывал в воздух бумажный самолетик, а кто-то из учеников падал со стула.

Что же происходило с этими детьми? Неужели они не понимали, как важно получить хорошее образование? Неужели они не понимали, что от качества школьного образования зависит их будущее? Почему они не могли держать себя в руках?

Однажды я вместе с другой учительницей дежурила по школе. Я наблюдала за тем, как дети толкаются, пихаются и кричат, пытаюсь отобрать друг у друга мяч. Моя коллега с отворачиванием закатила глаза и сказала:

– Посмотрите только на них! Какие они незрелые! Почему они ведут себя так по-детски?

Я что-то пробормотала под нос, но про себя подумала: «Может быть, потому, что они и есть дети. Может быть, взрослым нужно просто понять, как ведут себя нормальные дети». Встретившись в столовой со своей подругой Джейн, я сказала ей об этом.

Джейн покачала головой:

– То, что ты видишь, это не просто детское поведение. Некоторые из этих детей решают такие проблемы, с которыми мы в своем детстве и не сталкивались. В моем классе есть дети, которые практически не видят своих родителей. Их родители – профессионалы, озабоченные карьерой. Они изо всех сил стараются успеть объять необъятное. А родители других детей просто не *могут* быть дома, потому что они работают весь день и всю ночь только ради того, чтобы свести концы с концами. Ты сама говорила мне, что у тебя есть мальчик, который живет в приюте для бездомных. Этим детям приходится решать обычные проблемы взросления, а многим из них вообще не удастся почувствовать себя «детьми».

Джейн помолчала и тяжело вздохнула.

– Самое грустное заключается в том, что в современном мире дети сталкиваются с беспрецедентным уровнем стресса и небрежения. Если мы хотим помочь им овладеть суммой школьных знаний, то нам нужно избавить их хотя бы от части эмоционального груза, с которым они приходят в наши классы. Роль учителя изменилась, сегодня он берет на себя многие родительские обязанности.

Подозреваю, что Джейн была права. Хотя многие дети приходили в школу готовыми к учебе и преисполненными желанием учиться, другие относились к занятиям с полным безразличием. Возможно, поэтому они игнорировали самые простейшие мои просьбы или сопротивлялись им. На их поведение в школе влияло то, что происходило у них дома. Когда Сэм попросил мать, чтобы та послушала его сочинение, она велела ему оставить ее в покое. (К ней только что пришел приятель.) Отец Мелиссы давно овдовел и после этого запил. Девочку

воспитывали приходящая няня, сама девочка-подросток и телевизор. Она понятия не имела, как общаться со взрослыми. Мать Эрика страдала от хронической депрессии. Что эти дети могли знать о взаимодействии? В семье их явно этому не учили. Разумеется, я не могла повлиять на то, что происходило у этих детей дома. Но изменить происходящее в школе было в моих силах.

Обдумывая свой стиль преподавания, мне пришлось признать, что иногда на уроках я превращалась в сурового сержанта, отдающего приказы:

- Заточи карандаш.
- Подними руку.
- Подпиши контрольную работу.
- Оставайся на своем месте.
- Собери книги.
- Смотри в свою тетрадь.
- Встаньте в очередь.
- Говори тише.
- Выплюнь жвачку.
- Осторожнее с компьютером!

Я не только диктовала детям, что они должны делать, но еще и приказывала, чего они делать не должны.

- Не бегай по коридору.
- Не толкайся.
- Не груби.
- Не дерись.
- Не забудь тетрадь с домашней работой.
- Не пиши на парте.
- Не разговаривай.
- Не ври!
- Не выставляй ноги в проход.
- Не дергай девочек за косички!

Большую часть времени на уроке я тратила не на объяснения по предмету, а на то, чтобы утихомирить расшалившихся учеников. Но если я не буду этого делать, разве они научатся вести себя как цивилизованные люди? Но, как оказалось, чем больше приказов я отдаю, тем сильнее сопротивляются дети. Драгоценное учебное время уходит на преодоление сопротивления и борьбу самолюбий. В один особенно тяжелый день я пришла домой совершенно обессиленной. Мое терпение лопнуло. Я чувствовала себя отвратительно. Еще одна капля – и я взорвалась бы! Тогда я снова открыла свой экземпляр книги «Как говорить так, чтобы дети слушали»... и перечитала главу «Учимся взаимодействовать». Все примеры были взяты из семейной жизни. А что, если заменить дом на школу? Я попробовала переделать одно из упражнений и на следующий день принесла свои записи в школу, чтобы обсудить их со своими коллегами за обедом. Когда мы пили кофе, я сказала:

– Ну, хорошо, ребята. Давайте поиграем в школу – еще раз. Я – учитель, вы – мои ученики. Слушая меня, спросите себя: «Какие мысли и чувства вызывают во мне слова этого учителя?» А потом честно расскажите о своей реакции.

– Ни за что, – ответил Кен, хватая мою бумажку. – В прошлый раз я уже был подопытным кроликом. Теперь я стану учителем, а вы будете реагировать на мои слова!

Мы согласились. Вот что прочел нам Кен и как отреагировали на его слова «ученики» – Мария, Джейн и я.

Учитель (упрекая и обвиняя): Ты снова забыл свой карандаш? И чем же ты собираешься писать? Мы должны прекратить урок, тратить драгоценное время и искать для тебя карандаш!

Реакция учеников: «Я почувствовала себя униженной», «Я никогда ничего не могу сделать правильно», «Учитель – зануда».

Учитель (называя учеников по имени): Ты удивительно глуп! Надо же – сдать контрольную работу и не написать своего имени!

Реакция учеников: «Я тебя ненавижу!», «Я все делаю неправильно», «Наверное, я действительно глупа!»

Учитель (угрожая): Если я еще раз увижу, что ты плюешься, я вышвырну тебя из класса так быстро, что у тебя закружится голова. А если ты будешь продолжать, то тебя исключат из школы!

Реакция учеников: «Я тебе не верю», «Мне все равно», «Я боюсь».

Учитель (приказывая): Прекратите болтать. Возьмите свои тетради. Пишите подряд. Сейчас же! Быстро!

Реакция учеников: «Я не твоя рабыня!», «Я сделаю это, только медленно», «Как бы вырваться из этой тюрьмы?»

Учитель (менторским, морализаторским тоном): Ты не должен был ломать ручку Джона. Тебе понравилось бы, если бы кто-то сломал твою ручку? Если кто-то дает тебе что-то, ты должен беречь взятое, как свое собственное. Ты не думаешь, что нужно извиниться перед Джоном? Я бы на твоём месте это сделал.

Реакция учеников: «Я очень плохой», «Бла-бла-бла», «Я тебя не слушаю».

Учитель (предостерегающим тоном): Посмотрите на эти пробирки. Если они разобьются, вы можете порезаться... Осторожнее с бунзеновской горелкой! Вы что, хотите обжечься?

Реакция учеников: «Я боюсь», «Лучше вообще ничего не трогать», «Глупости это все! Ничего не случится».

Учитель (изображая жертву): Каждый вечер из-за вас я ухожу домой с головной болью. Видите эту седину? Это все из-за вас!»

Реакция учеников: «Надо купить тебе краску для волос», «Как бы оказаться где-нибудь в другом месте! Эти причитания мне надоели», «Это моя вина».

Учитель (сравнивая): Почему ты так поздно сдаешь работу? В прошлом году у меня училась твоя сестра Салли, так она все делала вовремя.

Реакция учеников: «Мне никогда не стать такой, как Салли», «Я ненавижу свою сестру», «Я ненавижу своего учителя».

Учитель (саркастическим тоном): Никто не помнит, в каком году Колумб открыл Америку? Прекрасно! Похоже, я попал в школу для умственно отсталых. Единственный способ поднять уровень вашего интеллекта – поставить вас всех на стулья!

Реакция учеников: «Я такая глупая, ничего не могу запомнить», «Действительно, это школа для умственно отсталых... учителей!», «Да пошел ты!»

Учитель (пророчествуя): С такими привычками тебе никогда не найти хорошую работу. Если ты не сможешь исправить оценки, ни один институт тебя не примет.

Реакция учеников: «Все бесполезно», «Я плохой ученик», «К чему пытаться?.. Я давно сдался».

Закончив упражнение, мы посмотрели друг на друга, и Джейн озвучила то, о чем подумали мы все:

– Если уж *мы* испытываем такой гнев и отчаяние, когда всего лишь притворяемся учениками, то что же чувствуют дети?!

– Особенно если они слышат то же самое еще и дома! – добавила Мария. – Моя сестра вечно твердит своим детям: «Если не исправите оценки, я выброшу телевизор», «Ты должен учиться, как твой брат. Может быть, тебе тоже удастся стать отличником», «Ты не сделал домашнее задание из-за собственной лени». Она и ее муж постоянно читают детям нотации.

– А мой отец всегда пользовался сарказмом, – сказала Джейн. – Думаю, он казался себе очень остроумным и интеллектуальным. Он мог сказать: «Ты потеряла библиотечную книжку? Очень ответственный поступок!» В детстве его слова меня очень смущали: «Как он может называть мой поступок ответственным?» Когда я стала старше, его сарказм больно ранил меня. Мне хотелось ответить ему так же. Иногда я это и делала. К сожалению, я стала большим мастером в этом деле. Когда я начала работать в школе, подобные слова так и соскакивали с моего языка, особенно когда я была раздражена. Помню, как сказала одному мальчику то же самое, что отец говорил мне тысячу раз: «Ты от природы такой копуша, или тебе кто-то помогает?» Класс так и грохнул от хохота.

– И этот смех, – вмешался Кен, – стал музыкой для твоего учительского уха! И ты решила довести свой сарказм до полного совершенства.

– Ты прав, – мрачно признала Джейн. – Но ведь этот смех был направлен против ребенка, которого унизили публично. Я не хочу больше себя так вести.

– Как же этого добиться? – спросила Мария.

Джейн поморщилась:

– Не хотела рассказывать, но расскажу... Когда я работала в школе второй год, в моем классе была одна девочка, которая постоянно меня раздражала. В середине урока Тереза могла вытащить зеркало и начать причесываться. Однажды мы обсуждали прочитанный материал по Древнему Египту. Я задала вопрос, но никто не поднял руки. Я заметила, что Тереза занимается своими ногтями. Этого только не хватало! Я сказала: «Я не хочу вызывать к доске Терезу. Она вносит такой значительный вклад в наши уроки, что нужно дать шанс кому-нибудь другому». Кое-кто из учеников хихикнул, но, к моему удивлению, Тереза оторвалась от своих ногтей и посмотрела прямо на меня. Она решила, что я говорю именно то, что думаю! Мой «комплимент» поразил ее.

Мне было так стыдно, что я поклялась себе никогда больше этого не делать. Если нужно показать ребенку свое неодобрение, то я буду делать это откровенно и прямо. Если мне захочется пошутить, то я не буду делать этого за счет своего ученика.

– Ну, хорошо, – сказал Кен. – Многие наши слова заставляют детей испытывать негативные чувства по отношению к себе или к нам. Но факт остается фактом: наша работа заключается в том, чтобы учить детей вести себя правильно.

– Это верно, – согласилась Мария. – А что же должен делать учитель? Постоянно следить за собой и твердить: «Пожалуйста, сделай то-то» или «Пожалуйста, этого не делай»?

– Ага, – сказала я, вытаскивая свой экземпляр книги «Как говорить так, чтобы дети слушали» и помахивая им в воздухе. – Ответ мы найдем на этих страницах.

Я открыла главу «Учимся взаимодействовать» и показала рисунки Кену и Марии.

Кен внимательно изучил рисунки.

– Все это относится к взаимоотношениям в доме, – сказал он.

– Да, – согласилась Мария. – Но дети всегда остаются детьми – и дома, и в школе. Не думаю, что есть большая разница.

– Думаю, что разница велика, – возразил Кен. – Дома один или двое родителей воспитывают одного или двоих детей, а в школе один учитель должен справляться с тридцатью учениками одновременно.

– Это так, – согласилась Джейн. – В этом отношении работа учителя тяжелее. Но в других отношениях тяжелее приходится родителям. Их работа никогда не кончается. Они не могут избавиться от своих детей в три часа. У них нет надежды на то, что осенью у них появятся дети получше. Тем не менее и дома, и в школе будут полезны и эффективны одни и те же приемы.

До конца обеда мы вместе пытались применить принципы взаимодействия в школьной обстановке. Вот несколько комиксов, иллюстрирующих придуманные нами примеры.

Опишите проблему

ВМЕСТО ОБВИНЕНИЙ...

ОПИШИТЕ ПРОБЛЕМУ

ВМЕСТО САРКАЗМА...

ОПИШИТЕ ПРОБЛЕМУ

ВМЕСТО ПРИКАЗОВ...

ОПИШИТЕ ПРОБЛЕМУ

Когда учитель описывает проблему, не прибегая к обвинениям или приказам, ученики с большей готовностью начинают вести себя ответственно.

Дайте информацию

ВМЕСТО ОБВИНЕНИЙ...

ДАЙТЕ ИНФОРМАЦИЮ

ВМЕСТО УПРЕКОВ...

ДАЙТЕ ИНФОРМАЦИЮ

ВМЕСТО УНИЗИТЕЛЬНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ...

ДАЙТЕ ИНФОРМАЦИЮ

Когда учитель дает информацию, не оскорбляя учеников, они с большей готовностью меняют поведение.

Предложите выбор

ВМЕСТО ПРИКАЗА...

ПРЕДЛОЖИТЕ ВЫБОР

ВМЕСТО МРАЧНЫХ ПРЕДСКАЗАНИЙ...

ПРЕДЛОЖИТЕ ВЫБОР

ВМЕСТО УГРОЗЫ...

ПРЕДЛОЖИТЕ ВЫБОР

Угрозы и приказы заставляют детей чувствовать себя беспомощными или обижаться. Выбор открывает дорогу к новым возможностям.

Скажите это словом или жестом

ВМЕСТО УГРОЗЫ...

СКАЖИТЕ ЭТО СЛОВОМ

ВМЕСТО НОТАЦИИ...

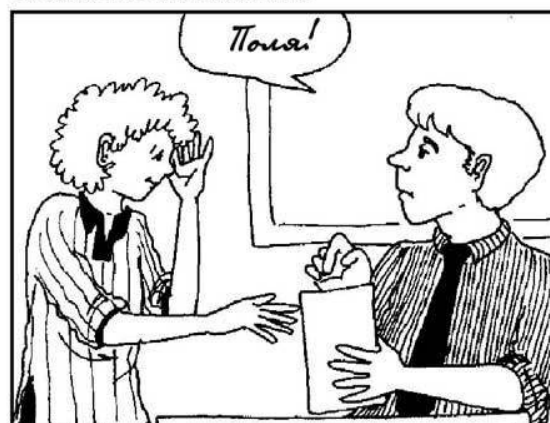
СКАЖИТЕ ЭТО ЖЕСТОМ

ВМЕСТО ОБВИНЕНИЙ...

СКАЖИТЕ ЭТО СЛОВОМ

Ученикам не нравятся нотации и длинные объяснения. Одно слово или жест заставят их задуматься над проблемой и найти способ ее решения.

Расскажите о своих чувствах (не упоминайте имени ученика)

ВМЕСТО САРКАЗМА...

РАССКАЖИТЕ О СВОИХ ЧУВСТВАХ

ВМЕСТО УПРЕКОВ...

РАССКАЖИТЕ О СВОИХ ЧУВСТВАХ

НЕ НАЗЫВАЙТЕ ИМЕН...

РАССКАЖИТЕ О СВОИХ ЧУВСТВАХ

Когда учитель говорит о своих чувствах, не обвиняя и не ругая учеников, они прислушиваются к его словам и ведут себя ответственно.

Напишите это

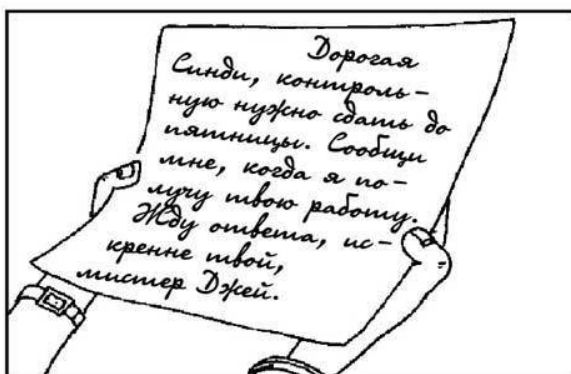
Ученики часто пропускают мимо ушей слова взрослых, но запоминают, увидев это написанным. Эту записку повесили на грязную клетку кролика.

Эту записку оставил на папке для сдачи контрольных работ учитель, которому надоели бесконечные напоминания.

Учитель оставил эту записку ученице, которая всегда запаздывала со сдачей контрольных работ.

Мы были очень довольны собой. Наши примеры показались нам наглядными и вполне выполнимыми (по крайней мере, на бумаге).

– А теперь, – сказала я, – давайте попробуем применить эти замечательные идеи в классах.

– Ты удивишься, – ответил Кен, – но в лучшие дни я действительно веду себя именно так. Я всегда говорю им: «Ваши ноги...», «Дверь...», «Ваши работы...» Только до сегодняшнего дня я не знал, что пользуюсь полезными приемами. А один мой «прием» в ваш список не попал.

– Мы что-то пропустили? – удивилась я.

– Да... – улыбнулся Кен. – Элемент игры... Смех... Юмор... Чтобы оживить обстановку. Я пользуюсь этим приемом не только в школе, но и в своей жизни.

– Пошутить всегда полезно, – согласилась Мария. – Марко любит уроки биологии, потому что учитель всегда шутит. Это действительно так. На родительском собрании он сказал, что денег в школе так мало, что ученикам первой смены приходится зашивать лягушек, чтобы второй смене было что резать...

Кен расхохотался.

– Я именно это и имел в виду, – сказал он. – Юмор поднимает настроение и подталкивает детей к взаимодействию.

Мне стало любопытно.

– А что именно ты делаешь, Кен? – спросила я. – Приведи мне пример.

Хорошо, – согласился Кен. – Возьмем пожарные тревоги. Вы знаете, что дети не относятся к ним серьезно, и вывести их из классов очень трудно. Но я придумал специальный прием, и теперь мой класс оказывается на улице первым.

– И что же это за прием? – хором спросили мы.

Кен скатал салфетку в виде рупора и поднес ее ко рту.

– Слушайте все! – воскликнул он. – Тревога! Пожарная тревога! Займите свои места! Соберите свои вещи! Все на палубу! Все вниз!

– Удивительно, как быстро дети реагируют на игру, – улыбнулась Джейн. – Помню, когда я преподавала в первом классе, было очень трудно выстроить детей и повести их куда-нибудь. А однажды я сказала: «Дети, давайте поиграем в паровозик. Хуан, ты идешь первым. Ты – локомотив. Моника, ты – замыкающая, последний вагон. А все остальные дети – товарные вагоны. Теперь возьмите друг друга за плечи и пошли!» Дети за минуту выстроились в шеренгу и вышли из класса – и все улыбались!

– Но это проходит только с маленькими детьми, верно? – спросила Мария.

– Я тоже так думала! – воскликнула Джейн. – Когда на следующий год мне дали четвертый класс, я решила, что дети слишком взрослые для подобных вещей. Как-то раз учительница из соседнего класса пожаловалась на то, что мои дети слишком шумят в столовой. Я очень серьезно предложила своим ученикам достать из карманов «волшебные ключи», запереть свои рты и сдать мне «ключи» до выхода из класса.

– И они это сделали? – недоверчиво спросила Мария.

– Каждый ученик подошел ко мне и положил «ключ» в мою ладонь. А потом они молча вышли из класса и направились в столовую, заговорщически улыбаясь. Когда мы вошли в столовую, я раздала всем «ключи», чтобы они могли отпереть свои рты, поесть и поговорить.

– А твои дети знают, как им повезло с матерью? – спросила я. – Наверное, жить рядом с тобой – это здорово.

Джейн слабо улыбнулась.

– Мои дети с тобой не согласились бы, – сказала она, собирая вещи, чтобы вернуться в класс. – Когда я прихожу домой из школы, у меня практически не остается сил. Я хочу лишь тишины и покоя.

– И ты это получишь, – улыбнулся Кен, поднимаясь следом за Джейн, – когда твои дети вырастут и уедут из дома.

Этот разговор состоялся в пятницу. В понедельник Джейн поставила на стол поднос с обедом и гордо посмотрела на нас.

– Что случилось? – поинтересовался Кен.

– Я горжусь собой! – провозгласила Джейн с улыбкой. – Помните, о чем мы говорили в пятницу? В тот день я вернулась домой. Мои дети обедали на кухне. По всему столу были разбросаны книги, конфеты и банановые шкурки, а пол был засыпан крошками. Как вы думаете, я стала ругаться? Начала обвинять кого-нибудь? Читать нотации? Нет, я этого не сделала. – Джейн немного помолчала, чтобы усилить эффект, и указала на Кена. – Я воспользовалась вашей идеей и стала говорить так, словно я была другим человеком!

Кен был изумлен.

– Другим человеком? – переспросил он.

– Именно! – подтвердила Джейн. – Я перепробовала массу всяких ролей. Детям это понравилось. А когда пришел муж, он тоже включился в нашу игру.

– Приведи нам пример, – попросил Кен.

– Здесь? Сейчас? Это неудобно...

Нам не пришлось слишком долго упрямиться. Очень скоро Джейн уже развлекала нас своим представлением. Вот несколько персонажей, которых сыграли Джейн и ее муж для собственного развлечения и для воспитания детей.

Вместо упреков...

Попробуйте говорить другим голосом или с акцентом

ЮЖНАЯ КРАСОТКА

ГАНГСТЕР

ОПЕРНАЯ ПЕВИЦА

АНГЛИЙСКИЙ ЛОРД

РОБОТ

ФРАНЦУЗСКАЯ ГОРНИЧНАЯ

Мария заулыбалась.

— Это очень смешно! — сказала она. — Если бы я сумела так сыграть для своих детей, они бы сразу же все убрали. Но я бы побоялась выглядеть глупо. Я не такой человек. Я очень серьезная женщина. Пожалуй, даже слишком серьезная.

— Не знаю, — покачала головой Джейн. — Думаю, каждый из нас любит играть, только давно забыл об этом. Нам просто нужно найти в себе эту способность и пробудить ее. Вспомни, как ты повела себя с Анной Рут прошлым утром.

Мария глядела на нее, не понимая, что Джейн имеет в виду.

– Ну, когда вы поссорились перед тем, как девочка отправилась в школу, – пояснила Джейн.

Мария покраснела.

– Это пустяки!

– Поверь мне, – сказала Джейн. – Это было очень важно. Расскажи всем о том, что случилось. Пожалуйста.

Мария чуть-чуть помедлила, а потом заговорила:

– Мы с Аной Рут поссорились прямо перед приходом школьного автобуса. Я понимала, что девочке очень тяжело отправляться в школу, не помирившись со мной. Я знала, что она хотела поцеловать меня, но в то же время и не хотела. Поэтому я спросила ее, можно ли ее поцеловать. Она резко ответила: «Нет!» Я спросила, можно ли будет поцеловать ее, когда она вернется из школы. Она ответила: «Нет!» Тогда я спросила, можно ли будет поцеловать ее, когда она выйдет замуж! Она рассмеялась, обняла меня и поцеловала. У нас сразу же поднялось настроение.

Обед закончился. Направляясь в класс, я ощущала какую-то странную приподнятость. Меня очень растрогала история, рассказанная Марией (только представьте: играть в такой сложный момент!). Меня очаровали странные персонажи, придуманные Джейн и ее мужем. Было так интересно попробовать что-нибудь новое и неожиданное. Я подумала о расшалившихся детях в моем классе. Они вечно выкрикивали ответы с места, не поднимая руки. Я уже пробовала применить разные приемы, но никогда не прибегала к юмору. Я описывала проблему: «Я слышу ответы, но не вижу рук». С некоторыми детьми это работало. Я рассказывала им о своих чувствах: «Меня очень злит, когда все кричат с мест, а я никого не слышу». Ко мне прислушивалось еще несколько учеников. Оставшимся я предлагала выбор: «Вы можете поднять левую или правую руку». Кто-то поднимал правую, кто-то – левую. Один мальчик поднимал обе руки сразу. Когда кто-то начинал выкрикивать с места, я напоминала свою просьбу одним словом: «Руки!»

Мне удалось взять ситуацию под контроль, и я уже поздравляла себя. Но Эндрю никак не хотел меня слушаться. Слова срывались с его губ, прежде чем он вспоминал о том, что нужно поднять руку. Что бы я ни делала, на него ничего не действовало. И вдруг меня осенило! Я остановилась на ступеньке, схватила за блокнот и написала:

*«Дорогой Эндрю,
когда захочешь показать,
что понимаешь меня,
не выкрикивай с места, а просто подними руку.
Заранее спасибо,
миссис Ландер».*

В середине урока я попросила учеников рассказать мне о причинах войны за независимость. Почти все подняли руки, и только Эндрю начал выкрикивать ответ: «Налоги без представительства!» Ну, конечно, он не мог сдержаться! Я подошла к его парте, мило ему улыбнулась и протянула свой свернутый листок. Он развернул мою записку, улыбнулся и после этого всегда поднимал руку!

На следующее утро он сказал, что написал мне стихотворение. Я прочла и попросила написать его на доске, чтобы оно послужило напоминанием для всех учеников. Большими буквами Эндрю написал:

*Розы красные,
Салат зеленый,
Если поднимешь руку,*

Тебя заметят.

Мне больше ни разу не приходилось напоминать ученикам о необходимости поднимать руку. Я просто указывала им на стихотворение Эндрю.

Памятка

КАК ДОБИТЬСЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДОМА И В ШКОЛЕ

Взрослый: Кто насорил на полу?

Вместо того чтобы допрашивать и критиковать, вы можете:

1. Описать проблему.

«Я вижу на полу сырую краску».

2. Дать информацию.

«Легче всего отмыть краску, пока она не засохла».

3. Предложить выбор.

«Ты можешь протереть пол влажной тряпкой или губкой».

4. Показать свое отношение словом или жестом.

«Краска!»

5. Описать свои чувства.

«Мне не нравится, когда пол заляпан краской».

6. Написать записку.

Вниманию всех художников!

Прошу привести пол в исходное состояние перед уходом.

Благодарим вас,

Руководство.

7. Превратить все в игру (использовать другой голос или акцент).

В стиле кантри спойте детям:

Я вижу краску на полу

И грязь в далеком том углу.

Возьмись за тряпку поскорей,

Чтоб чистым дом был для друзей!

Вопросы и истории родителей и учителей

Вопросы родителей

1. Судя по всему, то, КАК мы говорим, ничуть не менее важно, чем то, ЧТО мы говорим. Я права?

Ваш тон ничуть не менее важен, чем ваши слова. Самая правильная реакция может показаться неадекватной, если вы сопроводите свои слова тяжким вздохом, словно говоря: «Ты снова это сделал... Ты неисправим!» Уважение нужно проявлять не только в словах, но и в личном отношении. Ведите себя так, чтобы ребенок понимал: вы уверены в его способностях и правильности суждений. Он должен почувствовать: вы верите в то, что он сможет решить проблему, стоит лишь ему на нее указать.

2. Вчера моя дочь вернулась в слезах. Один из братьев вырвал страницы из ее новой тетради. Я спросила мальчиков, кто из них это сделал, но оба отказывались. Как заставить их сказать правду?

Для детей вопрос «Кто это сделал?» – сигнал тревоги. Перед ними встают две неприятные альтернативы. Если они солгут и все обойдется, то им станет легче, но ненадолго. Потом придется терзаться чувством вины. Если они скажут правду то нарвутся на выговор или даже наказание. Хуже всего то, что признание может привести к необходимости отвечать на еще более страшный вопрос: «Зачем ты это сделал?»

Как бы ребенок ни пытался оправдать свои действия, он чувствует, что истинный ответ на вопрос, почему он совершил свое «преступление», является перечислением собственных слабостей и недостатков: «Потому что я глуп, зол, эгоистичен. Я не думаю о последствиях своих действий для других людей».

Вместо того чтобы спрашивать у детей, кто и зачем это сделал, сформулируйте проблему: «Сьюзи очень расстроена. Из ее новой тетради вырвали несколько страниц». Затем дайте детям информацию: «Если кому-то из вас нужна бумага, обратитесь ко мне, и я помогу вам найти несколько листов».

3. Когда мне нужно, чтобы дочь что-то сделала, я пытаюсь вежливо попросить ее об этом. Я говорю: «Пожалуйста, поторопись, иначе ты опоздаешь в школу» или «Пожалуйста, выключи телевизор и начинай писать сочинение». Но она не обращает на меня внимания. Что бы вы посоветовали в такой ситуации?

Взрослые часто пытаются смягчить прямые приказы словом «пожалуйста». Дети пропускают это слово мимо ушей и реагируют на приказ, бунтуя против него. Это, в свою очередь, раздражает родителей. Хуже того, некоторые дети начинают пользоваться «волшебным словом» для того, чтобы выдвигать собственные требования: «Мама, ты должна пойти со мной в магазин прямо сейчас. Ну пожалуйста! Я же сказал «пожалуйста»!» Поскольку добиться взаимодействия можно разными способами (см. «Краткий обзор» выше), мы предлагаем пользоваться словом «пожалуйста» только в тех ситуациях, которые не связаны с глубокими эмоциями, а ограничиваются обычной вежливостью: «Пожалуйста, передай хлеб».

4. В каком возрасте ребенка родители могут начать писать ему записки?

Удивительно, но записки очень эффективно влияют даже на совсем маленьких и не умеющих читать детей. Одна женщина рассказала нам о том, что ее дочь очень долго собиралась в детский сад по утрам. Как-то раз мать посадила ее рядом с собой и перечислила то,

что нужно сделать перед выходом из дома. Рядом с пунктами списка (почистить зубы, причесаться, быстро позавтракать и т. п.) она рисовала небольшую картинку. С этого момента девочка стала каждое утро заглядывать в список, чтобы быстро собраться в детский сад. Однажды она с гордостью закрыла картинки рукой и «прочла» весь список пораженному отцу.

5. Сын пришел и сказал, что не собирается «произносить эту дурацкую речь», даже если учитель его накажет. Я сказал, что он должен это сделать, и предложил ему выбор: он может потренироваться перед зеркалом или передо мной. Он отказался. Что вы можете предложить?

Когда ребенок категорически отказывается что-то делать, он может воспринять выбор как манипуляцию или ловушку. Прежде чем начать рассматривать предложенные варианты, ребенок должен знать, что вы понимаете причину его сопротивления. Например: «Мысль о том, что нужно выйти перед всеми и произнести речь, может напугать любого. Даже профессионалы нервничают! Как ты думаешь, что можно было бы сделать, чтобы почувствовать себя спокойнее и увереннее? Потренироваться перед зеркалом?.. Или выступить перед членами семьи?»

Рассмотрев ваши варианты, ребенок может предложить собственный: «Может быть, записать мое выступление на магнитофон и прослушивать, пока я не выучу текст?»

Ребенок должен чувствовать, что вы на его стороне, что вы понимаете сложность его задачи. Тогда он прислушается к вам и рассмотрит ваши предложения.

Родительские истории

Вот история о том, как отец применил новые навыки для того, чтобы помочь своему сыну-подростку поладить с иностранным школьником, который жил в их семье по обмену в течение года.

Мой сын, Джек, делал домашнее задание под музыку своего любимого радиоканала. Я чувствовал, что нашему гостю Андре, французскому школьнику, тяжело сосредоточиться на домашнем задании, но он не говорит об этом из вежливости. Он просто периодически посматривал на приемник. Я был в ярости от того, что мой сын проявил такую невежливость и нечуткость. Я уже собирался спросить Джека, как, по его мнению, Андре должен заниматься в таком шуме, но потом подумал, что лучше дать ему немного информации для размышления. Я сказал: «Джек, некоторые люди могут заниматься под громкую музыку. А другим, чтобы сосредоточиться, нужна тишина». Джек посмотрел на меня, убавил громкость и спросил у Андре: «Так нормально?»

Примерно через полчаса я услышал, что музыка снова гремит на полную катушку. Я заглянул в комнату мальчиков и крикнул: «Музыка!» Джек спохватился: «Ой, извини!» – и выключил приемник. Андре сказал: «Мерси!»

* * *

Одна женщина рассказала нам, как ей удалось добиться от трехлетней дочери Минди послушания и готовности взаимодействовать с помощью игры.

Минди собралась идти в бассейн с библиотечной книжкой. Я была слишком далеко, чтобы остановить ее, поэтому просто закричала: «О, нет! Книжечка, остановись! Книжечка, тебе нельзя купаться в бассейне! Книжки не умеют плавать!» Минди остановилась, посмотрела

рела на книгу и быстро побежала назад в дом. Через минуту она вышла уже без книжки и прыгнула в бассейн.

* * *

А вот две истории, которые подтверждают силу письменного слова.

Мой десятилетний сын Энди просил приготовить мою фирменную запеканку для школьной ярмарки этнической кухни. Когда ярмарка кончилась, он забыл принести наше блюдо домой. Я целую неделю каждый день напоминала ему об этом, но он так и не принес его. Наконец я взяла яркий маркер и написала «БЛЮДО!!» на банане, который он взял с собой на обед. Потом он рассказал мне, что все дети смеялись, когда он вытащил свой банан. И все-таки он забыл принести блюдо домой!

Я сказала: «Энди, придется прибегнуть к крайнему средству. Ты сам должен написать себе записку, которая поможет тебе вспомнить о моей просьбе». Он сел и написал:

Дорогой Энди!

Вспомни, наконец, что нужно принести домой дурацкое, вонючее, грязное, идиотское блюдо – иначе!!!

Я не стала ничего исправлять. Энди приклеил записку на свой портфель и на следующий день вернул мое блюдо.

Моя собака залаяла у окна. Я выглянула на улицу и увидела, что мои дети подрались с соседскими детьми на автобусной остановке. Они кричали, дрались и пинали друг друга. Я была в халате, поэтому написала записку: «ПРЕКРАТИТЕ ДРАКУ!», привязала ее к ошейнику собаки и выпустила ее, надеясь, что она побежит прямо к детям. Собака так и сделала. Когда дети увидели собаку и записку на ее ошейнике, они опешили и стали осматриваться вокруг. И, конечно же, перестали драться!

Вопросы учителей

1. Что делать, если я опишу проблему, а ученик не отреагирует? Вчера я сказала первокласснику: «Джим, ты выставил ногу в проход». Он посмотрел вниз, сказал: «О!» – и ничего не сделал. Я не знала, что делать дальше.

Вы всегда можете повторить свое замечание. Если ребенок и тогда не отреагирует, дайте ему дополнительную информацию: «Кто-нибудь может споткнуться». Некоторым детям нужно услышать замечание несколько раз.

2. Интересно, а стоит ли давать информацию подросткам? На уроке рисования мы делали коллажи. Я сказала одной девочке: «Шейла, паста высыхает, если она не закрыта». Девочка закатила глаза и сказала: «Да знаю я!» Почему она так отреагировала на мои слова?

Информация должна соответствовать возрасту. Если вы говорите подростку то, что он и так знает, он воспримет ваши слова как оскорбление. Шейле достаточно было просто мягко напомнить: «Шейла, паста!»

3. В чем разница между односложным напоминанием и приказом? Если я говорю «Сядь!», разве это не приказ?

Если вы используете в качестве односложного напоминания глагол («Остановись! Встань! Иди! Сядь!»), то у вас действительно получается приказ. Односложное напоминание наиболее эффективно, если в нем использовано существительное. «Лори... твоё место!» Услышав такую фразу, Лори задумается: «Мое место? А что такое?... О, я же должна там сидеть... Лучше мне сесть». Вы не диктовали девочке, что она должна сделать. Вы привлекли её внимание к проблеме, чтобы она сама могла определить свои действия.

4. Я думала, что выбор всегда «склоняет ребенка к взаимодействию». В моем классе есть две девочки, которые постоянно болтают. Я сказала им: «У вас есть выбор: или вы прекращаете болтать, или я вас рассаживаю по разным партам». Болтать они не перестали, а когда я их рассадил, то стали жаловаться на мою «несправедливость». Что я сделала неправильно?

Ваш «выбор» прозвучал скорее как угроза: «Или ты делаешь это для меня, или я поступлю вот так по отношению к тебе». Ребенок чувствует себя загнанным в угол и испытывает враждебность.

Прежде чем предлагать неприятный для ученика выбор, советуем вам признать справедливость его чувств. Вы могли сказать что-то вроде: «Я понимаю, тяжело сидеть рядом с лучшей подругой и не общаться с ней. Ведь вам так много нужно сказать друг другу».

А потом, предлагая выбор, постарайтесь сделать так, чтобы ученики почувствовали – вы на их стороне. «Ну, девочки, что вам больше нравится? Сидеть рядом и держать себя в руках?... Или сесть за разные парты и не испытывать соблазна? Обсудите это после уроков, а завтра сообщите мне о своем решении».

5. Думаю, что вполне могла бы высказать свои подлинные чувства большинству своих учеников, и они отреагировали бы адекватно. Но в моем классе есть несколько очень трудных детей. Предположим, я скажу: «Мне очень не нравится, когда книги валяются на полу», а один из них выкрикнет: «Кому до этого есть дело?!» Что мне тогда делать?

Попробуйте убедить себя, что слова учеников, скорее всего, не относятся к вам лично. По-видимому, такой ученик либо выплескивает на вас свою накопившуюся враждебность, либо просто повторяет в классе то, что слышал дома. Трудному ученику можно сказать: «Мне есть до этого дело. Мне есть дело до собственных чувств. Мне есть дело до твоих чувств. Надеюсь, что в нашем классе нам всем есть дело до чувств друг друга».

Учительские истории

Учитель третьего класса рассказала мне, как ей удалось справиться с одним из своих учеников, дав ему информацию вместо того, чтобы отругать его.

Возбужденный Макс пришел ко мне незадолго до конца перемены. Я удивилась:

– Макс, тебя что-то тревожит?

– Что такое про-пюре? – спросил мальчик.

– Попурри? – переспросила я.

– Да, – кивнул он и протянул мне дневник с записью от дежурной учительницы. – Она отругала меня, потому что я не был про-пюре...

Я открыла дневник и прочла вслух: «Я застала этого мальчика, когда он плевался на игровой площадке. На сегодня я лишила его перемен, потому что он вел себя неподобающе (appropriate)».

– Видите, она говорит, что я не про-пюре, – сказал Макс. – А что это значит?

– Она хотела, чтобы ты понял, – объяснила я, – что вел себя неподобающе. Это значит, что плевать на игровой площадке нельзя.

Макс смущенно посмотрел на меня.

– Макс, – сказала я, – плюясь, ты распространяешь вредные микробы.

– Да? – удивился мальчик.

Инцидент был полностью исчерпан. Макс никогда больше не плевал на игровой площадке.

* * *

Директор частной школы рассказал нам о том, что произошло, когда он подтвердил право трудного ученика на испытываемые им чувства и предложил ему выбор.

Я – директор школы, поэтому мне часто приходится играть роль «сурового начальника». Вчера один из моих учителей прислал мне записку с просьбой «разобраться» с Томми. Мальчик категорически отказывался возвращаться в класс после перемены. Я не знал, что сделать в такой ситуации. Я вышел из кабинета и увидел, как разозленный учитель отчитывает съездившегося Томми: «Я же говорил тебе, что обращай к директору школы!»

Я сделал глубокий вдох и сказал: «Здравствуй, Томми. Похоже, тебе не хочется уходить с игровой площадки. Это неудивительно. Сегодня такой чудесный весенний денек». Томми ничего не ответил и продолжал смотреть в пол.

Я продолжал: «Наверное, тебе хотелось бы играть все утро... Но, сынок, сейчас пора вернуться в класс. Что скажешь? Мы пойдем туда или сюда?»

Томми указал на дальнюю дверь класса и ответил: «Туда».

Я протянул ему руку. Он взял меня за руку, и мы вместе вернулись в класс. Не знаю, кто был более удивлен – я или учитель.

* * *

Учительница начальных классов рассказала нам о том, как ей удалось преодолеть желание детей играть и привлечь их внимание к довольно скучной теме урока.

Мои ученики страшно скучали на уроке, посвященном соединительным глаголам (существуют в грамматике английского языка. – *Прим. ред.*). Да и мне самой, честно говоря, тоже было скучно. Идя домой, я думала о том, что нужно хоть как-то оживить подобные уроки, иначе мне придется и завтра кричать на детей, призывать их к тишине и вниманию. Я даже подумала о том, чтобы сочинить песенку в стиле рэп, но мне удалось придумать только две строчки.

На следующее утро я рассказала детям о своих планах и прочла две сочиненные мной строчки. Все были в восторге. Весь урок мы сочиняли стихи. Когда прозвенел звонок, у нас уже была целая песенка. Ученики выходили из класса, громко распевая ее. Они научили этой песенке своих друзей. Они пели ее в школьном автобусе на следующий день. Все мои ученики удивительно хорошо справились с контрольной работой. Вот песенка «Рэп соединительных глаголов», написанная учениками класса 72 из начальной школы Уэлш-Роаноук в Луизиане:

*Йоу! У меня есть кое-что,
Чему я хочу научить вас.
Это рэп соединительных глаголов,*

*А это самая простая вещь на свете!
Соединительный глагол связывает
Предмет с существительным.
И если ты сделаешь все правильно,
То сможешь развернуть все наоборот.
Прилагательное может быть
Связано с нашим глаголом.
Знай, что ты делаешь, И тогда будешь умником!
Смотри очень внимательно,
И ты увидишь:
Большинство соединительных глаголов —
Это формы глагола «быть».
Я есть, он есть, я был, мы были.
Это настоящее и прошлое время
Наших глаголов.
Запомни еще несколько штук,
И ты поймешь,
Что окончательно усвоил урок!*

* * *

Последнюю историю рассказала нам учительница, которая вела группу продленного дня для шестиклассников. Ей удалось с помощью записки избавить девочку от поддразниваний сверстников.

Когда Сара пришла в нашу группу, я сразу поняла, что у нас будут проблемы. Как только эта полная, унылая девочка переступила порог, лидер нашей группы, Мардж, хмыкнула и закатила глаза. Ее примеру последовали верные сторонницы. Все проявили свое пренебрежение. Лицо Сары вспыхнуло.

Но это было еще только начало. На той же неделе я получила записку от учителя физкультуры о том, что Мардж не приняла Сару в свою команду, потому что та «слишком толстая». От зрителей столовой я узнала, что, когда Сара проходила мимо со своим подносом, Мардж крикнула: «Вот идет куча дерьма!» Еще одна учительница сказала мне, что во время урока кто-то назвал Сару «толстухой».

Я была в ярости. Я знала, что во всем виновата Мардж, но ей постоянно удавалось скрыть свои проделки. Я хотела поговорить с ней напрямую, но побоялась сказать что-то такое, о чем впоследствии пожалела бы, поэтому решила написать ей записку. Я не сразу нашла верный тон. (В первых вариантах писала о том, как отвратительна ее жестокость и как она меня злит.) Наконец, у меня получился такой текст:

Дорогая Мардж!

Мне нужна твоя помощь. Как ты могла заметить, с самого первого дня, когда Сара пришла в наш класс, ее унижают и оскорбляют. Наверное, этой девочке нелегко учиться.

Ты, наверное, удивлена тем, что я решила тебе написать. Но я отлично знаю о твоих лидерских качествах. Ты пользуешься всеобщим уважением в классе. Думаю, если ты объяснишь своим друзьям, что вес

человека не определяет его человеческих качеств, то оскорбления и обидные шуточки прекратятся.

Знаю, это не самая легкая просьба, но уверена в том, что ты найдешь способ помочь Саре и сделать для нее пребывание в школе легким и приятным.

Искренне твоя,

миссис Дж.

Мардж не ответила на мое письмо. Но через несколько дней оскорбления и обидные замечания как-то сами собой прекратились. Одна из девочек предложила Саре принять участие в создании декораций для школьного спектакля, а Мардж приняла ее в волейбольную команду. Сара была в восторге. Я тоже!

Глава 3

Недостатки наказания: альтернативы, которые ведут к самодисциплине

Марк прибежал в класс с перемены, крича и сжимая кулаки. Его снова удалили с площадки в разгар футбольного матча. Он обрушился на учителя с обвинениями:

Марк: Джейсон врет! Они сказали, что это была моя вина, но это не так! Во всем виноват Джейсон! Он выбил мяч... а не я! Мистер Кеннер усадил меня на площадку для запасных за драку, но ведь это не я ее начал! Это все Джейсон! А теперь Том не позволит мне играть в его команде! Я ненавижу эту школу!

Учитель: Достаточно! Я понимаю, что все дело в тебе, Марк! Ты удивляешься, почему никто не хочет играть с тобой, а сам ведешь себя как маленький ребенок. Мальчишки не хотят играть с теми, кто перекладывает свои проблемы на плечи других.

Марк: Но...

Учитель: Никаких «но»! Я больше не хочу этого слышать! С меня хватит твоих оправданий!

Марк: Но я не...

Учитель: Ни слова больше! На следующей перемене ты отправишься в зал для маленьких и подумаешь о том, как следует вести себя в твоем возрасте.

Этим учителем была я.

Как только эти слова слетели с моих уст, я тут же о них пожалела. Я знала, что должна была быть более терпеливой. Но я уже не раз беседовала с Марком о его «детском» поведении, и эти беседы не возымели на него никакого действия.

Весь день я продолжала думать о Марке. Что можно с ним сделать? Помогло ли ему мое наказание? Нет. Сумела ли я наладить контакт с мальчиком? Конечно, нет. Сможет ли он после этого решить свою проблему? Нет. Марк никогда не научится правильно общаться со сверстниками, если будет проводить все время с малышами. Так какой же был смысл наказывать его?

Эти вопросы я задала Джейн, когда мы вместе шли на педсовет. Пока она обдумывала мои вопросы, я ответила на них сама:

– Я была раздражена и рассержена. Я не знала, как с ним справиться.

Нет, тут что-то другое, – сказала Джейн. – Наказания нам всем хорошо знакомы. Не знаю, как ты, а я выросла, постоянно слыша: «Если ты еще раз так сделаешь, я тебя накажу» или «Ты получила именно то, что заслужила».

– А как насчет: «Я делаю это только ради твоего собственного блага»? – добавила я.

Джейн понимающе улыбнулась.

– И это тоже, – сказала она. – Вот так взрослые дают детям уроки.

– Верно, – кивнула я. – Но, Джейн, я отлично помню, что чувствовала в детстве, когда слышала подобные замечания. Уверяю тебя, я не усвоила ни одного «урока». Я не думала о том, как стать лучше. Помню, что эти слова злили меня. Я сразу же начинала придумывать планы мести: «Я им всем покажу! Они еще пожалеют! Я обязательно сделаю это снова, только на этот раз им меня не поймать!» А теперь я сама стала взрослой и попыталась преподать Марку урок. Наверняка он отреагировал на мои слова точно так же, как я в детстве.

– А если это так, – подхватила Джейн, – если наказание пробуждает в детях чувства мстительности и враждебности, то почему же мы, родители и учителя, продолжаем так поступать?

Нас догнал Кен.

– Я все слышал, – весело сказал он, открывая нам дверь в библиотеку, где должен был проходить педсовет. – Все потому, что на одного учителя приходится тридцать учеников. Если их не наказывать, они нам на голову сядут!

– Это несерьезно, Кен, – обиделась я.

– Я серьезно. Как еще заставить детей соблюдать правила? Иногда нужно наказывать учеников, чтобы преподать им урок.

Мы снова вернулись в исходную точку! Мы втроем направились к столу, стоявшему в углу.

– Но, Кен, – попыталась объяснить я, – если наказание призвано дать урок, то чему же мы учим наших учеников? Когда мы наказываем ребенка вербально – «Я хочу, чтобы ты сто раз написал: «Я не должен врать!» – то он, скорее всего, говорит себе: «Я плохой! Я заслужил, чтобы меня наказали!»

– А когда ребенка наказывают физически, – вмешалась Джейн, – «Розги в кабинете директора отучат тебя от драк!» – он понимает, что взрослым можно бить его, а ему бить других нельзя... пока он сам не станет взрослым!

Кен задумчиво посмотрел на нас.

– Я многое позволяю своим ученикам, – сказал он. – Вам отлично известно, что я не мешаю им резвиться. Но всему должны быть границы. Когда я слышу полную чепуху, когда на задней парте болтают, когда дети ведут себя недопустимо, их нужно наказывать.

Кен замолчал и потянулся к книжным полкам, находившимся за нашим столом. Там стояли книги по педагогике. Кен вытащил несколько книжек и начал их листать.

– Вот послушайте, – сказал он. – Вот что пишут одни из лучших педагогов нашего времени. Похоже, они разделяют мою точку зрения...

Наказание... часто оказывается весьма эффективным средством прекращения недопустимого поведения.

При полной неэффективности других испробованных альтернатив наказание... может оказаться лучшим решением.

Отказ от наказаний... снижает эффективность весьма полезных приемов воспитания.

– Вот, – сказал Кен, подталкивая книги к нам. – Посмотрите сами. Все это написано совсем недавно.

– Мне неинтересно, когда это было написано, – фыркнула Джейн. – Эта точка зрения архаична. Кроме того, ты вырвал эти замечания из контекста. А главное, что есть другая школа, о которой ты не подозреваешь, и эти ученые придерживаются иной точки зрения.

С этими словами Джейн вытащила с полки еще четыре книжки и начала яростно их листать.

– Джейн, – сказала я, – может быть,ждемся окончания собрания...

– Все нормально, – успокоил нас Кен. – Люди еще только начинают собираться. Кроме того, мне интересно...

– Вот! – воскликнула Джейн. – Вот что пишут ученые, которые не считают наказание эффективной формой воспитания.

Доктор Хаим Гинотт пишет:

«Наказание не устраняет недопустимое поведение, просто ребенок становится более осторожным в своем «преступлении». Он лучше замечает следы, его становится труднее застигнуть на месте. Когда ребенка наказывают, он решает быть более осторожным, а не более честным и ответственным».

Доктор Ирвин А. Хайман пишет:

«Телесные наказания учат детей тому, что проблемы можно решить с помощью насилия. Исследования показывают, что те, кто причиняет боль, учат этому тех, кому боль причиняют, и тех, кто становится свидетелями этого процесса. Телесные наказания не учат детей внутреннему контролю, который является неотъемлемым элементом демократии».

Доктор Рудольф Драйкурс пишет:

«Сегодня родители и учителя больше не могут заставить детей слушаться. Реальность требует, чтобы мы применяли новые методы влияния и мотивации детей к взаимодействию. Наказания – порка, шлепки, унижение, лишение чего-либо – это устаревший и неэффективный способ закрепления дисциплины».

Доктор Альберт Бандура пишет:

«Наказание может устранить недопустимое поведение, но оно не является стимулом к поведению желательному и не устраняет у ребенка желания вести себя неправильно».

Кен пожал плечами и начал спорить с Джейн, а я думала только о последней прочитанной ею фразе: «...устранить желание вести себя неправильно».

Именно этого я и хотела! Я хотела понять, как достучаться до моих учеников и превратить «желание вести себя неправильно» в желание вести себя подобающим образом. Мне хотелось, чтобы мои ученики стали серьезными и дисциплинированными. Я хотела избежать неприятной процедуры наказания, найти эффективные альтернативы наказаниям.

Нам раздали новые анкеты для заполнения. Я шепнула Джейн:

– Может быть, вместо того чтобы грозить Марку комнатой для малышей, мне следовало признать его право на злость, а потом, когда он успокоился, помочь ему обдумать собственные действия в тех случаях, когда к нему относятся несправедливо. Он не заслужил наказания!

Кен повернулся к нам и сказала:

– А что делать, если ученик заслуживает наказания?

Он застал меня врасплох. Я сразу вспомнила об Эми. Эта девочка играла главную роль в спектакле, который мы вместе с учениками ставили для наших родителей. Вынуждена была признать, что эту ученицу мне частенько хотелось наказать.

Собрание закончилось, и мы отправились на парковку. По дороге я рассказала Джейн об Эми и о том, как эта девочка меня раздражает. Я выбрала ее для главной роли, потому что она блестяще выступила на прослушивании, но на репетициях Эми вела себя невыносимо.

– Она делает все, лишь бы привлечь к себе внимание – хихикает, подтрунивает над другими, дурачится... Она не учит роль или тут же ее забывает. Это не для нее. «Принцессе Эми» не пристало утруждать себя заучиванием роли. Я думаю, ей кажется, что она сможет выучить ее в последнюю минуту. Может быть, так оно и есть, но я не могу отделаться от призрака ужасной картины, когда она будет стоять посреди сцены с остекленевшим взглядом, а я буду метаться за кулисами и подсказывать ей роль трагическим шепотом.

– И что ты хочешь с ней сделать? – спросила Джейн. – Расскажи мне о самых худших своих фантазиях.

– Я не могу. Это уже слишком...

– Забудь о приличиях!

– Мне хочется натравить на нее миссис Кейн!

– А кто это?

– Моя учительница в пятом классе. Она была той еще штучкой... никогда никому ничего не спускала.

– Ну, хорошо, а что бы сделала с Эми миссис Кейн? Давай, Лиз, по крайней мере, ты сможешь придумать отличный пример для собственной системы. А потом мы вместе поищем альтернативы.

Посмотрите на рисунки, которые иллюстрируют мои фантазии, и те альтернативы, которые мы придумали наказаниям.

Мое воображаемое наказание

Альтернативы наказанию

ПРЕДЛОЖИТЕ СПОСОБ БЫТЬ ПОЛЕЗНОЙ.

ВЫРАЗИТЕ СВОЕ ЯВНОЕ НЕОДОБРЕНИЕ.

СФОРМУЛИРУЙТЕ СВОИ ОЖИДАНИЯ.

ПОКАЖИТЕ СПОСОБ ИСПРАВИТЬ СИТУАЦИЮ.

А если и эти слова на Эми не подействовали?

Предложите выбор

Но, предположим, Эми все равно не выучила свою роль...

Дайте ей возможность ощутить последствия своего поведения

Что же случилось на самом деле? Я так никогда и не решилась на подобный шаг. Зная, что у меня есть столько разнообразных вариантов, я пришла на следующую репетицию в совершенно другом настроении. Я не стала ни упрекать, ни пугать, ни угрожать. Я отошла Эми в сторону, рассказала ей о своих чувствах и показала, как она может исправиться. Девочка спокойно меня выслушала. На следующей репетиции ее поведение резко изменилось. К концу недели она уже знала свою роль наизусть.

В следующий понедельник за обедом я рассказала о своем маленьком триумфе Джейн, Кену и Марии.

Кен сразу же стал ко мне приставать:

— А что бы ты стала делать, если бы она не выучила свою роль? Если бы ты «дала ей возможность ощутить последствия своего поведения» и выгнала ее из драмкружка? Чем бы это отличалось от наказания?

Вопросы Кена поставили меня в тупик. Как мне объяснить ему то, что мне самой абсолютно ясно?

– Это отличалось бы моими намерениями, – медленно произнесла я. – Я не собиралась ни причинять ей боль, ни лишать чего-либо, ни наказывать. Я не хотела «преподать ей урок». Я хотела только защитить остальных участников спектакля и сделать так, чтобы после напряженной работы они смогли насладиться заслуженным успехом и показать спектакль, которым можно было бы гордиться. А еще я хотела защитить себя от ненужного стресса.

Мария нахмурилась.

– Но девочка, должно быть, очень зла на тебя, – сказала она.

В мою защиту выступила Джейн.

– Возможно, – кивнула она. – Но, скорее всего, она злится на саму себя. После первого шока она могла сказать себе: «Я очень разочарована... Я так хотела получить эту роль... Если бы я выучила слова, а не тратила время попусту... В следующий раз я обязательно буду играть в спектакле. Я стану более серьезной и буду лучше готовиться». Другими словами, после выполнения «эмоциональной домашней работы» Эми должна стать более ответственной.

– Может быть, ты и права, – вздохнула Мария. – Но сомневаюсь... У меня сейчас возникли проблемы с Марко. Я просто разрываюсь. Муж считает, что детей нужно наказывать, если они что-то делают неправильно. Но мне не нравится наказывать детей, хотя мои собственные родители постоянно наказывали нас в детстве.

– Марко причиняет тебе хлопоты? – недоверчиво произнес Кен. – Это на него не похоже. Он такой замечательный ребенок. Когда он пришел с тобой в школу до начала занятий, то помог мне распаковать все книги и подготовить класс к учебе.

– Я знаю, он хороший мальчик, – улыбнулась Мария, – но он совершил дурной поступок. Вчера он взял палку и вместе со своим одноклассником Джимми устроил настоящую дуэль на мечах в коридоре. Мой муж всегда предупреждает Марко, чтобы тот не увлекался и думал, прежде чем действовать. Марко никогда не слушает его. Вчера мне звонила его учительница, а потом директор школы.

– За обычную игру? – удивился Кен.

– Это была не обычная игра. Марко разбил Джимми очки. Он сбил их и случайно наступил. После этого родители Джимми звонили моему мужу. Они были очень рассержены, сказали, что очки были совсем новыми и дорого стоили. И во всем виноват Марко.

– Ну вот, у нас появилась новая история, – сказал Кен. – Если бы мой ребенок сделал что-либо подобное, я бы обязательно его наказал... Что ты скажешь на это, Джейн?

– Думаю, гораздо важнее, чтобы мы спросили себя: что подумает Марко, если его накажут? А что он подумает, если его родители найдут альтернативу наказанию?

Мы начали придумывать варианты того, что произойдет в обоих случаях. Посмотрите, какие диалоги пришли нам в голову (*см. следующие иллюстрации*).

– Ну, хорошо, – рассмеялся Кен, – теперь я вижу небольшую разницу между этими подходами.

– Небольшую?! – воскликнула Джейн. – В первом диалоге, когда Марко наказали, он почувствовал злость и беспомощность.

– А во втором диалоге, – подхватила я, – Марко понял, что родители очень недовольны им, но он может исправить ситуацию. Он почувствовал себя хорошим человеком, который хоть и совершил ошибку, но может ее исправить!

Кен повернулся к Марии.

– Что же ты будешь делать? – спросил он. – Помогли ли тебе наши разговоры?

Мария мрачно посмотрела на него.

– Я знаю, что скажу сегодня вечером мужу, – сказала она. – И я знаю, что мы оба должны сказать Марко.

Наказание

Альтернатива наказанию

Памятка

АЛЬТЕРНАТИВЫ НАКАЗАНИЮ ДОМА И В ШКОЛЕ

Ребенок: Черт побери! Я не могу решить этот пример.

Взрослый: Я много раз говорил тебе, чтобы ты не сквернословил. Теперь ты будешь наказан!

Вместо угрозы наказания вы можете:

1. Указать способ правильного поведения.

«Я понимаю, что ты расстроен. Но было бы лучше, если бы ты сообщил о своих чувствах, не сквернословя».

2. Высказать свое неодобрение (без личных выпадов).

«Такие слова мне не нравятся!»

3. Высказать свои ожидания.

«Надеюсь, ты найдешь другой способ показать мне, насколько ты расстроен».

4. Объяснить, как ребенок может исправить ситуацию.

«Мне бы хотелось, чтобы ты составил список слов, которые можно было бы использовать вместо тех, что ты произнес. Если тебе нужна помощь, возьми словарь».

5. Предложить выбор.

«Ты можешь пользоваться такими словами мысленно, не произнося их вслух, или выбирать такие слова, которые никого не оскорбляют».

6. Показать ребенку последствия его поведения.

«Когда я слышу подобные слова, у меня пропадает всякое желание помогать тебе решать примеры или делать что-нибудь еще».

Вопросы и истории родителей и учителей

Вопросы родителей

1. Я недавно стала мачехой для двух мальчиков. Мой муж считает, что если они получают плохую оценку, то их нужно лишать карманных денег. Я считаю, что нужно увеличивать сумму на карманные расходы, когда они получают хорошие оценки. Не является ли подобная награда более позитивным способом мотивации?

Хотя это может показаться странным, но исследования показывают, что и награды, и наказания в течение определенного срока снижают у детей желание учиться. Лучше всего дети учатся, когда заинтересованы в овладении предметом. Ребенок, получивший хорошую оценку, уже получил награду. От родителей ему будет достаточно обычной радости и гордости его достижениями. Ребенок, получивший плохую оценку, уже наказан. Родители должны понять его огорчение, а потом помочь ему найти способ исправить ситуацию.

2. Когда моя дочь Джилл приходит из детского сада расстроенная и несчастная, я знаю, что воспитательница вновь сажала ее на «наказательный» стул. Как-то вечером я разозлилась на мужа, и Джилл сказала: «Папочка, я думаю, тебе лучше сесть на «наказательный» стул». Я очень удивилась, потому что дома никогда ее так не наказывала. Интересно, не стоит ли применить такой способ в школе? Что вы думаете?

«Наказательный» стул – это звучит вполне невинно, ведь ребенка не бьют и не кричат на него. Девочку просто остановили и исключили из происходящих действий. Но хотя некоторые специалисты по детскому воспитанию настойчиво рекомендуют этот метод, Национальная ассоциация по воспитанию дошкольников полагает, что эта дисциплинарная мера является очень вредоносной, сопоставимой с телесными наказаниями, упреками и обвинениями.

Легко понять эту точку зрения. Взрослый человек может представить себе, насколько обидно и унижительно оказаться в изоляции за то, что ты сказал или сделал. Но гораздо труднее представить, что происходит в душе ребенка, которого усадили на «наказательный» стул. Тем не менее попробуйте это сделать. Поставьте себя на место четырех- или пятилетнего малыша. Представьте, что вы разозлились на мальчика из вашей группы (он или обидел вас, или что-то у вас забрал, или обозвал вас обидным прозвищем). В ответ вы ударили его, пнули, обругали или бросили в него лопатку. А теперь представьте две разные реакции на ваше поведение со стороны педагога.

В первом варианте она говорит: «Прекрати немедленно! Так себя вести нельзя! Сейчас же отправляйся на «наказательный» стул!»

Скорее всего, вы уныло поплететесь к стулу, думая про себя: «Она несправедлива. Она не видела, что Джеффри сделал *мне*. Это все *его* вина!» или «Может быть, я действительно плохой! Настолько плохой, что меня нужно изолировать».

Во втором случае воспитатель говорит вам: «Ты был так зол на Джеффри, что пнул его. Пинаться запрещено. Скажи Джеффри о том, что тебе не понравилось, словами...»

В такой ситуации вы наверняка скажете себе: она понимает, почему разозлился на Джеффри. Она не позволила мне пнуть его, но считает, что я могу сказать ему о своих чувствах словами. Может, это действительно будет лучше».

Перед нами два совершенно разных представления. В первом случае ребенок убежден, что он настолько плох, что его нужно изолировать от общества. Во втором – он учится взаимодействовать с обществом, убедительно и без помощи насилия.

Означает ли это, что ребенка никогда не нужно отделять от группы? Некоторые учителя считают, что в каждом классе должно быть место, где ребенок может укрыться в минуты стресса. В таком уголке должны быть книжки, карандаши, бумага и подушки, которые можно бить и на которые можно прилечь. Очень важно, чтобы ребенок отправлялся в такой уголок добровольно, а не по приказу. Учитель может предложить ребенку выбор, чтобы тот сам решил, стоит ли ему уходить от сверстников: «Я вижу, что ты все еще зол на Джеффри. Поговорим об этом или ты хочешь немного побыть в нашем укромном уголке, чтобы изобразить свои чувства на бумаге?»

3. Для такого несдержанного человека, как я, большой прогресс – отправить ребенка в угол, а не шлепать его. Что еще можно сделать, когда чувствуешь, что теряешь контроль над собой?

Одна женщина рассказала нам, что сама уходит «в угол», когда чувствует, что вот-вот взорвется. Она написала: «Увидев, что сын бессмысленно царапает полированный обеденный стол своим новым компасом, я отобрала у него игрушку и сказала: «Я так разозлена тем, что увидела, что должна немного побыть в своей комнате, чтобы остыть!» Когда эта женщина успокоилась, она показала сыну, как можно восстановить поверхность стола.

Доктор Хаим Гинотт так ответил на аналогичный вопрос другого родителя. Он сказал, что выпрямился бы в полный рост, посмотрел на воображаемого маленького обидчика, поднял правую руку угрожающим жестом и проревел: «Я так зол! Я готов ударить тебя!.. Беги, чтобы спасти свою жизнь!»

4. Учительница моего сына задержала всех мальчиков после уроков: охранник сказал ей, что кто-то из ее учеников курил в туалете, результате сын пропустил тренировку по баскетболу и был очень расстроен. Он считает групповые наказания несправедливыми. Что вы думаете об этом?

Нетрудно понять ту неприязнь, которую ваш сын испытывает в отношении групповых наказаний: они глубоко оскорбляют невиновных. Ребенок может подумать: «Какой смысл соблюдать правила? Меня же все равно наказали!» А виновник подумает: «На этот раз меня не поймали. Возможно, меня не поймают и в следующий раз». Если цель учительницы – помочь ученикам стать более дисциплинированными, то наказание – групповое или индивидуальное – не поможет ее достичь.

Родительские истории

Первую историю нам рассказала мать девятилетней Меган.

Я вернулась домой с работы в два часа, потому что неважно себя чувствовала. Представьте, как я была удивлена, когда услышала доносящийся из комнаты моей дочери детский смех. Я поднялась наверх и увидела Меган и ее подругу Джоан. Увидев меня, они перестали смеяться и виновато переглянулись. Мне было нелегко узнать у них правду, но наконец они признались, что пришли пообедать и решили не возвращаться в школу.

– Вы прогуляли школу? – спросила я.

– Но мы сделали это не нарочно, – ответила Джоан. – Мы заболтались и просто не посмотрели на часы.

Я сказала, чтобы Джоан отправлялась домой, потому что мне нужно поговорить с Меган наедине. Когда девочка ушла, я спокойно сказала Меган:

– Ты не забыла посмотреть на часы...

Меган опустила голову и ответила:

– Мы просто экспериментировали, каково это будет – не возвращаться в школу...

Я просто не знала, что делать... Мне хотелось наказать ее – запретить общаться с Джоан целый месяц. Но вместо этого я сказала:

– Все это мне очень не нравится. Когда ты должна быть в школе, я считаю, что ты там и находишься. Теперь мне будет звонить твоя учительница.

– Напиши мне записку, мама, – попросила Меган. – Напиши, что я болела, и тогда она не будет тебе звонить.

– Меган, – твердо ответила я, – записку должна написать ты, и написать только правду.

Дочке это совсем не понравилось, но она все же написала (с моей помощью) записку, в которой говорила, что просто «экспериментировала» и никогда больше не будет пропускать занятия.

Я почувствовала себя прекрасно. Я проявила твердость, не стала выходить из себя, и, хотя учительница сурово отчитала Меган, я понимала, что помогла дочери справиться с проблемой и проявить ответственность.

* * *

Вторую историю рассказала нам мать старшеклассницы.

Моя шестнадцатилетняя дочь Кэрол сказала, что писала реферат по детскому развитию. Учительница спросила ее: «Как ты думаешь, что произойдет с ребенком, которого никогда не наказывали?» Когда Кэрол ответила перед всем классом, что родители никогда не наказывали ее, другие ученики только что рты не разинули от удивления. Одна девочка сказала: «Но... но... ты хорошая!»

Полагаю, дети не могли поверить в то, что кто-то оказался настолько «хорошим», что его ни разу не наказывали. Если детей воспитывают с помощью розог и наказаний, то им трудно понять, что родители могут доверять детям и общаться с ними уважительно. Тогда дети вырастают очень «хорошими» и очень ответственными людьми, и моя Кэрол тому живое доказательство.

На прошлой неделе мы с мужем вернулись домой вечером и нашли на подушке записку от дочери:

Дорогие мама и папа!

Сегодня вечером я неудачно заехала на двор, задела дуб и помяла бампер вашей машины. Вот десять долларов – первый платеж за ремонт машины. Каждый месяц я буду выплачивать ту же сумму, пока не оплачу весь ремонт. Мне очень жаль!!! Это была случайность.

С любовью, Кэрол

Должна признаться, что поначалу мы немного рассердились, но, успокоившись, стали еще больше гордиться нашей дочерью.

* * *

А вот какую историю рассказал нам один мужчина.

Директор школы собрал родительское собрание, чтобы обсудить серьезную проблему – распространение наркомании в нашем районе. Перед нами выступили психиатры и психологи. Все они говорили очень хорошо. Но больше всего меня тронули слова выпускницы нашей школы, которая недавно прошла программу реабилитации. Она рассказала нам о

своем отце-алкоголике, которому не было до нее дела, о матери, которая снова вышла замуж и перестала заботиться о дочери, о множестве проблем, с которыми она сталкивалась в школе. Неудивительно, что эта девушка в конце концов увлеклась наркотиками, стала жить на улице и безумно боялась СПИДа, от которого умерли несколько ее друзей.

В конце выступления она посмотрела на нас и сказала:

– Самое главное, что я хочу вам сказать: слушайте своих детей! Я уверена, что если бы мама выслушивала меня, а не наказывала, то я могла бы слушаться ее. Но вместо этого я злилась на то, что ей нет дела до моих проблем. Я вылезала через окно своей комнаты и убегала. Если бы мама была для меня другом, а не наказывающим родителем, моя жизнь сложилась бы по-другому. В семье ребенок может найти все, что ему нужно. Именно родители должны стать ему лучшими друзьями. Вы должны больше слушать и меньше судить, и тогда мы, дети, будем больше вам рассказывать.

Вопросы учителей

1. Я преподавала в разных школах и сталкивалась с самыми разными наказаниями – от саркастических замечаний до угроз исключения. Некоторые учителя лишали детей того, что нравилось им больше всего: спорта, музыки, путешествий и т. п. Другие предпочитали физические наказания. Они шлепали, встряхивали, щипали или таскали учеников за волосы. Как вы считаете, какое наказание причиняет наибольший вред?

В своей книге «Чтение, письмо и палка» доктор Ирвин Хайман пишет, что все эти наказания обладают серьезными и длительными последствиями для ребенка. Его исследования показали, что даже один болезненный опыт может вызвать разнообразные посттравматические стрессовые симптомы. Ребенок может потерять интерес к учебе, перестать делать домашние задания, начать вести себя агрессивно. В нем могут поселиться тревога или депрессия, он может перестать доверять взрослым. Некоторые дети начинают мочиться в постели, грызть ногти, заикаться. У кого-то неожиданно возникают головные боли и спазмы в животе. Других мучают ночные кошмары, детям становится трудно заснуть. Хотя у ребенка может и не появиться всех подобных симптомов, он не заслуживает даже одного из них. Наши дети стоят того, чтобы те, кто их воспитывает и учит, относились к ним гуманно и заботливо.

2. Я до сих пор не могу смириться с тем, что не существует ситуаций, в которых ребенка можно наказать. А что делать с хулиганом, который сорвал с первоклассника очки, довел его до слез, а сам хохотал над ним? Неужели ребенка, который проявил такую жестокость, нельзя наказать?

Такого ребенка нужно остановить и направить его энергию в другое русло. Не нужно еще раз демонстрировать ему, что большой и более сильный человек может угнетать маленьких и слабых. Скорее всего, «хулиган» отлично знает это по личному опыту. Если мы хотим учить ребенка доброте, то должны пользоваться добрыми методами. Ребенок, который проявляет жестокость по отношению к другому, нуждается в убеждении, а не в боли. Ему нужно строго сказать: «Мне не нравится то, что я вижу! Никого нельзя доводить до слез – никогда!» Ребенок должен узнать ваши ожидания: «Я хочу, чтобы ты стал добрым... И ты можешь стать таким прямо сейчас – верни первокласснику очки». Уважению к другим людям можно научить только уважительно.

3. Вы считаете, что с помощью уважительного отношения можно перевоспитать любого школьника?

Хотелось бы, чтобы это было так! К сожалению, есть дети, которые настолько «замучены», что просто не способны отвечать на уважение и заботу. За учебный день невозможно возместить тот моральный ущерб, который они уже понесли. Лучшее, что могут в такой ситуации сделать учителя, это защитить других учеников и себя от неисправимо трудных детей. Однако в такой ситуации особенно важно проявлять твердость одновременно с уважением, чтобы не наносить трудным детям новую травму. По крайней мере, так всем будет лучше.

4. Во время моего дежурства две девочки подрались в столовой. Охранник хотел отвести их к директору, но я сказала, что справлюсь сама. Каждая из девочек старалась перетащить меня на свою сторону. Я отказалась их слушать и сказала, что, если это еще раз повторится, я сама отведу их к директору. А теперь я думаю, правильно ли поступила? Не могла ли я разрешить ситуацию другим способом?

Вы могли выслушать обеих девочек, а потом сформулировать их точки зрения: «Значит, Элен, ты рассердилась на Розу, потому что... А ты, Роза, разозлилась, потому что подумала...» Подтвердив право каждой из девочек на негативные чувства, вы помогли бы им избавиться от них.

Директор школы рассказал, что, когда к нему в кабинет приводят подравшихся детей, он применяет метод, описанный детским психологом доктором Хаимом Гиноттом. Он усаживает школьников по разные стороны стола, дает каждому по карандашу и желтому блокноту и говорит: «Я хочу точно знать, что произошло. Пишите!»

Как правило, один из драчунов начинает протестовать: «Но я не виноват!» Другой подкивает: «Он первым меня ударил!» Директор обычно кивает и говорит: «Вот и напишите об этом. Я хочу подробно знать, как все началось, что произошло дальше и что каждый из вас почувствовал. И не забудьте написать о своих планах на будущее!»

Когда дети заканчивают писать, директор читает их сочинения и признает право каждого из драчунов на негативные чувства. Потом он просит их поделиться друг с другом своими планами. Обычно после этого дети мирятся.

Учительские истории

Первую историю нам рассказала учительница старших классов.

Я вошла в класс и увидела, что Джо рисует на обложке учебника математики. И это на следующий день после того, как я прочитала детям целую лекцию о необходимости бережно относиться к школьному имуществу!

Раньше я бы подняла его с места и накричала на него: «Сколько можно! Немедленно иди к директору!» Теперь же я подошла к его парте и остановилась. Джо захлопнул учебник, пытаясь спрятать рисунок. Я сказала: «Хочу повторить то, о чем говорила вчера: мне не нравится, когда люди портят книги. Этими учебниками будут пользоваться еще пять лет, и я хочу, чтобы мои ученики относились к ним бережно».

«Извините, – пробормотал Джо. – Я забыл».

«Понимаю», – сказала я и вернулась за свой стол. Через несколько минут я снова подошла к парте Джо. Мальчик изо всех сил пытался стереть рисунок своим крохотным ластиком. Я протянула ему новый блокнот и свой ластик и сказала: «С ним тебе будет проще... А когда захочешь порисовать, рисуй в этом маленьком блокноте». Джо был очень удивлен и поблагодарил меня.

Я ответила: «Пожалуйста!» – и начала урок.

Прошел месяц. Джо больше никогда не рисовал на учебниках. В кармане рубашки он постоянно носит мой блокнот и иногда показывает мне свои рисунки. Я рада, что в тот день не отправила его к директору. Может быть, он и перестал бы рисовать на учебниках, но мы никогда не стали бы настоящими друзьями, как теперь. Кто знает, может быть, я помогла будущему Пикассо?

* * *

Школьный психолог рассказала нам о том, как ей удалось помочь ученику избежать наказания. Она поняла чувства ребенка и предложила ему выбор.

Я пришла в третий класс, чтобы отобрать троих учеников для участия в специальной образовательной программе. Двое из них сразу же поднялись и пошли со мной. Халил же остался на месте. Он опустил голову и казался сердитым. Классная руководительница сказала: «Халил, пришла миссис Гордон. Она ждет тебя. [Никакой реакции.] Что ж, я вижу, Халил не хочет сегодня работать вместе с нами. [По-прежнему никакой реакции.] Халил, если ты хочешь завтра поехать на экскурсию, тебе лучше сейчас отправиться с миссис Гордон». Мальчик еще ниже опустил голову. Я подошла к нему, наклонилась и шепнула: «Ты не хочешь идти со мной?»

Он сердито ответил: «Я не хочу быть вместе с Джозефом!»

Я сказала: «Что ж, тогда я вижу две возможности. Ты можешь пойти со мной, и я постараюсь держать Джозефа подальше от тебя... Или я дам тебе пройти тест прямо здесь, в твоём классе».

Халил задумался. Потом поднялся и пошел за мной. Я была очень рада, что сумела придумать альтернативу, которая позволила ребенку без потерь выйти из сложной ситуации.

* * *

Последнюю историю рассказал нам школьный социальный работник.

Шону было семь лет. Он был симпатичным, вежливым ребенком, оказавшимся в классе для детей с эмоциональными и поведенческими проблемами. Шон плохо учился в школе. Никакие поощрения, золотые звезды и похвальные наклейки не могли сломить его сопротивления. Он не смотрел в глаза тем, кто хотел ему помочь, пожимал плечами, когда его спрашивали, в чем его проблема, а дома просто убегал от материнских нотаций. Кроме этого, Шон боялся высоты. Он никогда не катался с горок, не лазил по канату или по брускам.

Родители рассказали мне, что в первом классе Шона отшлепали за невнимательность, а во втором учительница не раз хлопала его линейкой по спине и по пальцам за плохое поведение на уроке. Мать Шона считала, что учительница все делает правильно. В присутствии мальчика она дала учительнице разрешение обращаться с ее сыном так, как она сочтет нужным.

Я посоветовала родителям спокойно обсудить эту проблему с сыном в неформальной обстановке. Им хватило всего пары бесед, чтобы понять, что эти наказания оказали глубокое влияние на Шона. Он до сих пор помнил, как его шлепали. Не забыл он и учительскую линейку. Во время разговора он впервые дал волю своей долго подавляемой ярости. Он бросился к матери и стал молотить кулаками по ее коленям: «Мама, ты же сказала, что она может бить меня! Ты ей это позволила!»

Мать была потрясена. Она объяснила, что никогда не собиралась никому позволять бить ее сына. В конце разговора мать и сын впервые за целый год обняли друг друга.

На другой день Шон играл с отцом в мяч. Мяч улетел на крышу дома. Отец достал лестницу, чтобы полезть за мячом, но Шон неожиданно сказал: «Можно, я сам?» Он ловко поднялся по лестнице и достал мяч. Мальчик явно был доволен собой. Он вбежал в дом, обхватил мать за талию и радостно закричал: «Мама, теперь, когда я рассказал тебе свой секрет, я могу сделать все, что угодно!»

Не стоит и говорить, что с этого момента Шон стал гораздо лучше учиться.

Глава 4

Совместное решение проблем: шесть шагов к пробуждению в ребенке творческого начала и умения сосредоточиваться

Заканчивался первый год моей работы в школе. В последний день громогласная болтушка Таша сказала мне:

– Вы относитесь к нам слишком мягко. По-моему, вы даже убийство нам простите.

Я рассмеялась и спросила:

– А почему ты не сказала мне об этом раньше?

– Мне было слишком весело! – ответила девочка.

Мы посмеялись над этим, и Таша ушла. Но когда за ней закрылась дверь, улыбка исчезла с моего лица. Может быть, девочка была права? Не слишком ли многое я позволяю своим ученикам? Может быть, я настолько увлеклась отказом от наказаний ради того, чтобы меня все любили, что забыла о главном. На моих уроках дети перебивали друг друга, болтали, выкрикивали ответы с мест. Зачем портить интересный урок, обращая внимание на мелкие провинности? Но Таша дала мне понять, что она ловко воспользовалась моим желанием быть «милой» со всеми. И, судя по всему, не она одна.

В следующем году я решила стать более жесткой. В первый же день занятий нужно будет установить правила и строго следить за их соблюдением. Однако через две недели я обнаружила, что веду себя по-прежнему. Я считала, что хорошая дискуссия – это живое, свободное обсуждение, когда одна идея рождает другую. Если ученик перебивает своего товарища, это не такая уж большая беда. Если кто-то не согласен с услышанным и в запале бросает: «Какая глупость!», на это можно не обращать внимания. Но мои ученики стали все чаще перебивать и унижать друг друга, а наши дискуссии начали превращаться в шумные перебранки.

Но я не могла найти в себе сил подавлять энтузиазм детей нотациями и выговорами. Возможно, я была наивна, но мне казалось, что в какой-то момент дети сами поймут, что пора начать общаться друг с другом более цивилизованно. Впрочем, пока это понимала только я. Дети не собирались меняться, если не меняется их учитель. Им нужен был взрослый, который обучил бы их основным социальным навыкам и сумел настоять на том, чтобы они ими пользовались. Но как мне это сделать?

Я вспомнила главу о решении проблем из книги «Как говорить, чтобы дети слушали». Там утверждалось, что родители и дети должны обсуждать проблемы и вместе искать решения, после чего дети с большей охотой выполняют их.

Интересная идея! Я изучила пошаговый процесс решения проблем и составила собственный план, чтобы применить его в классе.

1. Узнать чувства и потребности своих учеников.
2. Резюмировать их точку зрения.
3. Высказать свои чувства и потребности.
4. Предложить ученикам устроить «мозговой шторм» вместе со мной и найти решение нашей проблемы.
5. Записать все идеи, не оценивая их.
6. Вместе решить, какие идеи стоит использовать и как это сделать.

Изучив эти шесть шагов, я сразу загрустила. Удается ли мне пройти вместе со своими учениками этот долгий, сложный процесс? Возможно, все это не так страшно, как кажется. «Все будет хорошо, – сказала я себе, – дети выразят свои чувства, я – свои, а потом мы вместе найдем решение». В общем, попробовать стоило. Вот что произошло, когда я впервые попыталась решить проблему вместе со своими учениками.

Решение проблемы

УЗНАЙТЕ ЧУВСТВА И ПОТРЕБНОСТИ СВОИХ УЧЕНИКОВ

РЕЗЮМИРУЙТЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ УЧЕНИКОВ

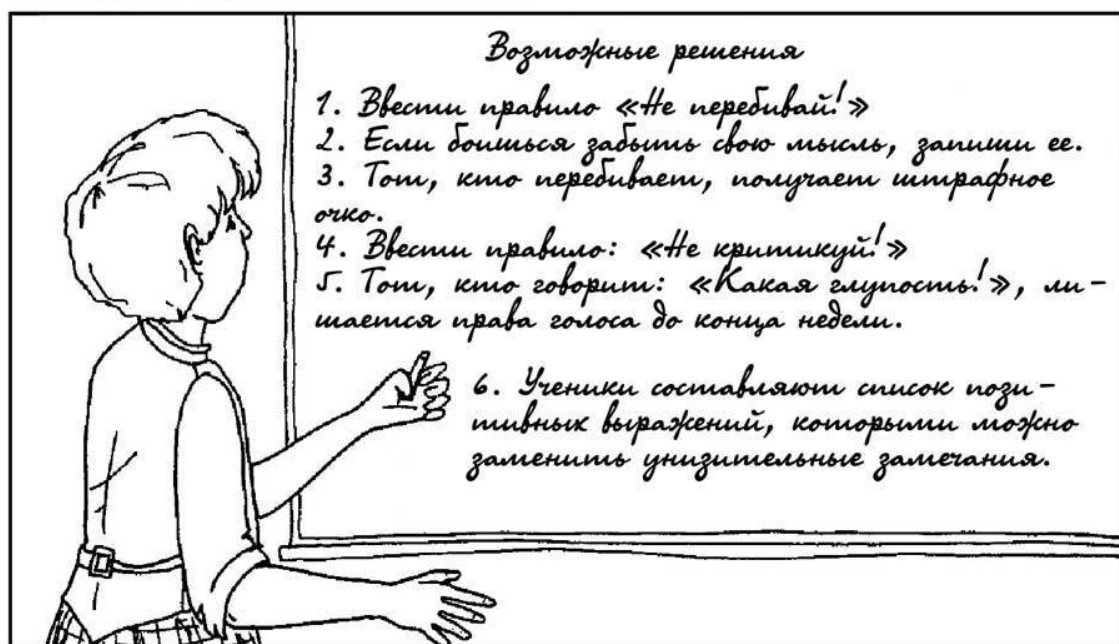
ВЫСКАЖИТЕ СВОИ ЧУВСТВА И ПОТРЕБНОСТИ

ПРЕДЛОЖИТЕ УЧЕНИКАМ УСТРОИТЬ «МОЗГОВОЙ ШТУРМ» И НАЙТИ РЕШЕНИЕ

ЗАПИШИТЕ ВСЕ ИДЕИ, НЕ ОЦЕНИВАЯ ИХ

**ВМЕСТЕ РЕШИТЕ, КАКИЕ ИДЕИ ВАМ НРАВЯТСЯ ИЛИ НЕ НРАВЯТСЯ
И КАК ВОПЛОТИТЬ ИХ В ЖИЗНЬ**

Результатом этого урока стали самые серьезные перемены. Дети стали значительно реже перебивать друг друга. Те, кто продолжал перебивать, смущались и извинялись за свое поведение, а потом вежливо ждали своей очереди. Но самым радостным для меня стало то уважение, с каким дети начали слушать друг друга. Даже те, у кого порой вырывалось «Какая глупость!», мгновенно умолкали под укоризненными взглядами одноклассников. Неосторожный ученик смущенно улыбался, смотрел на доску и читал: «Я думаю иначе!» Все начинали смеяться. Но даже если ребенок просто механически читал написанное на доске, произнесенные им слова меняли тон дискуссии. Я больше не боялась превратиться в сурового надсмотрщика. Мои ученики сами следили за собой.

Я так гордилась ими, их дисциплиной и уважением друг к другу, что решила рассказать об этом родителям на родительском собрании. Когда все расселись, я поздоровалась и

сообщила о своих планах на четверть. Потом, указав на составленную нами таблицу, которая все еще висела на доске, я рассказала о проблеме, возникшей в нашем классе, и о том, как мы все вместе ее решили.

Родителей мой рассказ заинтересовал. Меня начали расспрашивать подробнее:

– Я только что вернулся с семинара по менеджменту, и там нас учили практически тем же навыкам разрешения конфликтов, что применили в классе вы.

– Похоже, этот прием можно использовать дома!

– У меня никогда не хватает терпения на то, чтобы вместе с детьми пройти все эти шаги!

– А если ребенок не хочет думать о решениях?

– Или высказывает глупую или опасную идею? Что тогда делать?

– А что делать, если вы приняли план, а дети не выполняют свою часть договора? Что тогда?

Все родители явно хотели узнать больше. Я объяснила, что у меня нет опыта применения этих методов в семье, но, если им интересно, я буду рада поделиться своим учительским опытом. Для начала я рассказала о том, что чем больше я экспериментировала с методами решения проблем, тем лучше понимала, что для успеха необходимо знать очень многое. Вот основные моменты моего выступления перед родителями. Всему этому я научилась методом проб и ошибок.

Даже не пытайтесь решить проблему в спешке или возбужденном состоянии. Чтобы успешно решить сложную проблему, нужны время, ясная голова и полное спокойствие.

Первый шаг – выслушать детей – самый важный. Я всегда старалась быстрее пройти этот первый этап, чтобы перейти к «основной части», то есть к «мозговому штурму» и выработке как можно большего количества решений.

Ученик: Мисс Ландер, я получил двойку за контрольную!

Учитель: И что ты собираешься делать, чтобы это больше не повторилось? Есть какие-то идеи?

С того времени я узнала, что ученики не хотят искать решения своих проблем, если взрослые не признают их право на негативные чувства.

Учитель: Похоже, плохая оценка тебя очень расстроила. Давай прочитаем твои ответы вместе. Может быть, ты сможешь подробнее рассказать мне, что именно имел в виду.

Будь краток, говоря о собственных чувствах. Дети внимательно слушают лишь короткие высказывания о чувствах других людей. Если я начну распространяться о своих чувствах, своем беспокойстве и своем раздражении, детям сразу станет скучно.

Преодолейте желание оценить предложения учеников. Мне было очень трудно удержаться от замечаний, когда дети предлагали явно неосуществимые решения. Но стоило мне сказать: «Это невозможно», как процесс поиска решений тут же прекращался. После таких слов никто больше ничего не предлагал. Если вы хотите, чтобы дети не подавляли свое творческое начало, выслушивайте все идеи, какими бы глупыми они ни казались: «Пусть тот, кто перебивает, целую неделю ходит с заклеенным ртом. Я это записала. Есть другие идеи?»

Обязательно составьте план осуществления принятого решения. Мне пришлось научиться не расслабляться от радости из-за того, что решение, наконец, было принято. Самые благие намерения пропадают даром, если не приложить сил и не реализовать принятое решение. А для этого нужно сразу решить, кто будет ответственным за этот процесс.

Не расстраивайтесь, если план провалится. Легко упрекать детей за то, что они не следуют составленному ими же самими плану. Стоило мне так поступить, как ученики замкнулись в себе, стали мрачными и враждебными. В конце концов я решила, что гораздо полезнее будет созвать новое собрание, обсудить, что пошло не так, и решить, как исправить ситуацию. Другими словами, одной дискуссии по принятию решения может оказаться недостаточно. Вернувшись к этому процессу, можно найти ответы, которые были упущены в первый раз.

В конце моего долгого монолога прозвонил звонок. Некоторые родители ушли встретиться с другими учителями, но несколько человек остались и столпились возле моего стола. Им хотелось обсудить услышанное на собрании.

– Как вы думаете, – спросил один мужчина, – этот метод поможет решить проблему с домашними заданиями?

– Да, действительно, – подхватила другая женщина. – Как только моя дочь Лара приходит домой из школы, все мои силы уходят на ее домашние задания.

Такое замечание меня смутило.

– Ваше время уходит на ее домашние задания? – переспросила я.

– Ну, не все, конечно, – ответила она. – Но разве родители не обязаны помогать детям делать домашние задания?

– Каким образом? – спросила я.

– Ну... Когда Лара возвращается домой, я прошу ее показать мне дневник, а потом сажусь за стол рядом с ней и помогаю ей все правильно организовать. Сегодня днем мы с ней ходили в библиотеку и взяли несколько прекрасных книг для реферата об Элеоноре Рузвельт.

Я была в ужасе. Лара всегда казалась мне очень серьезной и способной девочкой. Я давала детям домашние задания, чтобы они учились организовывать собственное время, работать самостоятельно, формулировать собственное мнение. Стараясь быть тактичной, я сказала:

– Мне кажется, что самая лучшая помощь со стороны взрослых – косвенная. Обеспечьте ей спокойное место для работы, хорошее освещение, словарь, накормите, если девочка проголодалась, и будьте поблизости, если ей нужно будет что-то спросить.

Мать Лары удивленно подняла брови. Я поняла, что моя маленькая речь ни в чем ее не убедила. Я попыталась вспомнить, как вели себя по отношению ко мне и моей сестре наши родители, когда мы были маленькими. В нашем доме очень серьезно относились к домашним заданиям. Это был главный приоритет. Каждый вечер, после ужина, мы убирали все с обеденного стола, садились, раскрывали книги и тетради и делали домашние задания. Вопросы о том, нужно ли это делать, вообще не возникало. В распорядке дня просто было «время на домашние задания».

– А что вы скажете, – спросила я, – если я предложу вам просто каждый вечер беседовать с Ларой? Она может работать самостоятельно в своей комнате или где-то рядом с вами. Понемногу вы успокоитесь и позволите дочери учиться самостоятельно.

– Хотелось бы мне, чтобы все было так просто, – раздраженно ответила мать Лары. – Но если я за ней не присматриваю, она вообще ничего не делает. Она...

– Не обижайтесь, пожалуйста, – вмешалась другая женщина. – Но я думаю, что вы несправедливы по отношению к своей дочери. Моя мать тоже каждый вечер следила за тем, как я делаю домашние задания, и все тщательно проверяла. Иногда моя медлительность ее так раздражала, что она делала задания за меня. В конце концов я вообще перестала заниматься, если матери не было дома. Полагаю, подсознательно я решила, что раз она берет всю ответственность на себя, мне не нужно ни за что отвечать. Поэтому моя дочь все делает сама, без моего присмотра.

Мать Лары была изумлена.

– Вы хотите сказать, что никогда не помогаете дочери делать домашние задания?

– Ну, если у нее возникают трудности, я выслушиваю ее и стараюсь помочь. Но если она обращается ко мне с тем же вопросом снова, я отказываюсь ей помогать. Я хочу, чтобы она знала: за ее домашние задания отвечает только она сама. Я знаю, что она вполне способна все сделать самостоятельно.

– Ну, хорошо, ваша дочь делает домашние задания, – не успокаивалась мать Лары. – А если она не сделает их?

Вторая женщина ответила ей сразу же:

– Тогда она попросит о помощи кого-то из старших – учителя или старшеклассника, или позвонит кому-то из одноклассников. Я хочу, чтобы она была самостоятельной. Я не собираюсь следить за ней и делать за нее домашние задания.

Слушавший этот разговор мужчина энергично закивал в знак согласия.

– А что вы думаете? – спросила его я.

– Я вспомнил своего отца, – сказал он. – Его буквально убивало то, что у меня так плохо идут дела с математикой. В конце концов он решил, что *сам* должен научить меня. Каждый вечер он усаживался рядом со мной и начинал объяснять материал. Начинал-то он терпеливо, но я плохо понимал его объяснения. Он раздражался, объяснял все снова, но уже на повышенных тонах. Может быть, математике-то он меня и научил, но наших отношений эти занятия не улучшили. Вот почему сразу дал понять своему сыну Тиму, что домашние задания – это его работа, точно такая же, как та, на которую каждый день хожу я.

В разговор вступил другой мужчина.

– Но если сам Тим так не думает?

– Да, в прошлом году нам пришлось нелегко. Когда Тима приняли в футбольную команду, спорт стал для него важнее всего. Учительница прислала мне записку о том, что он не делает домашних заданий.

– И что вы ему сказали? – спросила мать Лары.

– Ему – ничего. Я встретился с его учительницей на родительском собрании, поблагодарил ее за то, что она мне обо всем сообщила, но сказал, что Тиму будет полезнее получить записку от нее, чем выслушать нотацию от меня. Я протянул ей пять экземпляров отпечатанного документа:

*Дорогой Тим,
ты все еще не выполнил следующие задания:
Даты: _____*

*Пожалуйста, завтра утром сообщи мне, когда ты намерен их
сделать.
С уважением, _____*

Я дал учительнице пять конвертов с марками и нашим адресом и сказал, что буду очень благодарен за помощь. Мы с интересом посмотрели на этого мужчину.

– И что же произошло? – спросила я.

– Первое письмо Тима удивило, но он не обратил на него внимания. Когда пришло второе и он понял, что учительница не шутит, он начал выполнять домашние задания и делает это постоянно.

– Надо же, – восхищенно протянула мать Лары. – Вам действительно удалось справиться с этой проблемой!

– Да, это помогло, – кивнул мужчина. – Но в этой четверти у нас появилась другая проблема. Теперь Тим оставляет домашнюю работу на самую последнюю минуту и занимается до глубокой ночи, чтобы все сделать. Я всегда уговариваю его начать раньше, а он всегда

находит какие-то отговорки: то ему мешает сестра, то нужно сделать модель самолета, то показывают интересную передачу по телевизору...

Мать Лары повернулась ко мне:

– Мисс Ландер, вы только что рассказывали нам о решении проблем. Как вы думаете, может ваш подход помочь родителям Тима?

– Наверное, – сказала я, отчаянно мечтая о том, чтобы Джейн была рядом и помогла мне.

Отец Тима нахмурился.

– И как же это сделать? – спросил он.

Взгляды всех присутствующих обратились на меня. Я попросила отца Тима рассказать, что происходит, когда он требует, чтобы сын пораньше сел за домашние задания. Потом мы обсудили, что могло бы произойти, если бы Тим и его отец обсудили эту проблему и вместе нашли решение. Вот какие сценарии у нас получились.

Спор из-за домашнего задания

Совместное решение проблемы

УЗНАЙТЕ ЧУВСТВА И ПОТРЕБНОСТИ РЕБЕНКА

ПРОДЕМОНСТРИРУЙТЕ ПОНИМАНИЕ

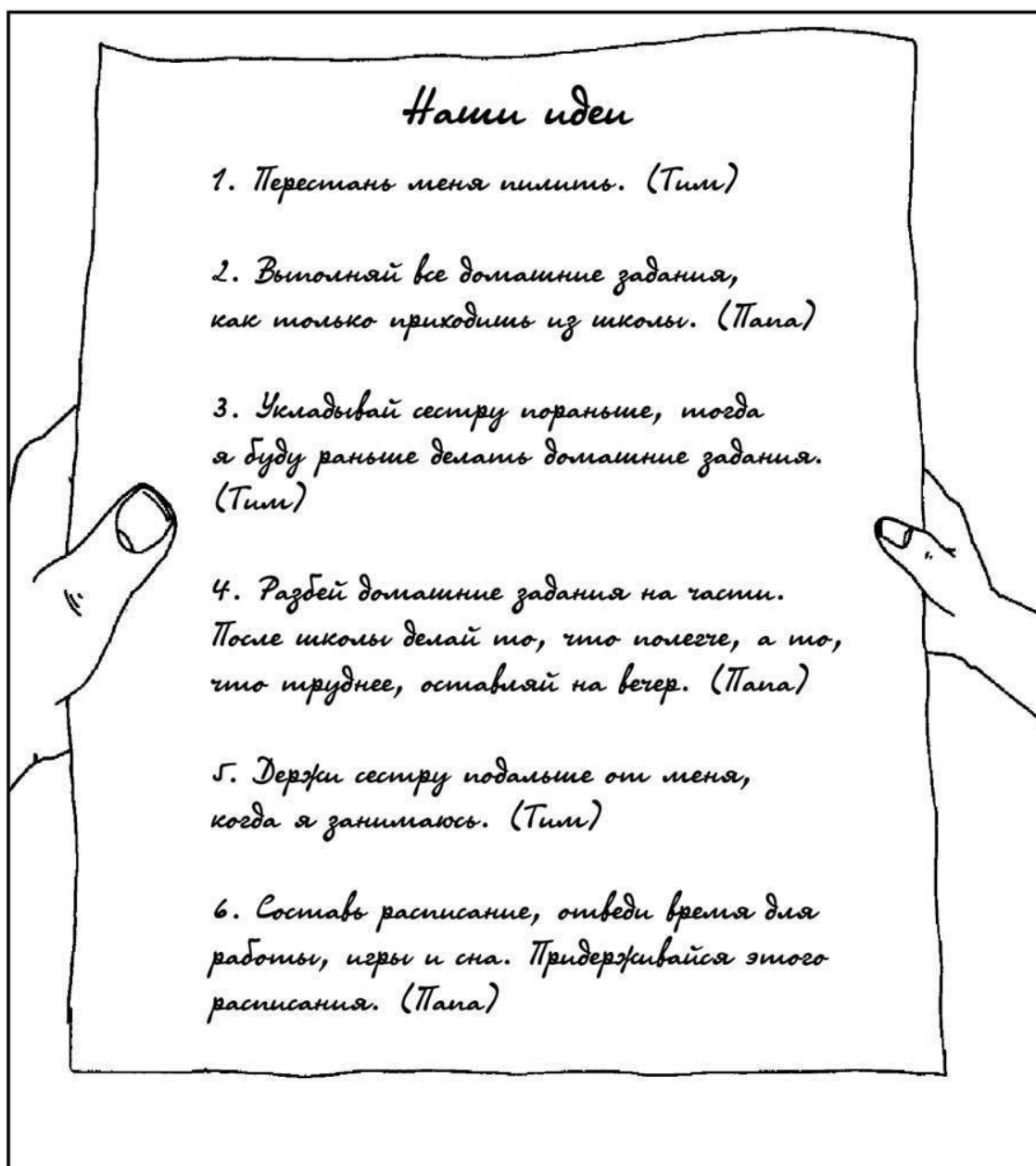
ВЫСКАЖИТЕ СВОИ ЧУВСТВА И ПОТРЕБНОСТИ

ПРЕДЛОЖИТЕ УСТРОИТЬ «МОЗГОВОЙ ШТУРМ»

ЗАПИШИТЕ ВСЕ ИДЕИ, НЕ ОЦЕНИВАЯ ИХ

**ВМЕСТЕ РЕШИТЕ, КАКИЕ ИДЕИ ВАМ НРАВЯТСЯ ИЛИ НЕ НРАВЯТСЯ,
И СОСТАВЬТЕ ПЛАН ДЕЙСТВИЙ**

Через несколько дней после родительского собрания мне позвонил отец Тима. Он хотел рассказать, что произошло, когда он поговорил с сыном.

– Все произошло почти так, как мы и думали, – сказал он. – Единственная проблема возникла с расписанием, составленным Тимом. Он выделил себе два часа на просмотр телевизора и решил ложиться спать в 23.00. Я сказал ему, что мне это не нравится. Мы просмотрели расписание, и я помог переделать его. Мы согласились, что Тим будет начинать выполнять домашние задания на полчаса раньше, смотреть телевизор всего один час, в 21.30 уже будет в постели и выключит свет в 22.00.

Шли недели, и я начала еще больше ценить метод совместного решения проблем. Я начала понимать, что долгосрочные преимущества такого подхода гораздо ценнее преимуществ немедленных. Да, конечно, совместное решение проблем заметно облегчает работу в

классе и избавляет родителей от целого ряда проблем в доме. Когда мы предлагаем ребенку решить проблему вместе с нами, то сразу посылаем ему целый ряд важных сообщений:

«Я верю в тебя».

«Я верю в твою способность мыслить разумно и творчески».

«Я ценю твой вклад».

«Я не считаю себя «всемогущим взрослым», который может утвердить свою власть над «невежественным ребенком». Я считаю, что мы с тобой – равные партнеры, равные не по знаниям или жизненному опыту, но по человеческому достоинству.

Если мы сможем гарантировать всем детям сейчас и в будущем подобное отношение, нам удастся и успешно решать возникающие проблемы. Обучая детей тому как относиться к проблеме, как разбить ее на ряд решаемых частей и как применить для ее решения собственный интеллект, мы даем им навыки, которые пригодятся им в дальнейшей жизни.

Памятка

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ ДОМА И В ШКОЛЕ

1. Выслушайте ребенка, поймите его чувства и потребности.

Взрослый: Похоже, ты очень расстроен тем, что не сдал экзамен по испанскому языку?

Ребенок: Я сдал! Я верно написал двенадцать слов из двадцати! Я целый час готовился к экзамену вчера вечером!

2. Резюмируйте точку зрения ребенка.

Взрослый: Ты явно расстроен. Хотя ты и старался запомнить все эти новые слова, некоторые из них все же от тебя ускользнули.

3. Выскажите свои чувства и потребности.

Взрослый: Меня беспокоит то, что если ты не будешь запоминать новые слова, то станешь отставать все больше и больше.

4. Предложите ребенку провести «мозговой шторм» вместе с вами.

Взрослый: Как ты думаешь, если мы поработаем вместе, то не сможем ли найти новые и более эффективные способы запоминания слов?

5. Запишите все идеи, не оценивая их.

Ребенок: Бросить испанский язык.

Взрослый (записывая): Я это записал. Что еще?

Ребенок: Возможно, я мог бы...

6. Вместе решите, какие идеи вам нравятся, какие – не нравятся и как воплотить принятый план в жизнь.

Взрослый: Как ты относишься к идее написать слова на карточках и каждый вечер перед сном заучивать по четыре новых слова?

Ребенок: Это хорошо. Но вместо карточек я запишу эти слова на магнитофон и буду учить их, пока не выучу.

Вопросы и истории родителей и учителей

Вопросы родителей

1. Я заметил, что вы приступаете к решению проблемы с выслушивания точки зрения ребенка. Не лучше ли изменить порядок и сначала высказать точку зрения взрослого?

Это может сработать. Но когда взрослый высказывает свое раздражение, некоторые дети замыкаются и переходят в оборонительную позицию. Ребенку гораздо проще понять и принять точку зрения взрослого после того, как тот продемонстрировал искренний интерес и внимание к его чувствам.

2. Я приступаю к решению проблем вместе с детьми с самыми благими намерениями, но когда наступает очередь высказать свои чувства, мне очень трудно удержаться от того, чтобы не перейти к упрекам и обвинениям. Что мне делать?

Чтобы избежать упреков, попробуйте отказаться от обвиняющего местоимения «ты»: «Ты никогда... Ты всегда... Главная твоя проблема...» Попробуйте заменить «ты» на «я»: «Вот о чем я хотела с тобой поговорить. Мне не нравится, когда... Я хотела бы...» Чувствуя, что вы на них не нападаете, дети прислушаются к вашим мыслям и чувствам, не переходя в глухую оборону.

3. Я заметила, что иногда, начиная «мозговой штурм» вместе с детьми, мне приходится выслушивать обвинения в свой адрес с их стороны. Например, я предлагаю: «Может быть, я могла бы сделать то-то и то-то». А они отвечают: «Нет, ты не можешь! Вспомни, что было в последний раз, когда ты...» И начинается долгая ссора по поводу того, что происходило в прошлом. Как мне этого избежать?

Если дети начинают обвинять вас, их легко вернуть к теме разговора, сказав: «Давайте не будем обвинять друг друга за то, что происходило в прошлом. Нам вместе нужно придумать решение на будущее».

4. Я столкнулась с ситуацией, которую невозможно разрешить путем решения проблем. Не проходит и недели, чтобы кто-нибудь из троих моих приемных детей не говорил мне о том, что в школе его побили, оскорбили или посмеялись над ним из-за одежды, стрижки или цвета глаз. Я говорю им, чтобы они не обращали внимания на такие глупости. А что еще можно сделать?

Боль и обиду игнорировать нельзя. Несчастный ребенок должен знать, что кто-то понимает его боль. Ему нужно, чтобы взрослый подтвердил его право на страх и боль – физическую или эмоциональную, по той или иной причине.

Когда вы проявили свое понимание, можете заручиться поддержкой других детей. Собравшись всей семьей, вы можете решить проблему совместно. Все могут принять участие в обсуждении одного или всех нижеприведенных вопросов:

– Случалось ли с вами то, что произошло с Чул Су? Как вы реагировали?

– Что можно сделать, если кто-то насмехается над вами? Притвориться, что не слышите? Сменить тему разговора? Согласиться? Перевести все в шутку? («Да, из-за этой прически у меня плоская макушка. Зато мне удобно стоять на голове!»)

– Что можно сделать, когда тебе угрожают физически? Позвать на помощь? Закричать: «Ой, что это у тебя за спиной?!» – и убежать? Сказать «злодею», что у тебя заразная, смертельная болезнь? Начать учиться карате?

– Кто из взрослых может положить конец оскорблениям и дракам? Учитель? Директор школы? Приемные родители? Родители «злодея»?

Когда вы запишете все решения, возникшие в ходе дискуссии, дети смогут разыграть придуманные сценарии. Один из них будет обижать или задираť других. В конце группового сеанса решения проблемы дети наверняка почувствуют себя лучше. Они станут более уверенными в себе и почувствуют себя членами одной семьи.

Родительские истории

Первую историю рассказала нам женщина, которая пользуется приемом совместного решения проблем для того, чтобы избавиться себя от давления со стороны детей и сделать их более ответственными.

В прошлом году три мои дочери (шесть, восемь и двенадцать лет) постоянно требовали от меня «правильную» одежду кроссовки и школьные принадлежности. В результате они «раскрутили» меня на значительно большие траты, чем я могла себе позволить.

Когда в этом году настало время собираться в школу, я решила поступить по-другому. Я собрала всех членов семьи и попросила их написать список вещей, которые абсолютно необходимы им для нового учебного года. (Мы составили также и список пожеланий, то есть того, что хотелось бы купить, если семья вдруг выиграет в лотерею.) Потом я очень доступно объяснила им свои потребности. Я рассказала о том, что нам нужно экономить для того, чтобы продолжать иметь все необходимое, например пищу и кров над головой.

Сначала девочки протестовали, но через какое-то время стали подходить ко мне с разнообразными предложениями: «Мы будем печь печенье и продавать его соседям», «Мы сами можем шить себе одежду, но ты должна купить нам швейную машинку». Всем особенно понравилась идея двенадцатилетней Джессики: «Выдай нам каждой деньги, и мы сами ими распорядимся». Она даже вызвалась помочь младшим сестренкам с планированием бюджета.

Я согласилась, хотя меня и терзали сомнения. Я не уверена в том, что младшие в полной мере понимали последствия своего решения, но на Джессику оно произвело самое благоприятное действие. Я пошла с ней в магазин покупать свитер. Мне понравился красивый голубой свитер, и я указала ей на него. Джессика сразу же посмотрела на ценник и ответила: «Мама, это мне не подходит. Это слишком дорого!»

* * *

Следующую историю рассказала женщина, трехлетняя дочь которой никак не хотела расставаться с ней в детском саду.

Все матери спокойно оставляли своих детей в детском саду и спокойно с ними прощались. Но Алисон устраивала истерику каждый раз, когда я направлялась к двери. Она бежала за мной, хватала меня за руки и горько плакала. Я была близка к отчаянию. Прошло уже три недели, как она ходила в детский сад, а ситуация не становилась лучше.

Как-то утром я решила попробовать применить новый метод. После завтрака я усадила дочку на колени и сказала: «Алисон, ты действительно хочешь, чтобы я осталась с тобой в

детском саду, а сегодня (заметьте, я сказала «а», а не «но») мне нужно уйти, чтобы сделать все свои дела. Так что же нам делать?»

Девочка посмотрела на меня, не понимая, что я имею в виду. Я сказала: «Может, ты возьмешь с собой твоего плюшевого мишку?» Она отрицательно покачала головой. «Может быть, мой пушистый шарф?» Она снова покачала головой и уткнулась лицом в мое плечо. «Ты останься», – сказала она. Но через минуту добавила: «Ладно, уходи. Но ты должна одиннадцать раз обнять меня».

И тут меня осенило. Я взяла Алисон за руку, поцеловала ее ладошку и закрыла ее. «Теперь у тебя есть мой поцелуй, – сказала я. – Быстренько положи его в кармашек. Когда будешь скучать по мне, достань его – и у тебя будет поцелуй от мамочки. Что ты об этом думаешь?»

Ее личико озарилось улыбкой. Она спрятала «поцелуй» глубоко в кармашек. Тем утром она впервые спокойно отпустила меня.

* * *

А вот какой разговор состоялся у отца с четырнадцатилетним подростком, которого сверстники склоняли к пьянству.

Мой сын Зак отлично знает, как я отношусь к наркотикам и алкоголю. Я всегда старался дать ему полную информацию, не запугивая, но и не успокаивая. Недавно я услышал, что после школы мальчишки собираются в доме у одного из одноклассников, пока его родители на работе, и выпивают. Отвозя Зака на баскетбольную тренировку, я поинтересовался, правда ли это. Он посмотрел на меня и отвернулся.

– Ты пил с ними? – прямо спросил я.

– Один раз пробовал пиво, – ответил он.

Прежде чем я успел что-то сказать, он разрыдался:

– Папа, я должен был! Все смеялись над теми, кто не пил!

Мне хотелось сказать: «А если все будут смеяться над тем, что ты не прыгнул с Бруклинского моста, ты прыгнешь?» – но я сдержался. Вместо этого я сказал:

– Похоже, одноклассники на тебя серьезно надавили!

– Поверь мне, папа! – ответил Зак. – Ты бы слышал, как они обзывали тех, кто не пил!

Я сказал ему, что понимаю положение, в каком он оказался, но все же добавил:

– Ты знаешь, как я отношусь к наркотикам, а алкоголь – это наркотик. Хотя в твоём возрасте пить уже можно, я против этого... Ты сказал мне, что не хочешь, чтобы я тебя «контролировал». Но я видел много детей и взрослых, которые пьют, и понял, что их давно уже «контролирует» спиртное.

– Что же мне делать? – жалобно спросил Зак. – Сказать что-нибудь глупое: «Мне это не нужно! Я выше этого!»

– А разве это проблема? – удивился я. – Ты не знаешь, как сказать «нет» и остаться членом коллектива?

Зак пожал плечами, но я знал, что понял его правильно. Всю дорогу мы с ним придумывали, что он мог бы сказать, чтобы дипломатично отказаться от спиртного. Самое мягкое, что придумал Зак, звучало так: «Спасибо, может быть, позже...» А если сверстники будут настаивать, он мог бы сослаться на строгих родителей: «Вы не знаете моего отца... Он убьёт меня, если почувствует запах спиртного. Меня запрут дома на всю жизнь!»

Заку понравился этот вариант. Когда я высаживал его возле спортивного клуба, он широко улыбнулся и сказал:

– Спасибо, папа!

Вопросы учителей

1. Нужно ли проходить все этапы принятия совместного решения проблемы?

Нет, иногда это не нужно. Одна учительница рассказала нам, как злился серьезный и очень трудолюбивый ученик, девятилетний Спенсер, когда его одноклассники начинали дурачиться и переставали работать, пусть даже на несколько минут. Однажды он потерял над собой контроль и швырнул учебники и тетради на пол. Учительница решила, что пора применить новый навык совместного решения проблем.

Она села рядом с ним и сказала:

– Спенсер, я понимаю, что тебе не нравится, когда одноклассники дурачатся и перестают заниматься. Начав работать, тебе не хочется прерываться.

Спенсер ответил сразу же:

– Да, потому что я хочу быстрее все закончить. А из-за них я забываю, что хотел сделать...

Он помолчал, поднялся и спросил:

– А можно мне сесть за последнюю парту и работать самостоятельно?

Учительница была поражена. Она спросила:

– Ты думаешь, это поможет?

Спенсер кивнул и ответил:

– Тогда я не буду злиться и швырять учебники на пол!

С этого момента проблем со Спенсером больше не было.

2. Одна из моих учениц, Дебби, вечно забывает приносить в школу учебники. Я попыталась решить эту проблему, но безуспешно. Она просто отшучивается и смеется. Можете мне что-нибудь предложить?

Если ребенок сопротивляется вашим попыткам найти решение проблемы, попробуйте написать ему записку, составленную по обсуждаемым нами принципам. Например, можно написать:

Дорогая Дебби,

ты говорила мне, что тебе трудно запомнить, какие учебники нужно приносить в класс. Иногда ты просто забываешь об этом.

Мне нужно знать, что все мои ученики каждый день имеют все необходимые учебники и могут эффективно работать.

Пожалуйста, придумай способ каждое утро напоминать себе о том, какие учебники нужно взять с собой. Я тоже об этом подумую. А потом мы обсудим наши идеи и подумаем, какую из них воплотить в жизнь.

Искренне твоя,

мисс Дж.

3. Когда учитель и ученик вместе ищут решение проблемы, нужно ли им все записывать? Может быть, достаточно просто все обсудить?

Иногда этого вполне достаточно. Но не стоит недооценивать степень гордости и удовольствия, испытываемых ребенком, когда он видит, что взрослый воспринимает его идеи серьезно. Если вы записываете его слова, он получает визуальное подтверждение ценности своих идей. Тем самым вы пробуждаете и стимулируете в нем творческое начало.

4. На прошлой неделе мне нужно было решить проблему опозданий с одной из учениц. Все шло нормально, пока мы не дошли до этапа совместного «мозгового штурма». Я сразу же предложила два прекрасных варианта. Девочка тут же замкнулась. Что я сделала не так?

Советуем вам делать паузу после начала «мозгового штурма». Пусть несколько первых идей выскажет *ребенок*, а не вы. Ваше молчание – это приглашение, знак уважения, способ показать, что любые предложения очень серьезны и требуют обдумывания. Когда взрослый предлагает решения слишком быстро – пусть даже они «превосходны», – ребенок часто теряет интерес к процессу и не выдвигает собственных предложений.

5. Меня беспокоит рост насилия в нашей школе. Порой конфликты возникают по сущим пустякам. Поскольку мы эффективно пользуемся приемами совместного поиска решений, почему дети сами не могут пользоваться ими в отношениях между собой?

Полагаем, вам будет приятно узнать, что в школах и детских садах по всей стране внедряются программы по разрешению конфликтов. Все большее число воспитателей и учителей считает, что, поскольку конфликты между людьми неизбежны, очень важно научить детей разрешать их мирным путем. Это не менее важно, чем математика или история. Учителя из школ, где проводятся занятия по данной программе, пишут нам:

В программе мне нравится то, что дети разрешают свои конфликты самостоятельно, а у меня остается больше времени на преподавание.

Мне приятно видеть пятиклассников в оранжевых футболках с надписью «Специалист по разрешению конфликтов». С тех пор как мы начали осуществлять эту программу, в столовой, на игровой площадке и в классах воцарился полный порядок.

Удивительно, что после пятнадцатичасового курса даже самые отъявленные хулиганы превращаются в прекрасных посредников. Думаю, таким детям легче справиться с «трудными» сверстниками, потому что они говорят на одном языке.

Все соглашались с тем, что школьники, умеющие с уважением слушать друг друга и видеть в конфликте проблему, которую нужно решить, а не битву, которую нужно выиграть, – это наша надежда на счастливое, мирное будущее.

Учительские истории

Первая история показывает, как процесс совместного поиска решений помог учителю докопаться до истоков проблемы.

Дженни – очень милая двенадцатилетняя девочка. Но вот математика ей не дается. На уроке она превращается в капризного, хнычущего ребенка, который не умеет работать самостоятельно. Я не знала, что с ней делать!

В течение учебного года я перепробовала все известные мне способы, но вселить в девочку уверенность мне так и не удалось. Я предлагала ей дополнительные занятия, но у нее были слишком высокие оценки, чтобы отправлять ее к репетитору. В конце концов я решила не обращать на нее внимания. Что же случилось? Она вообще перестала работать. В отчаянии я решила использовать метод совместного принятия решений. Вот что произошло:

Я: Дженни, я знаю, сколько волнений тебе причиняет математика.

Дженни: Да. Я ненавижу математику!

Я: Потому что примеры кажутся тебе слишком трудными?

Дженни: Да... Я делаю ошибки.

Я: И это тебе не нравится?

Дженни: Да, потому что вы будете ругать меня. В прошлом году мистер Дж. называл меня тупицей за то, что я делаю слишком много ошибок!

Я была поражена!

Я: Так вот что тебя беспокоит? Ты думаешь, я тоже буду кричать?

Дженни (со слезами на глазах): Да!

Я (беря ее руки в свои): Дженни, ты не должна ругать себя за ошибки. Все хорошие ученики делают ошибки. Ошибки могут даже быть полезны. Да, они раздражают, но они полезны.

Дженни: Полезны?

Я: Да, потому что ошибки показывают, что тебе еще нужно выучить. Кроме того, иногда они ведут к открытиям. Вспомни, что открыл Колумб, совершив ошибку?

Дженни: (широко улыбаясь): Америку! Так вы не будете сердиться, если я сделаю ошибку?

Я: Нет, Дженни. Мне просто хочется, чтобы ты занималась математикой спокойно, не волнуясь о том, чтобы не сделать ошибок.

Дженни: Может быть, я смогу найти правильный ответ... Но если я не смогу?..

Я: Я тебе помогу. А если я буду занята, тебе сможет помочь твоя подруга Клаудия.

В течение нескольких недель я с удовольствием наблюдала за тем, как усердно стала работать Дженни на уроках математики. Она попросила разрешения сесть рядом с Клаудией, но девочки не сравнивали ответы, пока Дженни не заканчивала решать пример. Думаю, что помогало ей не соседство подруги, а понимание того, что ошибка – это еще не катастрофа.

* * *

Последнюю историю рассказала нам учительница, которая преподавала в городской школе: «Многие мои ученики подвергались физическому и эмоциональному насилию. Они приходили в школу, готовые в любой момент взорваться. Минуты не проходило, чтобы в классе не вспыхнул конфликт. Кто-то говорил: «Ты дурак!», или нецензурно ругался, или пинал соседа под столом. И все это происходило на моем уроке!»

Несмотря на все сомнения, эта женщина попыталась использовать прием совместного решения проблемы. Ниже приведены выдержки из ее письменного отчета.

Поскольку первым шагом к решению проблемы является выяснение реального отношения детей к насилию, я решила спросить их, что хорошего они видят в драках. Вот что у нас получилось.

ЧТО ХОРОШЕГО В ДРАКАХ

1. Можно отомстить! (самый популярный ответ)
2. Можно задать кому-нибудь трепку.
3. Можно отучить другого приставать к тебе.
4. Драться (и ругаться) весело.
5. После этого к тебе не будут приставать.
6. Мне просто это нравится!

7. Они первыми начинают.
8. Учиться скучно. (Вклад учителя.)
9. Приятно кого-нибудь помучить!
10. Играть жестко – это по-мужски!

Пока мы составляли список, дети вели себя очень шумно. Им было весело. Потом я спросила: «А что плохого в драках?», и они тут же загрустили. Но все же нам удалось составить такой список.

ЧТО ПЛОХОГО В ДРАКАХ

1. После драки с другом становится очень плохо.
2. Начинаются неприятности – с родителями, учителями, директором школы.
3. Учитель злится. (Вклад учителя.)
4. Можно нанести кому-то травму.
5. Тебя могут исключить из школы.
6. Не сможешь учиться. (Вклад учителя.)
7. Драка может стать слишком жестокой.
8. Тебе будет больно: побьют, исцарапают, поставят синяк.

Потом мы попытались вместе найти решение проблем. Многие предложения мне не хотелось записывать, но я вспомнила, что нужно записывать все, не критикуя.

ВОЗМОЖНЫЕ РЕШЕНИЯ

1. Попросить разрешения выйти и «выпустить пар».
2. Ударить обидчика.
3. Уйти.
4. Поставить синяк.
5. Сильно сжать руку во время рукопожатия.
6. Сломать карандаш.
7. Пожаловаться матери.
8. Разобраться с обидчиком в спортивном зале, когда там никого не будет.
9. Пожаловаться учителю.
10. Пересесть на другое место.
11. Сказать обидчику, чтобы оставил тебя в покое.
12. Отправить его к директору.
13. Заставить драчуна написать что-нибудь сто раз.
14. Заставить драчуна вылизать пол в классе.
15. Пусть все по разу ударят зачинщика драки.
16. Вручать знаки отличия тем, кто соблюдает правила.
17. Написать драчуну что-нибудь обидное.
18. Сказать ему что-нибудь хорошее, чтобы ему расхотелось драться.

Когда мы составили этот список, я прокомментировала некоторые его пункты. Я сказала, что не позволю им давать сдачи, потому что не хочу, чтобы они травмировали друг друга, а лизать пол слишком негигиенично. Список вызвал у учеников живейший интерес. Каждому нравилось свое решение. Мы все обсудили, выслушали новые предложения, а потом решили, чтобы каждый ученик выписал в свою тетрадь те решения, которые кажутся ему наиболее разумными.

В конце урока мы написали на доске свод правил, которым решили следовать.

1. *Никаких оскорблений.*
2. *Никаких ругательств.*
3. *Не разговаривать на уроке с теми, кто к тебе не обращается.*
4. *Никаких ударов и толчков.*
5. *Следовать собственным решениям!!!*

Вот к каким результатам привела наша дискуссия:

- Луис, который вечно вступал в драки, несколько раз за неделю выходил из класса. Он стоял в дверях, чтобы ничего не пропустить. Через некоторое время он возвращался и садился на свое место, включаясь в работу класса.

- Каждые несколько минут кто-то из учеников вставал, говорил: «Карлос, поменяйся со мной!» и менялся с ним местами. (Карлос не имел ничего против.)

- Когда кто-то из учеников кого-нибудь оскорблял, все кричали: «Правило номер один!» или «Правило номер два!» Ученики требовали: «Заставьте его прочитать правило!» Тогда провинившийся действительно читал правило вслух.

- Ученики решили, что не должны оскорблять даже мусорную корзину! (Как-то Даррен споткнулся о корзину и выругался: «Мать твою!» Луис подумал, что это относится к нему и начал драку. Поэтому ученики включили дополнительное правило, которое запрещало сквернословить даже по отношению к неодушевленным предметам).

Хотелось бы мне сказать, что использование этого приема стало для меня самым естественным делом. Но это не так. Пришлось много думать, прикладывать усилия. Я потратила на это гораздо больше времени, чем мне хотелось бы. Было гораздо проще записать своих учеников в «неисправимые» или «безнадежные». Но я отнеслась к ним как к ответственным людям, способным решить возникшие проблемы. И они такими стали!

Глава 5

Похвала, которая не унижает; критика, которая не ранит

– Садитесь, пожалуйста! Нам нужно многое обсудить.

Я нервно устроилась на стуле возле стола директора.

– Мисс Ландер, вы знаете, что первые три года работы – испытательный срок.

Мое сердце забилося сильнее. «Испытательный срок» – ну прямо как у преступников!

– Каждый год в течение этих трех лет вы будете получать не менее трех оценок. Закончился первый год вашей работы. Я хочу сказать, что вы обладаете огромным потенциалом... но должны постараться, чтобы заслужить повышение. Пора учиться на собственных ошибках. Давайте проанализируем урок, который вы дали в понедельник, чтобы выявить ваши ошибки.

Потянувшись к полке, директор достал большой конверт, на котором красовалась четкая надпись: «Испытательный срок». Директор откинулся на спинку кресла, поправил очки на носу и стал рассматривать заметки, сделанные во время урока.

– Так, давайте посмотрим... Я считаю, что главная цель урока – научить детей писать письма. Я прав?

– Да, мистер Стил! (А что еще я могла сказать?)

– Вы сообщили ученикам, что у вас есть список адресов знаменитостей и что они могут написать письмо любому из них по собственному выбору. Это была ваша первая ошибка. Как только вы сказали детям о возможности написать знаменитому человеку, они перестали слушать вас и начали болтать друг с другом. Вы потеряли их. Вместо того чтобы сосредоточиться на правилах письма, они стали обсуждать, кому бы написать письмо. В будущем я предлагаю вам придерживаться программы. Если вы будете следовать правилам, ваши ученики будут лучше подготовлены к написанию весенней контрольной работы. Работая в нашей школе, вы должны научить детей писать письма, как это требуется по программе.

Я попыталась оправдаться:

– Я думала, что если детям будет интереснее писать письма...

– Мы с вами переходим ко второму моменту. Детский энтузиазм проявлялся неподобающим способом. За время получасового урока я заметил три записки, дети шумели, двигали стулья и столы, а один ученик даже поднялся со своего места, чтобы поговорить с одноклассником. Вы заметили, что происходило на задних партах?

– Да, но... Но дети просто были возбуждены, мистер Стил.

Директор наклонился ко мне:

– Мисс Ландер, у нас есть определенные стандарты поведения в классе. Вы даже не понимаете, как быстро нарастают проблемы. Ученики в таком возрасте легко возбудимы. Если не держать их в ежовых рукавицах, ситуация выйдет из-под контроля. Даже если признать, что идея писем к знаменитостям неплоха... Я предлагаю вам сосредоточиться на теме урока, то есть на правильном способе написания писем, и не уделять времени обсуждению тех известных людей, которыми восхищаются ваши ученики.

По громкой связи раздался голос секретаря:

– Мистер Стил, на первой линии заведующий учебной частью. Вы возьмете трубку или ему перезвонить позже?

Мистер Стил посмотрел на часы.

– Я отвечаю, – сказал он и перелистал свои заметки. – Что ж... У меня есть еще несколько вопросов, но вам уже есть над чем подумать. Предлагаю вам сходить на урок миссис Хар-

динг. Она – прекрасный учитель. В ее классе слышно, как муха пролетит. Давайте встретимся еще раз завтра, чтобы обсудить все, что у нас осталось.

Я вошла в свой пустой класс и закрыла за собой дверь. На столе громоздились тетради и бумаги. Я чуть не плакала. Неужели ему ничего не понравилось? Да, дети шумели, но мне больше нравится, когда они ведут себя естественно, чем когда замирают, словно впад в кому. Я хотела, чтобы им было интересно писать письмо, чтобы они выбрали знаменитого человека, музыканта или сенатора. Разве то, о чем они писали, менее важно, чем то, как они это делали? Я снова посмотрела на груды писем, лежавших на столе в ожидании моей оценки. Мне не хотелось проверять работы. Не хотелось учить. Не хотелось снова переступить порог класса.

Кто-то постучал в дверь. Мария принесла папку с детскими рисунками.

– Прости, что я тебя беспокою, – жизнерадостно сказала она, – ты не дашь мне степлер?

– Конечно.

– С тобой все в порядке? – спросила Мария, глядя на меня.

– Просто тяжелый день, – ответила я. – Не знаю... Начинаю думать, не стоит ли мне заняться бизнесом вместо преподавания...

– Как ты можешь это говорить? Ты – прекрасный учитель! Лучший! Я считаю тебя замечательным педагогом!

Я посмотрела на улыбающуюся Марию, но не смогла улыбнуться ей в ответ. Я лишь пробормотала: «Спасибо» и протянула ей степлер.

Как только Мария ушла, пришла Джейн.

– Похоже, у тебя выдался нелегкий день, – заметила она.

Я велела себе держаться «профессионально» и не обременять Джейн своими проблемами. Но стоило мне взглянуть на нее, и я выложила ей всю историю.

Джейн выслушала и покачала головой.

– Ты представляешь, – сообщила я, еле сдерживая слезы, – он сказал, что я слишком возбуждаюсь, что я не могу контролировать учеников и что мне нужно сходить на урок миссис Хардинг, чтобы посмотреть на *хорошего* учителя.

– Миссис Хардинг? – недоверчиво переспросила Джейн.

– Он сказал, что в ее классе слышно, как муха пролетит...

– Потому что все дети спят!

– Джейн, – разозлилась я. – Не шути! Он довел меня до слез!

– Я знаю... знаю... Меня просто злит то, что ты испытала на себе извращенную идею Стила о «конструктивной критике».

– Здесь только что была Мария, – хлюпнула я носом. – Она такая милая. Она пыталась меня утешить. Сказала, что я – хороший учитель.

– Но ты ей не поверила...

– Я хотела. Но, когда она говорила это, я думала лишь о тех моментах, когда не была хорошим учителем.

– Так и должно быть, – вздохнула Джейн. – Критика может убить человека. А когда слышишь, что ты «чудесная, замечательная, превосходная», сразу же думаешь, что это слишком много.

– Знаю. Я хотела сказать Марии, что она ошибается насчет меня.

– Потому что очень трудно принять столь преувеличенную похвалу. Ты никогда не замечала, какой дискомфорт ощущаешь, когда тебя кто-то оценивает? Когда мне говорят, что я «чудесная», «красивая» или «умная», я начинаю вспоминать те моменты, когда была совсем не такой или делала какие-нибудь глупости.

– Со мной было то же самое! Чем больше Мария твердила, что я – лучшая, тем сильнее мне вспоминался понедельник, когда я пришла в школу уставшей и неподготовленной и безумно боялась, что директор школы может прийти ко мне на урок.

Джейн громко рассмеялась:

– Она хотела как лучше. Люди всегда хотят сделать приятное, когда хвалят кого-то. Они просто не умеют делать это правильно.

– А этому нужно учиться?

– Вместо того чтобы оценивать действия другого человека, ты должна описать его или его поступки.

– Описать?

– Именно! Ты должна описать – детально описать – все то, что он сделал.

– Я тебя не понимаю. Приведи пример.

Джейн задумчиво на меня посмотрела.

– Хорошо, – сказала она. – Лиз, ты должна научить своих учеников писать деловые письма. Провести стандартный урок тебе будет легко. Но ты знаешь, что увлечь детей заголовками, приветствиями и прощаниями нелегко. Ты подумала над темой урока и нашла мотивацию, которая пробудила воображение твоих учеников. Теперь они могут писать письма заинтересованно, осмысленно и в правильной форме.

Я выпрямилась.

– Именно это я и сделала! – воскликнула я. – Урок мог быть очень скучным. Но я сумела заинтересовать детей. И они научились писать деловые письма... Знаешь что? Мне нет дела до того, что говорят другие. Это был очень хороший урок!

– Ага! – рассмеялась Джейн. – Видишь, что случилось! Я просто описала все, что ты сделала, и, признав справедливость моих слов, ты поверила в себя.

Вошла Мария. Она принесла степлер и извинилась за то, что перебила нас.

– Мария, – сказала я, – не уходи. Ты должна послушать то, что мне рассказала о похвалах Джейн. Я хочу знать, что ты об этом думаешь. Джейн, пожалуйста, расскажи нам все еще раз.

Джейн не возражала. Она объяснила Марии, что детям сложно принять похвалу в форме оценки.

– Сказав ребенку: «Ты очень собранный человек», ты заставляешь его подумать: «Это не совсем так...» Но существуют и такие похвалы, которые ребенку легко принять и которые повышают его самооценку. Такая похвала состоит из двух частей. Сначала взрослый описывает то, что ребенок сделал. («Вижу, ты отлично подготовился к завтрашним занятиям. Ты выполнил все домашние задания, заточил карандаши, собрал учебники и даже приготовил себе завтрак».) А потом ребенок, услышав перечисление своих достижений, хвалит себя сам, понимая, что похвала вполне заслуженна. («Я умею вовремя собираться и все планировать заранее».)

Мария удивилась.

– Не понимаю, – сказала она. – Ты хочешь сказать, что меня воспитывали плохо и неправильно. Мои родители считали, что не должны хвалить детей, чтобы те не зазнались. Я же думала, что детей нужно хвалить. Похвала помогает им гордиться собой. Я всегда говорю Марко и Ане Рут, какие они хорошие и умные дети.

– Значит, ты хотела дать своим детям то, чего не имела сама, – мягко сказала Джейн.

Мария закрыла глаза и кивнула.

– Но, может быть, я перебарщиваю. Когда я говорю Марко, что он очень умный, он всегда отвечает: «Рафаэль умнее меня». Когда я говорю Ане Рут, что она отлично играет на скрипке, она всегда обрывает меня: «Мама, прекрати мне льстить».

– Именно это я и пытаюсь тебе объяснить, – сказала Джейн. – Дети не любят похвалы, связанные с оценками. Они сразу же отвергают их. Иногда они даже сознательно начинают вести себя плохо, чтобы доказать, что взрослые ошибались.

Мария недоверчиво посмотрела на Джейн.

– Слушай, а ты права! – воскликнула она. – Теперь я понимаю, что произошло в классе мистера Петерсена, которому я вчера помогала.

– Что ты хочешь сказать? – спросила я.

– Тот мальчик, Брайан, который вечно выводит учителей из себя, наконец-то уселся на свое место и выполнил задание. Тогда я потрепала его по плечу и сказала, что он молодец. Я думала, что похвала заставит его вести себя еще лучше, но получилось наоборот. Он сощурился, высунул язык и свалился со стула. Я не могла понять, что с ним происходит.

Я была озадачена.

– И что же ты сделала? – спросила я.

– Ну, все получилось в точности так, как говорила Джейн. Он сразу же решил доказать, что мой комплимент для него ничто. Я заставила его нервничать. Ему не хотелось соответствовать моим ожиданиям. Брайан сразу решил доказать мне, что он вовсе не хороший.

– Но он же был хорошим, – возразила я. – Хотя бы на мгновение...

– Мария должна была описать это мгновение, – пояснила Джейн.

– Да, – согласилась Мария. – Может быть, мне нужно было сказать...

И у нас началась долгая, оживленная дискуссия. Описать достижения ребенка, не оценивая их простыми «хорошо» или «отлично», оказалось сложнее, чем мы думали. Но не потому, что описывать вообще трудно, а потому, что мы к этому не привыкли. Однако стоило нам потренироваться в наблюдении за детским поведением и в последующем описании его словами, этот прием стал нам даже нравиться. Вот наши примеры того, как родители и учителя могут использовать описательную похвалу.

Описательная похвала дома

ВМЕСТО ОЦЕНКИ...

ОПИШИТЕ

ВМЕСТО ОЦЕНКИ...

ОПИШИТЕ

ВМЕСТО ОЦЕНКИ...

ОПИШИТЕ

Описательная похвала в классе

ВМЕСТО ОЦЕНКИ...

ОПИШИТЕ

ВМЕСТО ОЦЕНКИ...

ОПИШИТЕ

ВМЕСТО ОЦЕНКИ...

ОПИШИТЕ

Изучая составленные нами примеры, мы делились друг с другом новыми идеями.

Я: Описательная похвала работает, правда? Если нужно рассказать ребенку о его действиях, нужно быть внимательным. Гораздо проще сказать: «Как хорошо!» или «Отлично!». Не нужно думать, за что ты хвалишь ребенка!

Джейн: Да, это так. Описательная похвала – дело более трудное и требующее времени. Но зато какое благотворное действие она оказывает на детей!

Мария: Я понимаю, что вы хотите сказать, но если ребенка постоянно критикуют и никогда не хвалят, то не лучше ли для него будет услышать «Ты хороший мальчик», чем не услышать ничего?

Джейн: Если ребенок голодает, то будет рад даже сухой корочке. Но зачем ограничиваться малым? Мы хотим дать нашим детям эмоциональную поддержку, которая поможет им стать независимыми, творчески мыслящими людьми с активной жизненной позицией. Если с нашей подачи они будут постоянно ждать одобрения со стороны других людей, то чему мы их научим?

Я: Нельзя доверять себе. Всегда нужно чье-то мнение, чтобы понять, правильно ли ты поступаешь.

Мария: Не самый лучший урок, правда?

Джейн: Да, потому что мы хотим, чтобы наши дети доверяли собственному мнению, обладали уверенностью в себе и могли понять, удовлетворены ли они собственными словами и поступками. А потом исправляли ситуацию, опираясь на собственные оценки.

Тем вечером я с нетерпением ждала момента, когда смогу проверить письма, написанные моими учениками. В первом же письме меня ждал приятный сюрприз. Вместо того чтобы написать: «Очень хорошо!», я написала: «Было интересно читать твое письмо. Четкие и ясные предложения. Прекрасный рассказ о том, как Майкл Джордан повлиял на твою жизнь». Не разочаровало меня и второе письмо. Я написала: «Вдумчивый анализ проблемы бездомных. Полагаю, президент сочтет твои предложения очень интересными».

Меня переполняла гордость за достижения моих учеников. А ведь это именно я вдохновила их на эти письма! (Вы не правы, мистер Стил!) Следующее письмо выглядело так, словно его писал первоклассник. Мелисса написала Барбаре Стрейзанд всего полстранички. Я взяла красный карандаш и написала: «Плохая работа. Нет адреса. Где дата? Много ошибок. Не раскрыта тема».

Я посмотрела на свои раздраженные пометки красным карандашом и подумала: «Разве я могу отдать это Мелиссе?» Ведь мистер Стил критиковал меня точно так же... Я остановилась. Нетрудно хвалить то, что тебе нравится. Но как критиковать то, что не нравится? Как указать на ошибки и недостатки, не огорчив того, кого критикуешь? Как мистер Стил мог высказать свое неудовольствие, не лишив меня желания работать дальше?

Я выглянула из окна. Может быть, если бы он оценил мои достижения (пусть даже и мизерные), я бы выслушала его замечания и не так сильно расстроилась. Если бы он сказал: «Лиз, вы добились своей цели. Вы заставили детей захотеть научиться писать письма. Единственное, что вам не удалось, это организовать работу так, чтобы детский энтузиазм не нарушал порядка в классе». Если бы он сказал нечто подобное, я бы обязательно прислушалась. Более того, я серьезно задумалась бы над тем, как в будущем сделать своих учеников более организованными.

Может быть, в этом и кроется ключ к тому, чтобы дети захотели стать лучше? Не концентрируйтесь на ошибках и недостатках, а сначала похвалите школьника за его достижения. А потом укажите на необходимые исправления.

Ну хорошо, что же написать на письме Мелиссы? У нее вообще нет никаких достижений. Или есть? Я внимательно перечитала письмо и обнаружила их!

Я взяла ластик и стерла все написанное. А потом аккуратно написала новые замечания: «Мне нравится эта строчка: «Вы – самая любимая из моих любимых актеров». Думаю, мисс Стрейзанд это тоже понравится. Думаю, ей будет приятно узнать, чем именно она тебя восхищает. Проверь свое письмо, чтобы все подчеркнутые слова были написаны правильно, вставь дату и адрес. Надеюсь скоро увидеть твое новое письмо».

Я поняла очень важный принцип. Да, всем нас, и учителям, и ученикам, и родителям, полезна точка зрения другого человека, который объективно может сказать нам, что нужно изменить и исправить. Но прежде чем приступать к переменам, нужно понять, что в нас больше хорошего, чем плохого, правильного, чем ошибочного, и мы в состоянии исправить все свои ошибки. Чтобы лучше представить, как эта теория будет работать в разных ситуациях, я придумала два примера, которые могли бы произойти дома и в школе.

Альтернатива критике

ДОМА

ВМЕСТО ТОГО ЧТОБЫ УКАЗЫВАТЬ
НА ОШИБКИ...

ОПИШИТЕ ВСЕ «ПРАВИЛЬНОЕ» И СКАЖИТЕ,
ЧТО ЕЩЕ НУЖНО СДЕЛАТЬ

В ШКОЛЕ

ВМЕСТО ТОГО ЧТОБЫ УКАЗЫВАТЬ
НА ОШИБКИ...

ОПИШИТЕ ВСЕ «ПРАВИЛЬНОЕ»
И СКАЖИТЕ, ЧТО ЕЩЕ НУЖНО СДЕЛАТЬ

Несколько следующих недель я много думала о похвале и критике. «Конструктивная критика» мистера Стила вывела меня из душевного равновесия и причинила боль. Чрезмерная похвала Марии не убедила меня в моих достоинствах и не порадовала. Но, когда Джейн перечислила все, чего я пыталась достичь, я собралась, снова поверила в себя и решила в будущем добиться еще больших успехов.

Какой простой и в то же время удивительный процесс! Полагаю, Джейн сделала для меня то, что мы все должны делать друг для друга в сложных жизненных ситуациях.

- Учителей нужно поощрять за то, что они пытаются понять и удовлетворить потребности своих учеников.
- Родителей нужно поощрять за то, что они каждый день ведут очень сложную работу по воспитанию детей.
- Детей нужно поощрять за то, что они пытаются понять мир вокруг себя и найти свое место в нем.

В моей идеальной вселенной все люди стараются помочь друг другу и отметить достижения друг друга. В такой ситуации каждый человек чувствует себя оцененным по достоинству.

Памятка

ВДОХНОВЛЯЮЩАЯ ПОХВАЛА / КОНСТРУКТИВНЫЕ РЕАКЦИИ ДОМА И В ШКОЛЕ

Ребенок: Я написал стихотворение о поезде. Вам нравится?

Взрослый: Отлично! Ты – настоящий поэт!

Вместо того чтобы оценивать, вы можете:

1. Описать то, что слышали или увидели.

«Тебе удалось передать стук колес поезда. Ты нашел хорошие рифмы...»

2. Описать свои чувства.

«Мне показалось, что я действительно сижу в вагоне поезда, который несется по равнине».

* * *

Взрослый: Посмотри только, сколько ошибок ты сделал! Ты можешь работать лучше!

Вместо того чтобы критиковать, вы можете:

3. Указать на то, что еще нужно сделать.

«Достаточно исправить орфографические ошибки в паре слов, и твоё стихотворение можно печатать в журнале!»

Вопросы и истории родителей и учителей

Вопросы родителей

1. Мой сын – прекрасный ребенок, и я часто хвалю его. Но вчера он сказал мне: «Мама, ты уделяешь мне слишком много внимания». Разве бывает слишком много похвалы?

Реакция вашего сына совершенно нормальна. Большинство детей не любит слышать замечания, связанные с их поведением, даже если эти замечания хвалебные. Им кажется, что они постоянно находятся под наблюдением. Другие дети реагируют на подобное внимание по-другому. Они настолько привыкают к хвалебным замечаниям по поводу их поступков, что без похвалы просто теряются и лишаются уверенности в себе.

А есть и такие дети, которые воспринимают постоянные похвалы как завуалированный приказ действовать в соответствии со стандартами и пожеланиями родителей. Такие дети часто думают: «Я должен перестать думать о собственных пожеланиях. Мне нужно мыслить и действовать так, как хотят они. Я не могу руководствоваться собственным мнением. Лучше положиться на родителей».

2. Моя дочь делала диораму для урока истории и спросила, что я думаю о ее работе. Я сказала, что, по моему мнению, учитель поставит ей пятерку. Правильно ли я поступила?

Когда возникает выбор между привлечением внимания ребенка к вашему одобрению или к ее работе, всегда выбирайте работу. Вы можете сказать дочери: «Ты взяла старую картонную коробку и умело превратила ее в кухню колонистов. У тебя есть и прялка, и очаг... Как тебе удалось сделать такую чудесную колыбельку?» Самый важный урок ребенок получает, когда с головой уходит в свою работу и перестает думать о том, что скажут о его работе другие.

3. Мой сын наконец-то превратился в отличника. Я сказал ему, что горжусь им. Правильно ли я поступил?

Когда вы не уверены в том, полезна ваша похвала или нет, задайте себе простой вопрос: «Не начнет ли ребенок после моих слов полностью зависеть от моего одобрения? Или мои слова помогут ему лучше понять свои способности и собственные достижения?» Сравните следующие замечания.

Похвала, которая создает зависимость от чужого одобрения	Похвала, которая помогает ребенку осознать собственные способности и достижения
«Отличные оценки. Я так горжусь тобой!»	«Похоже, ты настойчиво и упорно трудился в этой четверти. Ты можешь гордиться собой!»
«Делаешь домашнее задание? Молодец!»	«Требуется большое упорство, чтобы сесть за домашнее задание, когда ты так устала!»
«Ты — очень щедрый человек!»	«Увидев, что Эллиот забыл дома бутерброды, ты поделился с ним своими!»

Обратите внимание на то, что замечания из первой колонки демонстрируют контроль со стороны родителей. Это они могут или похвалить ребенка, или воздержаться от похвалы. Замечания из второй колонки подчеркивают способности самого ребенка, который может сам похвалить себя.

4. Разве вы никогда не говорите детям, что они «честные», «умные», «хорошие»?

Любое одобрение хорошо к месту. Но если вы хотите, чтобы ваши слова нашли отклик в душе ребенка и произвели впечатление, постарайтесь предварить их описанием. Вот несколько примеров.

Ты знал, что я буду беспокоиться, придя с работы и не застав тебя дома, поэтому оставил мне записку с телефоном друга, по которому я могла тебя найти. Такое поведение вполне можно назвать ответственным.

Ты рассказал мне о том, что произошло в школе, хотя знал, что я могу рассердиться. Ценю твою честность.

Какой замечательный коллаж! Ты использовала нитки, клей, пуговицы и туалетную бумагу, а получилось настоящее произведение искусства! Ты – хороший художник!

В каждом случае вы указали причину похвалы. Ребенок понимает, что заставило вас похвалить его, и не чувствует себя обязанным постоянно соответствовать вашим ожиданиям.

5. У меня две дочери. Младшая – круглая отличница, а у старшей случаются четверки и тройки. Когда они показывают мне дневники одновременно, я стараюсь не хвалить младшую, чтобы не расстраивать старшую. Правильно ли я поступаю?

Ваша реакция на достижения младшей дочери не должна зависеть от достижений или их отсутствия у старшей. Каждого ребенка нужно хвалить за его личные достижения. Младшая дочь должна слышать ваши похвалы, чтобы ощутить гордость за свои достижения и порадоваться тому, что мать ценит ее успехи. Девочки должны показывать вам дневники по отдельности, чтобы иметь возможность высказать свои чувства, свою удовлетворенность или неудовлетворенность результатами, получить поддержку своим усилиям. Но девочки не должны лишаться чего-либо из-за успехов или неудач друг друга.

Родительские истории

Эту историю нам рассказала женщина, которая поняла, что оценочная похвала подавляет в ребенке творческое начало, а похвала описательная подталкивает к новым успехам.

Когда моя дочь Джейми была в детском саду, она могла принять участие в художественном конкурсе. Ей не очень хотелось, но я заставила ее. Наверное, я сделала это, потому что сама художница. Пока она рисовала, я сидела рядом и твердила: «Вот! Хорошо!.. Мне нравится этот цвет!.. А как нарисовать ноги?.. Они не должны быть чуть больше? Вот так! Стоп!.. Идеально!»

Через несколько секунд Джейми спросила: «Мама, а почему картинка должна быть идеальной?» Потом она отложила карандаш и отказалась рисовать дальше. Сначала я разозлилась. А потом поняла, что говорила слишком много. В следующий раз, когда Джейми принесла рисунок из школы, я не стала делать замечаний. Но мне казалось, что она хочет услышать мою оценку, потому что повесила рисунок прямо на кухне, где я всегда его видела. Она нарисовала тигра, и рисунок был очень хорошим. Немного исправлений, и он стал бы просто идеальным! Но я держала себя в руках. Я посмотрела на рисунок и заметила: «Вижу, что ты нарисовала улыбающегося полосатого тигра с длинным хвостом и...» Я не успела закончить, как Джейми вырвала у меня рисунок и сказала: «Это мамочка... А теперь я буду рисовать маленького тигренка».

Обдумывая эту ситуацию, я поняла, что все мои «полезные» замечания были направлены на то, чтобы заставить дочь доставить мне удовольствие. На самом деле она должна была сама получить удовольствие от рисования. С этого момента я стараюсь не вмешиваться, когда дочка рисует. Мои замечания нужны девочке только тогда, когда она сама о них спрашивает.

* * *

А эта женщина поняла, что происходит, если ей удастся удержаться от оценок.

Я вернулась домой с психологического семинара, на котором нам рассказывали о достоинствах описательной похвалы, и увидела, что на обеденном столе лежит рисунок, сделанный моим двенадцатилетним сыном Джоном. Я сразу поняла, что он оставил его для меня. Когда я проходила мимо его комнаты, он сел на постели и спросил: «Ты видела мой рисунок?»

Обычно я отвечала: «Да, дорогой! Он очень хорош! Ты – настоящий художник!» Но после такого семинара я подумала, что настало время применить знания на практике. Поэтому я ответила: «Конечно! Как я могла не увидеть огромного динозавра, плещущегося в озере на фоне больших деревьев и валунов!»

Джон широко улыбнулся и начал рассказывать мне все, что узнал о доисторическом животном, которое якобы обитает в озере Шамплейн. Когда он говорил мне о том, что было для него важно, я почувствовала, что мы с ним стали очень близки. Такие моменты драгоценны для любой матери. Подумать только, этого не случилось бы, если бы я сказала что-нибудь другое! Я была счастлива!

* * *

А вот что рассказала нам одна работающая женщина, которая с легкостью могла бы отругать детей, но вместо этого сумела похвалить их.

С того времени, как я вернулась на работу, у меня стали возникать проблемы с детьми. Я возвращалась поздно, и трое моих детей часто бродили вокруг закрытого дома. Наконец я решила спрятать запасной ключ в саду и объяснить детям, что пользоваться им можно только в экстренном случае, а воспользовавшись, сразу же убирать на прежнее место.

Решение оказалось замечательным, потому что хотя бы раз в неделю мне приходилось задерживаться на работе. Но однажды я пришла домой поздно и увидела, что дети сидят за обеденным столом в кухне, а на полу валяется ключ.

– Что наш ключ делает на полу? – удивилась я.

– Ой, – спохватился мой сын Никки. – Я забыл положить его на место.

Я видела, что он расстроен, поэтому сказала, что, как мне кажется, все в порядке.

Дети удивленно посмотрели на меня.

– Вы понимаете, как ответственно вы относитесь к этому ключу? – спросила я. – Вы пользуетесь им больше года, и это единственный раз, когда кто-то из вас забыл положить его на место. Думаю, это рекорд, которым можно гордиться!

Дети были поражены. Потом Никки вскочил из-за стола и сказал:

– Я отнесу его на место прямо сейчас.

Больше мне не приходилось напоминать им о ключе.

* * *

А вот как сын рассказал матери о самом страшном своем «грехе», а она нашла способ показать ему, что все не так плохо.

Пол учился неважно. Он все делал очень быстро, лишь бы отделаться. Однажды после школы он пришел домой и просто остановился посреди кухни. Мне достаточно было взглянуть на него, чтобы понять: что-то случилось.

– Что произошло? – спросила я.

– Я врезался в дверь гаража, – ответил Пол.

– Нарочно? – переспросила я.

– Я провалил экзамен по алгебре! – взорвался Пол. – И я устал! Я постоянно учусь. Я стараюсь. И я провалил этот экзамен!

Он был так расстроен, что я решила забыть о двери гаража. Мне было ужасно жалко сына. Мы постоянно пилили его, чтобы он занимался, учился. И вот, когда он приложил усилия, это ни к чему не привело. Он старался изо всех сил, но потерпел неудачу.

– Разве ты не собираешься меня ругать? – спросил Пол.

Я не знала, что ответить. Понимала только, что нужно изо всех сил держать себя в руках, чтобы не сорваться. Я спросила:

– Ты принес экзаменационные задания домой?

Пол открыл рюкзак и швырнул тетрадь на стол. Оценка действительно была невысокой. Я пролиستала тетрадь, постаравшись понять, что было неправильно, а потом сказала:

– Пол, я понимаю, насколько ты расстроен. Но мне нужно, чтобы ты все объяснил. Вот первый пример, ты решил его правильно. Как ты нашел ответ?

Пол пустился в долгие, сложные объяснения – что-то о превращении полинома в бинوم. Я пыталась понять, но не смогла. Когда он закончил, я сказала:

– Значит, теорию ты знаешь, хотя мне это совершенно недоступно. Судя по этому, ты должен был понимать и остальные пять примеров, потому что решил их правильно. Что же не получилось с последними четырьмя?

Пол взял в руки тетрадь и сказал:

– Вот в этих двух я умножил там, где нужно было разделить, а здесь сделал дурацкие ошибки в сложении.

– Значит, ты хочешь сказать, – медленно произнесла я, – что ты все прекрасно понимаешь и все же сделал четыре глупые ошибки, которые стоили тебе хорошей оценки. Отсюда я могу сделать вывод о том, что ты способен справиться со сложными математическими заданиями, но тебе нужно проверять вычисления, прежде чем переносить их в экзаменационный лист.

Напряженность исчезла с лица Пола буквально на глазах. Когда он вышел из кухни, я вздохнула с облегчением. Мне показалось, что я сама сдала сложный экзамен.

Через десять минут Пол вернулся.

– Не волнуйся о гараже, ма, – сказал он. – Я постучал по двери молотком и выпрямил ее.

– Спасибо, сынок, – ответила я.

Вопросы учителей

1. В моем классе учится замечательная девочка Джессика. Я разрываюсь между желанием постоянно хвалить ее и беспокойством, как бы другие дети не начали ревновать меня к ней и считать ее любимицей. Что мне делать?

Доверьтесь своему беспокойству. Вы окажете Джессике плохую услугу, если будете постоянно подчеркивать ее «выдающиеся» способности. Для нее и остальных учеников будет лучше, если вы найдете возможность выразить свое восхищение всем классом: «Как хорошо вы работаете в команде! Вы так тщательно убрали в классе после урока физики, что никто не догадается, какие опыты мы тут ставили!»

Когда вам особенно нравится то, что сделала Джессика, можете описать ее поступок: «Я вижу, что ты сложила все эти цифры и получила правильный ответ. Это потому, что ты аккуратно написала цифры друг под другом». Такое объективное замечание будет понятно и полезно другим ученикам. Эмоциональные похвалы в адрес девочки оставьте до того времени, когда будете с ней наедине. Тогда вы сможете объяснить ей, как вам нравится ее поведение в классе и как высоко вы оцениваете ее способности.

2. Есть ли какие-нибудь убедительные причины для того, чтобы не хвалить ученика, написавшего лучшее сочинение в классе или получившего лучшую оценку за контрольную работу по математике?

В определении самого умного, быстрого и яркого ученика присутствуют две проблемы. Во-первых, подобной оценкой вы мгновенно лишаете остальных учеников желания учиться. Кто-то может вообще перестать стараться. А тому, кто удостоился похвалы, придется прикладывать усилия не к достижению собственной цели, а к необходимости соответствовать новому положению. Его успех будет опираться на неудачи одноклассников. Для вашего ученика гораздо полезнее услышать описание своих достижений без какого-либо сравнения с работами сверстников: «Ты так подробно описал ферму бабушки, что я почти ее увидела» или «Ты все примеры решил правильно. Ты хорошо понял эту тему». Подобные похвалы помогают ученику оценивать себя по собственным стандартам и не сравнивать себя с одноклассниками.

3. В школе, где я работала, было принято, чтобы дети перед уроком вслух произносили фразы типа «Я – особенный», «Я – замечательный», «Я – способный». За разные заслуги учителя раздавали детям золотые звезды и стикеры с улыбающимися рожицами. Считаете ли вы, что подобные методы способствуют повышению самооценки?

Самооценка не может быть повышена извне. Похвалы, звезды и стикеры, о которых вы пишете, могут оказать единовременное воздействие, но их ценность быстро исчезает, когда ребенок понимает, что на самом деле он вовсе не особенный, не замечательный и не способный. С другой стороны, когда вы описываете словами поступок или действие ребенка, впечатление от ваших слов остается навсегда и может быть при необходимости вызвано в любой момент. Например, если ученик волнуется, сможет ли он написать реферат о китах, ему бесполезно твердить себе: «Я – особенный» или смотреть на коллекцию золотых звездочек. Но если его последний реферат о секвойях заслужил такую оценку учителя: «Много интересной информации. Из твоего реферата я узнала много нового об этих гигантских деревьях», то ученик может сказать себе: «Я уже делал это раньше и смогу справиться с подобной задачей сейчас».

4. Вы считаете, что учитель должен сразу же хвалить любое сделанное ребенком усилие. Предположим, ученик задает вопрос, который демонстрирует полнейшее невежество. Разве не нужно в такой момент сказать ему, что он ошибается, и дать верный ответ?

Задача учителя – не в выдаче «верных» ответов. Мы должны помочь детям найти верные ответы путем мыслительного процесса. Для начала можно с уважением спросить у ученика, какими соображениями продиктован его вопрос, и подвести его к более высокому уровню понимания с помощью дополнительных вопросов.

Учитель младших классов написала нам о том, как читала своим ученикам историю о пасечнике. Руку подняла Шарлен.

– А пчелы – это птицы? – спросила она.

Ученики сразу загалдели. Несколько человек подняли руки, чтобы ответить на этот вопрос.

– Подождите минутку, – сказала учительница. – Шарлей, какой интересный вопрос! А почему ты думаешь, что пчелы – это птицы?

– У них есть крылья, – торжественно ответила девочка.

– А есть ли у них еще что-нибудь общее?

– Они летают.

– Ты заметила два сходных признака. Ребята, а есть ли что-нибудь, что отличает пчел от птиц?

– У птиц есть перья!

– Птицы больше!

– Птицы не кусаются!

Неожиданно лицо Шарлей озарилось.

– Я знаю, я знаю! – выкрикнула она. – Пчелы – это насекомые!

Все радостно закивали, а учительница написала на доске: «Пчелы – это насекомые».

Учительские истории

Учитель начальной школы написала нам о том, что ее ученики лучше всего реагируют на похвалы и критику, когда она подробно описывает их действия. Вот несколько выдержек из ее письма:

Девочке, которая быстро написала контрольную работу по математике, я сказала: «Ты решила все примеры так же быстро, как мышка съедает сыр».

Мальчику, сочинение которого было трудно прочитать, потому что все слова налезали друг на друга, я сказала: «Дорогой, эти несчастные слова сгрудились в кучу. Им так неудобно! А посмотри-ка на эти два слова! Они вполне счастливы. Между ними правильное расстояние».

Ребенку, которому было трудно писать по линейке, я сказала: «Эта буква повисла в воздухе, а вот эта оказалась прямо на линейке... А у этой ножка стоит на полу, а хвостик залез в соседнюю квартиру».

Чтобы помочь всем детям справиться с заданием по чистописанию, я предложила устроить «конкурс красоты» и выбрать самую красивую букву из своей работы. Некоторые дети выбрали даже две самые красивые буквы. В таких случаях эти буквы объявлялись победительницами конкурса.

* * *

Классный руководитель пятого класса рассказала нам о том, как использовала описательную похвалу, когда ее ученики вели себя плохо.

Я видела, что ученики явно не в настроении. Целую неделю была плохая погода, и все уже устали учиться. Когда мы вернулись в класс после очередной перемены, проведенной в коридорах школы, дети продолжали играть и дурачиться. В такие минуты не думаешь о похвале. Но я осмотрелась и заметила двух учеников, которые спокойно сидели за своими партами.

Я подошла к доске и написала их имена под словом: «МОЛОДЦЫ». «Образцовым ученикам» я сказала: «Вернувшись в класс, вы сразу же сели за парты и перестали дурачиться. Вы готовы к уроку. Я ценю это». Другие дети посмотрели на меня и на два имени, написанных на доске. Несколько человек тут же уселись за парты. Я добавила их имена в список и сказала: «Спасибо». Перестали играть еще трое.

Это было замечательно! Мне не пришлось повышать голос и ругаться. Дети увидели, что от них требуется, и сделали это. Тех же, кто никак не мог успокоиться, другие ученики одергивали громким шепотом. Очень быстро все расселись по своим местам.

* * *

Последнюю историю нам рассказал учитель физкультуры, которому удалось справиться с очень трудным, враждебно настроенным учеником, не унижая его перед сверстниками.

Карлос Эрнандес не любил, когда его хвалили прилюдно. Он считал себя крутым парнем, которому нет дела до школы и до того, что думает о нем учитель. Другие ученики восхищались его независимостью. Он улыбался лишь тогда, когда его ругали за плохое поведение. В этом случае он с усмешкой смотрел на одноклассников, словно говоря: «Я им показал!»

Во время урока физкультуры самому забитому из учеников, Альберту, никак не удавалось забросить мяч в корзину. Мальчишки стали дразнить его, говоря, что он бросает мяч, «как девчонка». Кое-кто начал смеяться. Карлос посмотрел на мальчишек и покачал головой.

Капитан команды Грег очень удивился:

– Он что, нравится тебе? В чем дело?

Карлос прищурился и ответил одним только словом:

– Остынь!

И все остыли. Никто больше не сказал ни слова. Все просто бросали мячи.

Когда настало время идти в раздевалку, я очень сердито крикнул:

– Эрнандес, я хочу с тобой поговорить!

Несколько учеников столпилось возле дверей в раздевалку, чтобы увидеть, что произойдет. Я встал так, чтобы стоять лицом к Эрнандесу и спиной к остальным ученикам. Негромко, но очень сурово я сказал:

– Эрнандес, я видел, что ты сделал для Альберта. Только сильный мужчина может заступиться за того, над кем все смеются. Ты поступил правильно.

Карлос повернулся и направился к раздевалке. Мальчишки, которые ждали у дверей, смотрели на него, чтобы понять, что произошло. Карлос улыбался.

Глава 6

Как избавить ребенка от надоевшей роли

Я читала и перечитывала письмо от директора и не могла поверить собственным глазам: «С глубоким сожалением сообщаем... бюджетный дефицит... сокращение расходов... перевод в новую школу... Хэмлок». В начале лета я пыталась выбросить это письмо из памяти. Но с приближением сентября тревога моя начала нарастать. Так не хотелось снова идти в новую школу! Я старалась успокоиться. В конце концов, школа есть школа. Дети везде дети. Чем новая школа отличается от старой? Кроме того, у меня уже есть два года педагогического стажа.

В первый день работы я узнала, что была не единственной, кого сюда перевели. Заместитель директора собрал всех новичков и познакомил нас с дисциплинарными правилами, принятыми в этой школе. Главный упор он сделал на «трудных» учениках и на необходимости «проявлять жесткость». В конце собрания нам сказали, что к каждому из нас прикрепят наставника, который должен будет помочь нам освоиться с правилами. Я была рада, что у меня есть еще один день на то, чтобы подготовиться к занятиям. Мне до смерти надоели рассказы о штрафных баллах, временных исключениях и вызовах родителей в школу.

На следующее утро я пришла пораньше, чтобы все организовать. На моем столе лежал журнал с именами 28 школьников. Я изучила список и обратила внимание на то, что в классе 18 мальчиков и 10 девочек.

В класс вошла высокая седая женщина. Это была миссис Детнер, моя наставница. Выхватив у меня из рук журнал, она сказала:

– Я работаю здесь 27 лет и могу рассказать вам об этих детях абсолютно все. Я учила их всех, их братьев и сестер и даже родителей некоторых из них.

– В этой школе всегда было больше мальчиков, чем девочек?

Миссис Детнер снисходительно улыбнулась:

– Это не совсем так. Поскольку вы еще новичок, вам придется заслужить «хороших» учеников, так сказать.

Я сообщила ей, что это будет мой третий год в школе, но она оборвала меня на полуслове:

– О, бедняжка, вам досталась Мэри Энн Райан. Это настоящая заноза – абсолютно неуправляемая девчонка, которая никого не слушает.

Миссис Детнер затрясла головой и сморщилась.

– И Энджи Милано тоже в вашем классе! Да, вам не повезло... Этой девчонке ни в чем нельзя верить. Она постоянно лжет!.. Неужели они перевели в ваш класс и Джоуи Саймона?! Он очень плохо учится, интеллект на уровне трехлетнего малыша. Ничего не знает, но хлопот вам доставит немало.

Я слушала, не произнося ни слова, а моя наставница продолжала изучать классный журнал:

– И Генри Берт здесь? Это очень застенчивый, нервный мальчик, тихоня, но он не доставит вам хлопот... И Джимми Поттс тоже. Вот только он очень медлительный... А вот с Роем Шульцем вам не повезло. Рой – умный мальчик, но большой задира. Он не умеет себя контролировать. Думаю, вы сразу же услышите от него что-нибудь нецензурное... Не могу поверить, что они перевели его в класс такой милой женщины, как вы!

Она направилась к двери, бросив мне через плечо:

– Нагружайте их побольше! Если я закончу рано, возможно, мы с вами еще поговорим. А может быть, как-нибудь пообедаем вместе в этом учебном году.

Я вежливо кивнула, но как только за ней закрылась дверь, у меня страшно разболелась голова. Что за год меня ждет? Неужели эти дети действительно такие? Она говорила так, словно их характер не менялся годами. Невероятно! Неужели она не читала о том, что между характером ученика и учительскими ожиданиями существует самая прямая и непосредственная связь? Неужели она не знает, что дети способны меняться и что учитель может стать стимулом к подобным переменам?

Меня одолевали сомнения... Может быть, я слишком наивна? Может, я идеалистка? Неожиданно я вспомнила фильм, который видела несколько лет назад, еще в институте. Учительница младших классов с идеально спокойным лицом рассказала детям о том, что научные исследования доказывают, что дети с карими глазами умнее и сообразительнее голубоглазых. Весь день дети вели себя в полном соответствии с учительскими ожиданиями. Кареглазые малыши, вдохновленные полученной информацией, вели себя и учились лучше, чем раньше. А голубоглазые, даже самые умные, были так огорчены и расстроены, что не могли справиться с самыми простыми заданиями. На следующий день та же учительница с тем же выражением лица сообщила детям о том, что совершила ошибку. На самом деле умнее голубоглазые дети, а те, у кого глаза карие, заметно им уступают. И снова учительские ожидания сбылись в полной мере. Теперь уже голубоглазые малыши старались изо всех сил, а кареглазые опустили руки и терзались сомнениями.

Подобные методы показались мне весьма сомнительными, но отрицать результаты этого эксперимента было невозможно. Я навсегда запомнила, что учительские ожидания способны повлиять на самооценку ребенка и изменить ее к лучшему или худшему. Я не собиралась прислушиваться к оценкам миссис Детнер. Все дети в моем классе будут иметь «правильный» цвет глаз.

Но не опережала ли я события? Гуляя днем с собакой, я думала о Николь, яркой, энергичной девочке из моего класса в прежней школе. Я видела, как учителя, не желая ей ничего плохого, понемногу загнали девочку в определенную роль, из которой та не могла выйти.

Я слышала, как учитель физкультуры кричал: «Николь, замолчи, пожалуйста! Ты просто не способна держать рот на замке!»

Я слышала, как ворчала учительница французского: «Николь, опусти руку. Я знаю, что ты знаешь ответ. Дай еще кому-нибудь возможность ответить».

Я слышала, как говорила учительница музыки: «Николь, тебе обязательно нужно все комментировать? Мне неинтересно, какие песни мы должны петь по твоему мнению. Держи свое мнение при себе».

Я слышала, как сама говорю: «Николь, прекрати болтать, ты всем мешаешь. Как дети могут заниматься в такой обстановке?» Николь краснела от смущения и умолкала, но через несколько минут снова начинала вертеться и приставать к своим соседкам. В отчаянии я хватала ее за плечи и разворачивала к собственной парте. «Николь, – кричала я. – Прекрати! Твоя постоянная болтовня всем надоела!»

Постоянно твердя девочке, что с ней что-то не так, мы считали, что она прислушается к нашим словам и исправится. Может быть, она и слушала, но явно не исправлялась. Наоборот, мне казалось, что Николь все меньше контролирует себя. Казалось, она говорит нам всем: «Если вы меня такой видите, то такой я и буду». Похоже, что мы, ее учителя, навязывали ей роль «неугомонной болтушки».

Вернувшись домой, я попыталась взглянуть на реакцию Николь на наши слова с другой точки зрения, уже не симпатизируя девочке. Почему груз ее плохого поведения должен был лежать на плечах ее учителей? А где же ее собственная ответственность? Почему она не обращала внимания на наше недовольство и не делала над собой даже малейших усилий?

Зазвонил телефон. Я услышала мягкий голос Джейн.

– Мы так скучаем по тебе, – сказала она. – Как дела?

Я сразу же выложила ей все – о миссис Детнер, о том, что она сказала о моих будущих учениках, о своих воспоминаниях о Николь, о том, что думала о ее упрямстве.

– Надо же, – удивилась Джейн. – Не уверена, что Николь была такой уж упрямой... Ты не думала, что она ощущала свою беспомощность перед вами? Вы навязывали ей ее собственный образ. Когда ты – ребенок и все вокруг твердят о тебе одно и то же снова и снова, начинаешь верить в эти слова.

– Почему ты так уверена? – спросила я.

Повисла долгая пауза.

– Джейн, расскажи мне, – настаивала я.

– Ну... Я вспомнила себя в ее возрасте. Я была очень неуверенной девочкой, а потом меня впервые отправили в летний лагерь...

– Тебе там было плохо?

– Да нет... Первое лето было замечательным. Я подружилась с другими девочками, вожатая мне симпатизировала. Меня любили даже мальчики. Я научилась плавать, грести на каноэ. Я получила приз и вернулась домой, как никогда уверенная в себе. Это было лучшее лето в моей жизни.

– После такого чудесного лета ты стала по-другому относиться к себе...

А теперь я хочу рассказать тебе, что было дальше, – продолжала Джейн. – На следующее лето я снова приехала в тот же лагерь, но все стало иначе. Все дети в отряде были другими, у нас была новая вожатая. Девчонки сплошь были помешаны на нарядах и мальчиках. Все они решили, что я слишком «маленькая». Я изо всех сил старалась с ними подружиться, но девчонки не впускали меня в свой круг. Даже вожатая, заметив, что я во время игры не поймала мяч, стала называть меня «недотепой». К концу лета я сдалась. На финальном бейсбольном матче капитаны набирали себе команды. Меня не выбрал никто. Я сидела на скамейке и наблюдала за игрой, а потом ушла в пустую спальню. Мне нечем было заняться, и я решила постирать носки. До сих пор помню, что чувствовала, глядя в раковину на грязную мыльную воду, которая утекала в трубу. Мне казалось, что в эту трубу утекает вся моя жизнь. Я была никому не нужна. Никому не было дела, жива я или уже умерла. И я не могла ничего сделать, чтобы изменить это.

Я молчала, потому что очень сочувствовала своей подруге и не знала, что сказать. Наконец я спросила:

– Джейн, ты хочешь сказать, что преодолеть восприятие себя другими людьми практически невозможно?

– Может быть, есть такие сильные дети, которые способны в подобной обстановке сохранять самообладание и продолжать верить в себя. Я оказалась не такой...

Джейн сменила тему, но, когда наш разговор закончился, я не могла забыть о том, что она мне рассказала. Джейн всегда казалась мне сильной, уверенной в себе женщиной. Я не могла представить ее несчастной, одинокой девочкой, зависящей от того, что о ней думали другие. Потом я вспомнила детей из своего нового класса и то, что рассказала о них миссис Детнер. Я поняла, как им тяжело...

В понедельник я наконец увидела своих новых учеников. Это было облегчение и приятный сюрприз. Все дети показались мне совершенно обычными и вели себя точно так же, как любые другие дети. Однако к концу первой недели я начала думать, что миссис Детнер была не так уж не права, но гнала от себя эту ужасную мысль и старалась искать в своих учениках лучшее. Меньше всего они нуждались в очередном ярлыке.

К концу второй недели я поняла, что одних лишь добрых намерений недостаточно. Например, когда Мэри Энн Райан в очередной раз забыла линейку, я сумела сдержаться и не назвать ее «бестолковой». Но все же мысли свои контролировать мне не удавалось. Мысленно я продолжала называть ее такими обидными словами. Я слышала, как спрашиваю:

«Мэри Энн, а сегодня ты не забыла деньги на обед?.. Не забудь свой свитер, как вчера... Обязательно положи тетради в ранец, чтобы снова их не потерять».

Да, действительно, я не называла девочку бестолковой, но явно давала понять, что о ней думаю. Точно так же я поступала с остальными детьми. Я никогда не говорила, что Джоуи Саймон не умеет слушать, но сквозь сжатые зубы цедила: «Джоуи, постарайся сосредоточиться, пожалуйста». Я не называла Джимми Поттса медлительным, но частенько твердила ему: «Джимми, ну хоть на этот раз не выходи из класса последним». Я не говорила Рою Шульцу, что он страшный сквернослов, но, думаю, он прекрасно понимал мои чувства.

Я поняла, что мне нужен план. В выходные я села и составила список тех черт характера своих учеников, которые беспокоили меня больше всего. Потом я прочитала главу из книги «Как говорить так, чтобы дети слушали» о том, как освободить детей от навязанных им ролей, и переписала список, заменив слово «дети» на слово «ученики».

Как освободить учеников от навязанных ролей

- Ищите возможность сделать так, чтобы ученик увидел себя в новом свете.
- Ставьте учеников в такие ситуации, в которых они могли бы увидеть себя в новом свете.
- Ученики должны слышать от вас позитивные отзывы о них самих.
- Моделируйте желательное для себя поведение.
- Напоминайте ученикам об их прошлых достижениях.
- Высказывайте свои чувства и/или ожидания.

Вот несколько примеров, которые я придумала для своих учеников, руководствуясь этим списком.

**Ищите возможность сделать так, чтобы
ученик увидел себя в новом свете**

~~НЕУМЕНИЕ СООБЩАТЬ~~

~~МЕДЛИТЕЛЬНОСТЬ~~

~~КЛАССНЫЙ КЛОУН~~

~~ТРУС~~

**Ставьте учеников в такие ситуации, в каких
они могли бы увидеть себя в ином свете**

~~БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ~~

~~НЕВНИМАТЕЛЬНОСТЬ~~

~~ЗАСТЕНЧИВОСТЬ~~

~~СКЛОННОСТЬ К ВОРОВСТВУ~~

Ученики должны слышать позитивные отзывы о них самих

~~НЕУМЕНИЕ ВЛАДЕТЬ СОБОЙ~~

~~НЕПОНЯТИВОСТЬ~~

Моделируйте желательное поведение

~~СКВЕРНОСЛОВИЕ~~

~~ПРИВЫЧКА ОТЛАДЫВАТЬ НА ПОТОМ~~

Напоминайте ученикам об их прошлых достижениях

~~ПРИВЫЧКА ТЕРЯТЬ ВЕЩИ~~

**Что, если ученик продолжает вести себя
в соответствии со старым ярлыком?**

ВЫСКАЖИТЕ СВОИ ЧУВСТВА И/ИЛИ ОЖИДАНИЯ

~~ВЫСКОЧКА~~

~~ПУНЬЯ~~

Я была рада, что мне удалось разобраться с этими проблемами, не приклеивая к своим ученикам ярлыков. Прodelав это упражнение, я стала воспринимать их по-другому. Понемногу я научила их более позитивно воспринимать самих себя. Я замечала, что перемены происходят прямо на моих глазах.

Мэри Энн Райан не забыла принести подписанное родителями разрешение на участие в экскурсии.

Энджи Милано вернула «взятую на время» линейку Мэри Энн.

Генри Берт первым поднял руку, когда я задала вопрос!

Джоуи Саймон активно участвовал в дискуссии.

Джимми Поттс три дня подряд не опаздывал.

Рой Шульц за целую неделю не затеял ни одной драки. К всеобщему удивлению, в сложной ситуации он стукнул кулаком по столу и воскликнул: «Заткнитесь все!»

Я была крайне обрадована тем, что происходило у меня на глазах. Мне нужно было с кем-то поделиться своей радостью. Естественно, я позвонила Джейн.

– Каждый день, – с восторгом рассказывала я ей, – я вижу, как дети отказываются от прежних ролей и открывают в себе новые стороны.

Джейн была очень рада.

– Поздравляю тебя! А ты можешь поздравить меня.

– С чем?

– Поговорив с тобой в последний раз, я поняла, что навязываю роли собственным детям.

Я была поражена.

– О чем ты говоришь? Какие роли? Каким детям?

– Моим детям, Диане и Эмили. Они почти ровесницы и постоянно соперничают друг с другом. Я хотела, чтобы каждая из них чувствовала себя особенной. Поэтому я сказала Диане, что она – наш лучший художник, а Эмили, что она – наш лучший писатель. Я даже включила в эту игру маленького Джейсона, «назначив» его семейным музыкантом.

– И что же в этом плохого? – удивилась я. – Это очень позитивные роли.

– Это неважно, – ответила Джейн. – Позитивные или негативные, но роли всегда остаются ролями. Дети застревают в них и боятся пробовать что-то новое. К чему рисковать – ведь в новой роли можно не добиться такого успеха, как сестра или брат?

– Существует еще один риск, – подхватила я. – Можно добиться большего успеха и стать предметом ненависти брата или сестры.

– Точно, – сказала Джейн. – Я хочу тебе сказать, Лиз, что именно твоя решимость избавить своих учеников от стандартных ролей подтолкнула меня к тому, чтобы попробовать подобный подход дома.

А теперь посмотрите, как Джейн описала нам свой типичный разговор с Дианой, а потом попыталась освободить дочь от роли, которую сама же ей и навязала.

Навязывание ребенку роли

Освобождение ребенка от роли

Повесив трубку, я продолжала думать об этих двух сценариях. Конечно, если бы мне предстояло написать сочинение и меня мучила бы мысль о том, что в нашей семье писать умеет только моя сестра, меня вовсе не успокоили бы слова матери о том, что я отлично рисую. Наоборот, мне не захотелось бы даже приступить к сочинению. Я бы подумала: «Если моя ценность в семье определяется умением рисовать, что же будет, если кто-нибудь меня превзойдет? Что случится, если сестра нарисует прекрасный рисунок? Что тогда останется мне?»

Но когда я вспоминала второй сценарий, в котором мать была сосредоточена только на мне и объясняла мне мою собственную уникальность, чувства мои радикально менялись. Я думала: «Может быть, я и смогу написать это сочинение. Может быть, всем будет интересно узнать мои мысли по этому поводу». Неважно, умеет ли писать сочинения моя сестра или не умеет. Она может писать как угодно. А я могу быть самой собой.

Тут было о чем подумать. Я задумалась над тем, о чем никогда раньше не задумывалась. Я как учитель и Джейн как мать категорически не должны были позволять детям замыкаться в конкретных ролях. Нельзя навешивать ярлыки на детей. Каждый ребенок – существо многогранное и неповторимое. Сейчас девочка – застенчивая тихоня, а через десять минут – игривая хохотушка. Сегодня мальчик – медлительный тугодум, а на следующий день превращается в сосредоточенного и серьезного ученика. Сейчас он – упрямый непоседа, а завтра – спокойный и податливый ребенок. Дети никогда не остаются одинаковыми, они всегда развиваются и меняются.

Больше никаких ярлыков по академической успеваемости – «выше среднего», «ниже среднего», «посредственно», «блестяще». Каждый ребенок – это ученик, и каждый должен испытывать радость от интеллектуального роста и собственного развития – неважно, медленного или быстрого.

Больше я не стану выделять детей за их особые художественные или спортивные заслуги, не буду привлекать к ним внимание за счет менее одаренных одноклассников. Да, одаренные дети нуждаются в признании и поддержке, но это относится ко всем детям. Каждый ребенок должен получать удовольствие от спорта, песни, танца, театра и рисования. Невозможность стать олимпийским чемпионом, гениальным музыкантом или выдающейся актрисой не должна лишать ребенка желания заниматься.

Я решила, что никогда не буду ограничивать надежды, мечты и возможности детей, наклеивая на них ярлыки. Кто знает, кем мы могли бы стать, если бы кто-нибудь поверил в нас и подтолкнул к исследованию новых сторон самих себя.

Памятка

КАК ИЗБАВИТЬ РЕБЕНКА ОТ НАДОЕВШЕЙ РОЛИ ДОМА И В ШКОЛЕ

Взрослый: Николь, ты страшная болтушка! Ты никому не даешь и слова вставить.

Вместо того чтобы приклеивать ярлыки, вы можете...

1. Дать ребенку возможность увидеть себя с новой стороны.

«Какое самообладание! Хотя тебе есть что сказать, ты понимаешь, что другим тоже хочется высказаться!»

2. Поставить ребенка в ситуацию, в которой он увидит себя с иной стороны.

«Николь, мне бы хотелось, чтобы ты возглавила наше собрание и дала всем возможность высказаться!»

3. Дать ребенку возможность услышать, как вы позитивно его оцениваете.

«У Николь так много блестящих идей, что ей трудно удержаться. Тем не менее она старается держать себя в руках».

4. Смоделировать желательное поведение.

«О, мне очень жаль, я не хотела тебя перебивать. Пожалуйста, продолжай. Я подожду».

5. Напомнить ребенку о его прошлых достижениях.

«Я помню, как мы обсуждали смертную казнь. Ты тихо слушала, но когда выступила, то многие изменили свою точку зрения».

6. Высказать свои чувства и/или ожидания.

«Николь, когда высказаться должны многие, мне бы хотелось, чтобы ты была краткой».

Вопросы и истории родителей и учителей

Вопросы родителей

1. Когда мы подталкиваем детей к отказу от ролей – от роли «большого босса», «критика», «упрямца», «всеобщей помощницы», – то не избавляем ли их одновременно и от плохих, и от хороших качеств, связанных с этими ролями?

Когда мы помогаем ребенку перейти к иному поведению, то должны сохранить все то позитивное, что было в прошлой роли. «Большой босс» не должен терять лидерских качеств, «критика» можно похвалить за его наблюдательность, «упрямец» заслуживает уважения за настойчивость и упорство, а «всеобщая помощница» не должна забывать о своем любящем сердце.

2. Я стараюсь помочь сыну сменить роль, чтобы он перестал быть таким безответственным. Но теперь я сомневаюсь, не навязываю ли ему новую роль? Что вы думаете?

Очень важно не навязывать ребенку конкретную роль. Во фразе «Ты всегда такой ответственный» ребенок слышит угрозу. Ему кажется, что вы говорите: «Я никогда не могу на тебя положиться». Вместо этого попробуйте рассказать сыну о ситуации, в которой он проявил ответственность: «Ты сказал, что сам отдашь деньги за потерянную библиотечную книгу, и сделал это».

Тем самым вы покажете ребенку, что он может быть ответственным, если сам захочет этого.

3. Никак не могу понять, что плохого в том, чтобы сказать ребенку: «Ты всегда такой ответственный». Неужели это ему не понравится?

Говоря ребенку, что он всегда проявляет какое-либо качество, вы загоняете его в угол. Он может либо вести себя безответственно, чтобы доказать, что вы ошибаетесь, либо смириться с новой ролью вне зависимости от внешних обстоятельств или внутреннего состояния («У меня все еще болит щиколотка, но я не могу позволить, чтобы моя команда проиграла»). Мы хотим, чтобы наши дети были свободны от подобных ограничений и могли сами оценивать каждую ситуацию по мере ее возникновения и принимать решения, опираясь на собственное мнение, а не на мнение другого человека о том, как они должны вести себя всегда.

4. Можно ли что-нибудь сделать, если один ребенок навешивает ярлык на другого? Моя дочь Венди постоянно называет свою подругу Сьюзен «эгоисткой», когда та во время игры не хочет поделиться с ней игрушками.

Не стоит недооценивать степень родительского влияния на детей. Когда один ребенок навешивает ярлык на другого, вы можете вмешаться и помочь обоим увидеть друг в друге нечто хорошее: «Венди, почему бы тебе не попросить у Сьюзен то, что тебе нужно, не называя ее «эгоисткой». Уверена, если ты попросишь ее по-дружески, она поделится с тобой».

Родительские истории

Первую историю рассказала нам мать «забывчивого» ребенка.

Моя дочь Полли отличается удивительной рассеянностью. Когда ей нужно делать домашние задания, оказывается, что она забыла учебник или тетрадь или не помнит, какие упражнения нужно сделать. Даже бабушка, которая ее обожает, говорит, что Полли и голову свою забыла бы, если бы та не была накрепко приделана к ее шее.

Я уже устала проявлять терпимость, кричать, читать дочке нудные лекции об ответственности. Ничто не помогает. Муж твердит мне, что я делаю только хуже и лишая Полли уверенности в себе. На прошлой неделе мы поссорились. Я сказала: «Хорошо. Тогда занимайся дочерью сам». Он согласился.

Например, когда Полли попросила у меня три доллара на экскурсию, я не стала напоминать ей о том, что в последний раз она потеряла деньги. Я просто сказала, чтобы она обратилась к отцу. Мелочи у него не было, поэтому он дал ей пять долларов и сказал: «Ты должна принести два доллара сдачи. Найди безопасное место, где можно хранить деньги, пока ты мне их не отдашь». И она нашла! Она положила деньги в свою туфлю и отдала отцу сдачу, когда тот вернулся домой после работы.

Примерно через час Полли впала в панику, потому что не могла найти свой дневник. Муж сказал: «Когда ты успокоишься и сможешь меня выслушать, я хочу тебя кое о чем спросить». Дочь тут же спросила: «Что?»

Муж сказал: «Ты знаешь кого-нибудь из одноклассников, кто точно записал задание?»

«Синди», – ответила Полли. Она тут же побежала на кухню и позвонила подруге. Когда муж зашел к ней, чтобы пожелать спокойной ночи, он вернул ей два доллара и велел купить самый большой дневник, какой только можно купить за эти деньги. А потом он посоветовал ей написать на обложке что-нибудь такое, что напоминало бы ей о необходимости приносить его домой.

«А что именно?» – удивилась Полли.

«Умная девочка, которая смогла решить, куда положить деньги, чтобы не забыть о них, сумеет придумать что-нибудь», – ответил муж.

«Знаю! – воскликнула Полли. – Я напишу: «НЕ ЗАБУДЬ МЕНЯ, УМНАЯ ДЕВОЧКА!»

Вынуждена была признать, что мой муж избрал правильный образ действий.

* * *

Следующую историю нам рассказала мать, которая сумела защитить своих приемных дочерей от ролей, навязанных им бездумными родственниками.

Недавно я вышла замуж за мужчину, у которого две дочери-близняшки. На обеде в честь Дня благодарения я услышала, как их дядя шутливо называет одну «красоткой», а другую «умницей». Эти оценки соответствовали действительности, потому что одна была необыкновенно красива, а другая очень умна. Но, услышав это, я была в ужасе.

Я повернулась, чтобы увидеть реакцию девочек. Они совершенно не удивились. По-видимому, они не раз слышали нечто подобное. Тетя девочек постаралась сменить тему, но я была так задета, что не могла промолчать. Довольно громко я сказала: «Я знаю Джой и Эллен целый год и уверена, что они обе обладают недюжинным умом. И, на мой взгляд, они обе очень хорошенькие».

Может быть, родственникам мои слова и не понравились, но я видела, что девочки были рады их услышать.

* * *

А вот что рассказала нам женщина, входящая в состав родительского комитета школы.

Меня прикрепили к весьма неблагополучному третьему классу, где учились дети рабочих-мигрантов из очень бедных семей. В первый же день учительница отозвала меня в сторону и сказала, что мне предстоит работать с Билли и Джонатаном. Родители Билли употребляли наркотики и были склонны к насилию. Джонатан жил с бабушкой, потому что его отец сидел в тюрьме. Учительница сразу сказала, чтобы я ничего от них не ждала. «Оба любят создавать проблемы, – сказала учительница, – и не отличаются особым интеллектом. Должна признаться, что в нашей школе таких детей, – она сделала паузу и понизила голос, – называют «отбросами».

Я не могла поверить в то, что услышала. Отбросы? Человеческий мусор? И это о детях?! Терпеть это я не могла! Первое свое занятие с мальчиками я начала с твердым намерением исправить их. Мальчишки зевали мне в лицо. Билли сказал, что ночью смотрел фильм, который закончился в два часа ночи, а Джонатан заявил, что ему хочется есть. Позднее я узнала, что он не завтракал.

На следующий день я принесла бутерброды для обоих мальчиков. Они ели, а я им читала. Потом дала каждому из них по книжке с загадками и сказками и попросила прочесть что-нибудь вслух. Джонатан выбрал сказку о фермере и его свинье. Сказка была смешной, и я рассмеялась. Потом Билли спросил: «А можно мне тоже прочитать?» Он читал не очень хорошо, но было ясно, что он все понимает.

В тот день лед между нами был растоплен навсегда. Я продолжала приносить бутерброды и книжки. Мы читали вслух и решали примеры. Понемногу я стала понимать, что учительница была не права. Оба мальчика отличались достаточно высоким интеллектом. Джонатан превосходно читал, а Билли отлично управлялся с цифрами. Я никогда не упускала возможности показать им, как радуется меня их быстрый прогресс и как мне приятно работать с ними. Это были не пустые слова, я действительно полюбила этих мальчишек.

Через несколько месяцев они читали и решали примеры вполне прилично для своего возраста. В классе они вели себя совершенно нормально. Я искренне гордилась ими. Я знала, что это происходит потому, что я относилась к этим так называемым «отбросам» как к нормальным детям, то есть с уважением и вниманием.

За несколько недель до конца четверти родители Билли собрались переехать в другое место, и он был вынужден покинуть школу. В последний школьный день он был печален и молчалив. Я обещала ему, что обязательно узнаю его адрес в новой школе, и мы с Джонатаном будем писать ему. Я обняла Билли на прощание и сказала, что никогда его не забуду.

Я очень скучала по Билли, жалела, что мне удалось слишком мало с ним поработать, и гадала, как долго посеянные мной семена смогут расти в холодном, враждебном мире.

Вопросы учителей

1. В первый же день работы в школе мне велели рассказать ученикам о правилах и о последствиях их нарушений – вызове на педсовет, утрате определенных привилегий, приглашении родителей в школу, оставлении после уроков и т. д. вплоть до исключения. Теперь я думаю: а не навязывает ли подобный подход детям роль «трудных»? Не кажется ли им, что от них заранее ожидают плохого поведения? Что вы думаете об этом?

Ученики обычно стремятся превзойти или обмануть ожидания учителей. Если вы воспринимаете их как «трудных», нуждающихся в исправлении и воспитании, они обеспечат вам солидный фронт работ. Если же вы будете искать в них хорошее, то они будут стремиться укрепить вашу веру в них.

Одна учительница сообщила нам, что в начале четверти рассказала детям о своих самых интересных задумках (например, о создании радиостанции) и дала понять, что хотела бы, чтобы в их осуществлении участвовали все ученики. Затем, указывая на список на доске объявлений, она сказала: «А теперь давайте запомним несколько правил, которые помогут нам достичь своих целей. Скорее всего, вы их уже знаете».

«Таким образом, – рассказала нам наша корреспондентка, – мои ученики с самого начала поняли, что я считаю их вполне ответственными, творческими людьми, способными внести ценный вклад в учебный процесс».

2. Что можно сделать, если, несмотря на все ваши усилия, ученик никак не может избавиться от собственной роли?

Проявите настойчивость. Не считайте, что ребенок сопротивляется именно вашим усилиям. Ученик, продолжающий играть негативную роль, вовсе не обязательно стремится «достать» вас. Скорее всего, он предпочитает держаться на безопасной и знакомой территории. Прежде чем он начнет доверять вам и себе самому, придется не раз повторить ему новые слова и продемонстрировать новое поведение. Только после этого можно ожидать смены роли.

3. В районе, где находится моя школа, очень неблагополучная обстановка. Некоторые учителя заранее воспринимают детей как «малолетних преступников», которым свойственны жестокость и грубость в отношениях друг с другом, даже в играх. Учителям кажется, что в такой ситуации сделать ничего невозможно. Согласны ли вы с подобной точкой зрения?

Ситуация, которую вы описываете, может быть опасной. Когда мы, взрослые, молча миримся с ней и позволяем детям причинять вред друг другу во время игры, мы тем самым санкционируем своеобразную форму насилия, которая может окрасить все отношения между детьми. Мы должны воспринимать детей не такими, каковы они есть, а такими, какими надеемся их сделать. Одна учительница, которую очень беспокоило то, что ученики ее класса постоянно причиняют друг другу боль – и физически, и словами, – рассказала нам, что твердо решила помочь им начать воспринимать друг друга иначе. Она решила доказать им, что они *могут* понимать и уважать чувства друг друга. Когда игры становились слишком жесткими, она вмешивалась: «Эй, это больно! Чтобы понять, что человеку больно, достаточно посмотреть ему в лицо. Если человек морщится или плачет, сразу ясно, что игра зашла слишком далеко».

Однажды на перемене она застала двух мальчиков, которые затеяли шутливую борьбу. Один из них явно проигрывал и был бы рад прекратить игру, но все вокруг хохотали и подбащивали участников борьбы. Когда учительница попыталась остановить их, мальчики стали уверять ее, что это вовсе не драка. Они просто «играли и развлекались».

Учительница ответила: «Во время игры весело должно быть *всем*. Вы должны были спросить мальчика, который оказался внизу, весело ли ему. Если нет, то игру нужно остановить». Она ясно дала понять своим ученикам, что не позволит проявлять жестокость в ее присутствии.

4. Разве дети не рождаются с определенными чертами характера? Я замечала, что некоторые из моих учеников более импульсивны, застенчивы или агрессивны, чем другие. Они вовсе не играют роль, а таковы от природы.

То, что ребенок рождается с определенной генетической предрасположенностью, не означает, что преодолеть ее невозможно. «Импульсивному» ребенку нужно помочь предвидеть последствия своих действий. «Стеснительному» – объяснить, как приятно и полезно общаться с другими людьми. «Агрессивный» ребенок должен научиться общаться с окружающими мирно и спокойно. Мы должны помогать становиться гармоничными личностями всем детям.

Учительские истории

Эта история показывает, что может случиться, когда учитель твердо намерен воспринимать ученика в новом свете.

Дэррил Джексон был очень крупным ребенком. В свои десять лет он был вдвое больше любого одноклассника. Из-за столь внушительных размеров все воспринимали его более зрелым человеком, но он вел себя как большой, шумный и глупый ребенок. Он задирали других детей, толкал их, носился по коридорам с громкими криками, неожиданно выскакивал из-за угла, пугая всех. Он делал все, лишь бы привлечь к себе внимание. Если это не помогало, он довольно громко начинал говорить непристойности.

Одноклассники его недолюбливали. Он вечно всех высмеивал: «Ты не знаешь таких простых вещей? Ты просто тупица!» В школьном автобусе он вечно занимал два места. В столовой запихивал бутерброды целиком в рот, а потом начинал разговаривать и смеяться, не пережевывая и не проглотив пищу.

Я все чаще и чаще делала ему раздраженные замечания: «Дэррил, прекрати! Дэррил, успокойся!» Иногда мне даже приходилось физически тащить его на место: «Дэррил, я же сказала: СЯДЬ!» Смысл моих слов был очень прост: «Ты мне не нравишься... Само твое присутствие меня раздражает... Ты – мой главный раздражитель!»

Однажды он настолько вывел меня из себя, что я буквально взвыла. Глаза Дэррила блеснули удовлетворением. С широкой усмешкой он сказал: «Я вывожу вас из себя, верно, мисс Берген?» Он добился своей цели. И не только со мной. Его имя знали все учителя нашей школы, и все ненавидели его. За обедом все рассказывали только о Дэрриле и его проделках. Он сумел добиться своей цели и стать школьной знаменитостью. Это было бы смешно, если бы не было так грустно.

Дэррил стал настолько неуправляем, что я уже собиралась направить его к школьному психологу. Но что-то мне подсказывало, что я должна сама преодолеть его отношение. Я знала, что если существует хотя бы малая возможность изменить характер Дэррила, то я должна ею воспользоваться. Но я понимала и то, что нельзя механически использовать стандартную тактику. Мне нужно было найти в Дэрриле хотя бы одну черту, которая бы мне искренне нравилась или вызывала у меня восхищение. Если вы не испытываете по отношению к ребенку искренних чувств, то воспитательный процесс превратится в простую манипуляцию. Может быть, и это было бы лучше, чем ничего, но я рассчитывала на большее.

На следующий день я, как ястреб, следила за Дэррилом. Единственным его талантом было умение рисовать. Он мог взглянуть на любой предмет и точно изобразить его на бумаге. Я увидела, что Феликс подозревал его, чтобы показать свои рисунки. У Феликса были проблемы с координацией движений, и понять, что он нарисовал, было непросто. Тем не менее он указал на свои неровные линии и сказал Дэррилу: «Посмотри, это охотник, который сейчас убьет динозавра!»

Я думала, что Дэррил начнет смеяться, но он добродушно улыбнулся, ткнул пальцем в рисунок и сказал: «Да, а вот инопланетянин, который спускается с неба в своем корабле». Это меня тронуло. Значит, он может быть добрым. И даже щедрым! Может быть, это объяснялось тем, что в сфере рисования чувствовал себя в полной безопасности?

С этого момента я начала свою «позитивную кампанию». Для начала я стала поручать Дэррилу небольшие задания – вытереть доску, расставить книги по алфавиту, накормить черепаху. Я всегда благодарила его за помощь. Выяснилось, что Дэррил любит животных. Я поручила ему целую неделю присматривать за хомяками, а потом сказала, что животные его полюбили, потому что он хорошо за ними ухаживал. Он был польщен.

Потом я стала подталкивать других детей к тому, чтобы увидеть Дэррила в новом свете. Когда кому-то нужна была помощь, я говорила: «Спроси у Дэррила, как это работает. Он отлично разбирается в этом вопросе». Я могла спросить: «Дэррил, ты многое знаешь о животных. Из какой собаки получится хорошая ищейка?» Я надеялась, что когда другие дети заметят и поймут мое отношение, то решат, что Дэррил изменился.

Когда без выговора или замечания обойтись не удавалось, я старалась предварить его чем-нибудь позитивным: «Дэррил, я знаю, как трудно ждать, но Феликсу нужно закончить свое выступление», «Дэррил, я знаю, что нелегко сдержаться и не вскочить с места, но сейчас мне необходимо, чтобы все сидели и внимательно меня слушали». Через какое-то время я стала слышать от Дэррила такие слова: «Видите, мисс Берген, я умею себя контролировать», «Видите, я жду своей очереди», «Я хотел вскочить, но не стал этого делать». Я всегда реагировала на эти слова очень быстро: «Я заметила», «Это было нелегко», «Ты молодец».

Потом я стала писать короткие записки матери Дэррила:

*«Уважаемая миссис Джексон,
в этом месяце Дэррил отвечал за наш живой уголок. Все животные
были ухожены, хорошо накормлены и вполне счастливы.
Искренне ваша,
мисс Берген».*

Дэррилу это нравилось. Он попросил меня рассказать об этом и другим учителям. Я была счастлива выполнить его просьбу: «Миссис Крамер, Дэррил нарисовал карту США и показал на ней все штаты и столицы».

Незначительные изменения в моем поведении кардинально изменили поведение Дэррила. Он стал относиться ко мне с большой симпатией, перестал выводить меня из себя и приставать к одноклассникам. Он всегда был готов помогать другим – в рисовании, чтении, математике. Когда у его нового друга Феликса не оказалось денег на экскурсию, Дэррил одолжил ему свои сбережения. Он стал членом команды. Когда-то он был врагом всем, теперь же превратился во всеобщего друга. Он делился бутербродами, конфетами, всем остальным. Он стал воплощением общительности. Дэррил все еще оставался шумным и резким, но теперь эти качества уравнивались социально приемлемым поведением.

Другие учителя заметили, как Дэррил относится ко мне, и стали использовать этот факт, чтобы контролировать его поведение. Они могли сказать: «Если ты не перестанешь, я расскажу мисс Берген», и Дэррил успокаивался. Он не хотел, чтобы мне говорили о нем что-нибудь плохое.

Но новое поведение Дэррила не производило впечатления на других учителей. Они по-прежнему недолгобливали его, и он не собирался менять своего отношения к людям, которые воспринимают его как досадную помеху своей работе. Если он чувствовал неискренность, то заставить его вести себя лучше было невозможно. Нужно было оценить его по достоинству, чтобы он изменился.

Глава 7

Взаимодействие родителей и учителей

Это был нелегкий день. Я встречалась с одним родителем за другим, и во мне накапливалось напряжение. А вечером еще предстояло родительское собрание, и времени сходить домой не осталось. Я поехала в маленький ресторан, надеясь спокойно пообедать до прихода новой волны родителей.

Рядом со мной остановилась машина. Водитель показался мне знакомым. Когда он вышел из машины, я его узнала.

– Кен! – крикнула я. – Как приятно тебя снова увидеть! Что ты здесь делаешь?

– Наверное, то же, что и ты, – широко улыбнулся Кен. – У меня еще три встречи с родителями, и мне нужно подзаправиться. Давай пообедаем вместе? Хочу узнать, как твои дела в Хэмлоке.

Прощай, спокойный обед! Войдя внутрь, мы огляделись в поисках свободного столика. Ни одного не оказалось. И вдруг сзади раздался знакомый голос:

– Лиз! Иди сюда!

Это были Джулия, моя школьная подруга, и ее старшая сестра Марта. Джулия давно переехала из нашего города.

– Не удивляйся, – опередила мои вопросы она. – Я приехала к Марте на несколько дней. Присоединяйся к нам.

Я показала на Кена, давая понять, что мы пришли вместе. Джулия кивнула, указывая на два свободных стула за их столом, и пригласила нас присесть.

Сначала мы познакомились и обменивались информацией. Джулия оказалась матерью-одиночкой. Она отлично справлялась, ее «малышу» было шесть лет. Старший сын Марты был уже подростком. Я объяснила, что мы с Кеном раньше работали вместе, что меня перевели в новую школу, а он остался в прежней, и что у нас обоих возникло «окно» между родительскими собраниями.

– Родительские собрания?! – с отвращением поморщилась Джулия. – На следующей неделе мне нужно идти на собрание, и не могу сказать, что это меня очень радует.

Я не знала, что ответить. Мы заказали обед, а потом я все же сказала:

– Похоже, последнее родительское собрание не доставило тебе удовольствия...

Джулия закатила глаза и вздохнула.

Мне было интересно, но не хотелось казаться навязчивой. Кен же оказался не столь сдержанным.

– И что же вам не понравилось? – спросил он.

– Не знаю, поймете ли вы, – нервно ответила Джулия. – Вы же не мать.

– Должен согласиться, – улыбнулся Кен. – Но все же попробуйте объяснить.

Джулия помолчала, а потом заговорила:

– Не знаю, смогу ли объяснить это, но... Я считаю свою дочь Бекки прекрасным ребенком, но на последнем родительском собрании учительница с гаденькой улыбкой сказала мне: «Честно говоря, Бекки слегка неорганизованная девочка и не всегда говорит правду». Мне даже плохо стало... Когда я вернулась домой, то стала воспринимать Бекки иначе. Я стала гадать, не дурачит ли она меня, искать в ней признаки лживости и дезорганизованности.

Я была просто в ужасе.

– Это ужасно! – воскликнула я. – Ты ушла с родительского собрания с сомнениями в собственном ребенке!

– Наверное, не следовало этого говорить, – продолжала Джулия, – но учителя сумели заставить меня почувствовать собственную вину за плохое воспитание дочери. Если бы я «сделала это», или «сделала то», или проводила больше времени с ребенком, Бекки была бы гораздо лучше... Вам может показаться странным, но иногда мне кажется, что учителя считают себя выше родителей, потому что у них есть высшее педагогическое образование, а у меня нет.

Кен удивленно поднял брови.

– Расскажите-ка поподробнее, – попросил он.

– Не стоит недооценивать слова Джулии, – вмешалась Марта. – Я окончила университет и занимаю пост вице-президента в своей компании. Но я очень хорошо помню, каково это – сидеть за школьной партой напротив учительского стола и выслушивать рассказы о том, как плохо учится мой сын. Всего за минуту я снова превратилась в запуганную маленькую девочку, распекаемую учительницей.

– Подождите минутку, – сказала я, – я запуталась. По моему мнению, родительское собрание должно проходить по-другому. Я не считаю, что учитель должен рассказывать всем родителям о том, что не так с их детьми. Нет! Для меня родительское собрание – это дорога с двусторонним движением. Нам, учителям, нужна информация от родителей. В этом и заключается цель собраний. Мы всегда рады родительским идеям.

– Надо же! – недоверчиво протянула Марта. – Тогда почему я боюсь сделать даже самое мелкое замечание? Если, не дай бог, я хоть чем-то обижу учительницу, высказав иное мнение, и она разозлится на меня, я точно знаю, что она отыграется на моем ребенке.

– Марта, это несправедливо, – возмутилась я. – Это неправда!

Марта не обратила на мои слова внимания.

– Но больше всего, – продолжала она, – меня раздражает покровительственный тон учителей. «Проблема с Майклом – бла-бла-бла... Я знаю, что вы работаете, но если бы вы больше времени проводили с ним...» Или: «Если Майкл не сосредоточится прямо сейчас, он никогда не перейдет в следующий класс». И любимое замечание, из-за которого я всегда начинаю терзаться чувством вины: «К сожалению, ваш сын не реализует заложенный в нем потенциал».

Я была удивлена и смущена замечаниями Марты. Именно это я сказала матери одного из учеников сегодня днем. Первым моим побуждением было броситься на защиту себя и своих коллег, но я решила выяснить все.

– Тебя еще что-то беспокоит? – спокойно спросила я.

Марта тут же подхватила:

– Да! Ненавижу, когда они переходят на свой учительский жаргон, слушая который чувствуешь себя полным идиотом. «Если вы хотите, чтобы Майкл выделял фонемы и сочетания согласных звуков (проще говоря, читал), вы должны каждый вечер по часу читать вместе с ним книги по школьной программе».

– А у какого родителя, – вмешалась Джулия, – есть час после целого рабочего дня, покупок и уборки? К тому времени, когда я приготовлю ужин, вымою посуду и постираю, Бекки уже в пижаме, а у меня нет сил даже на то, чтобы прочитать ей сказку на ночь.

Марта согласно кивнула.

– Но больше всего меня раздражает то, – сказала она, – что учителя не считают себя обязанными общаться с родителями. Они обращаются к ним лишь тогда, когда проблема становится настолько серьезной, что исправить ее можно лишь чудом. Когда Майкл учился в седьмом классе, он перестал делать домашние задания по истории. Учительница ничего не говорила мне до тех пор, пока не пришло время выставять оценки за четверть. Как ребенок может успеть сделать пятнадцать домашних заданий за неделю?!

Я больше не могла этого выдержать.

– Подождите, – прервала я Марту. – Все, что вы говорите, правда, но, пожалуйста, поймите, что у каждого учителя в классе больше тридцати детей, и каждому нужно уделить внимание. Невозможно звонить родителям каждый раз, когда ребенок не сделает домашнего задания!

Кен очень спокойно спросил:

– А чего именно вы, родители, ждете от учителей?

Марта посмотрела ему прямо в глаза.

– Уважения, – ответила она. – Мне бы хотелось, чтобы учителя относились ко мне и моему ребенку с тем же уважением, какого требуют для себя.

Я заметила, что Кен разозлился.

– Уважения? – рявкнул он. – А с каким уважением вы относитесь к учителям? Нас все ругают. Мы отвечаем за все недостатки и промахи. Нас бьют со всех сторон. Родители жалуются на нас, дети нам грубят, директор школы хочет, чтобы мы расширяли программу, администрация требует максимального сокращения бюджета на самое необходимое. Колледжи недовольны школьным образованием, потому что дети не готовы к занятиям на институтском уровне. Бизнес клеймит учителей за то, что на работу выходят неквалифицированные специалисты. Но разве кто-то поддерживает образование? Хочет ли кто-нибудь платить учителям зарплату, которой они заслуживают? Наше общество не проголосовало за увеличение расходов на образование!

Джулия даже рот раскрыла от изумления. Люди за соседними столиками стали оборачиваться на нас. Я почувствовала себя неловко. На этот раз Кен зашел слишком далеко... Но Марту это не испугало.

– А я голосовала за увеличение расходов, – сказала она. – И если вы спросите мое мнение, то вы, учителя, получаете большую зарплату, и у школ есть деньги на все необходимое. Мы с Джулией хотели сказать вам, что мы, родители, ощущаем отсутствие уважения с вашей стороны. Мы исключены из процесса образования собственных детей. Да, верно, у нас нет педагогического образования, но мы можем внести свой вклад, если нам это позволят. Мы хотим помочь!

– Родительская помощь? – взорвался Кен. – От родителей, которые даже не удосуживаются прийти на собрание, чтобы не пропустить любимое телевизионное шоу? Или от тех, кто пьянствует и не обращает внимания на детей? Или от родителей, которые спокойно оставляют старшего ребенка дома, чтобы тот присматривал за младшими? Или от тех, кто заставляет своих детей учиться только на пятерки, потому что собирается отправить их в престижный университет?

Марта в долгу не осталась.

– Кен, – сказала она, – ты зол и несправедлив в отношении родителей. А что ты думаешь, Лиз?

Я попыталась уклониться от дискуссии, но Марта была настойчива. Неожиданно мне захотелось высказаться.

– Несправедлив, но не совсем, – сказала я. – У меня были родители, с которыми приятно работать, но были и такие, обращаться к которым не хотелось. Одной матери я сказала, что у ее сына проблемы с поведением, и вечером она его выпорола. У другого школьника родители разводятся и никак не могут решить вопрос об опеке. Я понимаю, что у их ребенка серьезные проблемы, но во время встречи они лишь обвиняют друг друга и пытаются перетянуть меня на свою сторону... Полагаю, они переживают тяжелый стресс и личную боль, им трудно сосредоточиться на детях. В результате я выслушиваю историю их развода, прежде чем они удосужатся перейти к проблемам собственных детей.

Марта подняла руки.

– Сдаюсь, – сказала она. – Вы двое считаете нас, родителей, эгоистичными, безответственными, жалкими существами.

– Не принимайте мои слова на свой счет, – успокоил ее Кен. – Мы просто выпустили пар. Разумеется, есть и прекрасные родители. Они делают для своих детей все возможное. Просто рядом с вами оказались двое раздраженных учителей, которые заботятся о ваших детях и злятся из-за того, что не всегда получают поддержку со стороны родителей.

Мы замолчали.

– Когда я отправляюсь на родительское собрание, – очень осторожно сказала Джулия, – меня интересует только то, что сегодня скажет учитель о моем ребенке. Мне и в голову не приходило думать о чувствах и потребностях самого учителя.

– Да, справедливости ради надо признать, что об этом думать следует, – согласилась с ней Марта. – Лиз, а чего ты хочешь от нас, родителей?

Ее вопрос застал меня врасплох. Я немного подумала и ответила:

– Честной информации – о том, как ребенок ведет себя дома, каковы его интересы, что его тревожит... Я хочу знать все, что поможет мне лучше понять ученика. А если возникают проблемы, я хочу, чтобы родители думали о них вместе со мной и вместе со мной искали решения, чтобы мы могли поступить наиболее полезным для ребенка образом.

Марта одобительно кивнула.

– А ты, Кен? – спросила она. – Чего хочешь ты?

– Мне нужна обратная связь, – сказал Кен. – Я хочу знать, оказали ли мои действия влияние на ваших детей. Что ребенок говорит о школе? Обо мне? Без обратной связи очень трудно принять взвешенное решение относительно того, что ему необходимо.

– С этим трудно не согласиться, – кивнула Марта.

Кен расслабился и протянул руку.

– О'кей, Марта, – сказал он. – Теперь твоя очередь. Тебе было что сказать об учителях. А что, если я адресую твой вопрос тебе? Чего вы, родители, хотите от нас?

Марта нахмурилась.

– Для меня важнее всего, – медленно сказала она, – уйти с родительского собрания с материалом для обдумывания. Я хочу, чтобы мое хорошее впечатление о ребенке не изменилось. Не думаю, что учителя представляют масштаб собственной власти и собственных слов. Большинство родителей имеет дело лишь с несколькими детьми. Учителя в течение жизни учат тысячи детей. Восприятие ребенка учителем имеет огромный вес для родителей. Когда учитель говорит, что твой ребенок – исключительный (неважно, в хорошем или плохом отношении), родители воспринимают эти слова серьезно и уносят их домой.

– Помню, как зла я была на Майкла, – продолжала она, – когда он ходил в детский сад. Он хныкал, плакал, не был таким же независимым и общительным, как остальные четырехлетки. Но стоило мне побеседовать с его воспитательницей, как мое настроение изменилось. Она встретила меня очень тепло и сказала: «Я так рада познакомиться с матерью Майкла. Он удивительно добрый и любящий малыш». Ее слова стали для меня настоящим лучом света. Раньше я никогда не воспринимала сына таким образом. Ее представление о моем сыне оказалось совершенно правильным и не раз помогало мне верно относиться к нему. Эта женщина сделала для меня очень многое!

Я была тронута рассказом Марты. Я повернулась к Джулии и положила ей руку на плечо.

– А ты? – спросила я. – Чего ты ждешь от родительского собрания?

– Мне хочется вернуться домой и сказать дочери что-то такое, что вселило бы в нее уверенность в собственных силах... Что-то, что я могла бы повторить Бекки, когда она смотрит на меня своими большими глазенками и спрашивает: «А что учительница обо мне говорила?»

Это был замечательный обед. Мы честно высказались и поделились друг с другом тем, что было особенно важно для нас, родителей и учителей. Мы обсудили, каким может быть идеальное родительское собрание – сначала с точки зрения родителей, потом с точки зрения учителей.

И вот что у нас получилось.

Идеальное родительское собрание: точка зрения родителей

ВМЕСТО УКАЗАНИЯ НА ОШИБКИ

НАЧНИТЕ С ЧЕГО-НИБУДЬ ХОРОШЕГО

ВМЕСТО ПЕРЕЧИСЛЕНИЯ НЕДОСТАТКОВ

СКАЖИТЕ, ЧТО НУЖНО ДЕЛАТЬ

ВМЕСТО ТОГО ЧТОБЫ УЧИТЬ РОДИТЕЛЕЙ,

РАССКАЖИТЕ, ЧТО СРАБАТЫВАЕТ В ШКОЛЕ

Идеальное родительское собрание: точка зрения родителей

ВМЕСТО ТОГО ЧТОБЫ УНИЖАТЬ РЕБЕНКА,

РАЗРАБОТАЙТЕ СОВМЕСТНЫЙ ПЛАН

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПЛАН

СЛЕДУЙТЕ ЕМУ ПОСЛЕ СОБРАНИЯ

ВМЕСТО ТОГО ЧТОБЫ НАРУШАТЬ ПРАВО РОДИТЕЛЕЙ НА ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ,

ХРАНИТЕ ЛИЧНУЮ ТАЙНУ

Идеальное родительское собрание: точка зрения учителя

ВМЕСТО УКАЗАНИЯ НА ОШИБКИ

ВМЕСТО НАПАДЕНИЯ

ВМЕСТО УТАИВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ

СКАЖИТЕ ЧТО-НИБУДЬ ХОРОШЕЕ

РАССКАЖИТЕ О ПОТРЕБНОСТЯХ ВАШЕГО РЕБЕНКА

ПОДЕЛИТЕСЬ ТЕМ, ЧТО ВАЖНО

Идеальное родительское собрание: точка зрения учителя

ВМЕСТО ТОГО ЧТОБЫ УЧИТЬ УЧИТЕЛЯ,

РАССКАЖИТЕ, ЧТО ВАМ ПОМОГАЕТ ДОМА

ВМЕСТО ОТКАЗА ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА

ПОМОГИТЕ СОСТАВИТЬ ПЛАН

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ СОСТАВЛЕННЫЙ ПЛАН,

А СЛЕДУЙТЕ ЕМУ ПОСЛЕ СОБРАНИЯ

Поделившись своими соображениями относительно идеального родительского собрания, мы поняли, насколько совпадают наши потребности.

- И родители, и учителя нуждаются в поддержке, информации и понимании со стороны друг друга.
- Нам всем нужно, чтобы наши усилия оценивались по достоинству.

- Все мы нуждаемся в уважении.
- Всем нам нужно работать вместе, поддерживать друг друга и стараться сделать так, чтобы детям было лучше.

Когда настало время уходить, мы неохотно распрощались. Думаю, всем нам была полезна та эмоциональная беседа, которая уложилась в этот короткий час. Вначале мы находились на противоположных полюсах. Родители против учителей. Мы против них. Но со временем мы сумели понять друг друга, почувствовать себя в одной команде. Нас связывала общая заинтересованность в успехах наших детей, и все мы были преисполнены решимости дать лучшее всем детям.

Памятка

ИДЕАЛЬНОЕ РОДИТЕЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ

Вместо указания на ошибки...

1. Для начала опишите что-нибудь хорошее.

Учитель: Мне нравятся продуманные вопросы Сэма.

Родитель: Сэму понравился ваш урок о ракетах.

Вместо того чтобы указывать на то, чего ребенок не сделал...

2. Расскажите о том, что ребенок должен сделать.

Учитель: Сэму нужно сделать все задания за ту неделю, что он пропустил по болезни.

Родитель: Думаю, ему будет тяжело. Наверное, придется ему помочь.

Вместо утаивания информации...

3. Поделитесь важными сведениями.

Родитель: Приходя домой, он обычно играет на улице. А теперь просто сидит перед телевизором.

Учитель: Я заметил, что в классе он часто зевает.

Вместо того чтобы давать друг другу советы...

4. Расскажите, что срабатывает дома и в школе.

Родитель: После болезни ему легче заниматься, если каждые 15–20 минут делать небольшие перерывы.

Учитель: Я заметил, что он более энергичен после перемены.

Вместо того чтобы унижать ребенка...

5. Выработайте совместный план.

Учитель: Я попрошу другого ученика помочь Сэму с пропущенным материалом. Я прослежу, чтобы он чаще отдыхал.

Родитель: А я буду следить за тем, чтобы он меньше времени проводил у телевизора и больше дышал свежим воздухом.

Вместо расставания на негативной ноте...

6. Завершите собрание позитивным высказыванием, которое можно будет повторить ребенку.

Учитель: Скажите Сэму, что я уверен в том, что он справится со всей этой работой, и рад тому, что он учится в моем классе.

Родитель: Обязательно. Я знаю, он будет рад это слышать.

Вместо того чтобы забыть план сразу после собрания...

7. Твердо следуйте плану.

Учитель: Джеффри помогает Сэму, и он почти справился. В последнее время он стал более энергичным.

Родитель: Мой муж начал бегать по утрам, и Сэм присоединился к нему.

Вопросы и истории родителей и учителей

Вопросы родителей

1. Хорошо ли, если ребенок присутствует при встрече учителя с родителями? Иногда мне кажется, что моему сыну это было бы полезно.

В начале разговора вы и учитель должны свободно и открыто говорить друг с другом, не волнуясь о том, какое влияние эти слова произведут на ребенка. Он может подождать в коридоре, библиотеке или на игровой площадке.

Однако в определенный момент разговора бывает полезно пригласить ребенка принять участие в беседе. Не забывайте о том, что его положение очень уязвимо. Он мал, а ему противостоят двое самых влиятельных и значимых взрослых в его жизни, да еще и одновременно! Полезно для начала поделиться с ним самой позитивной информацией.

Родитель: Я рассказываю миссис Фишер о том, как много ты рассказал нам о дождевых лесах Амазонии, работая над рефератом.

Учитель: А я рассказал твоей матери о том, как понравились ребятам иллюстрации, которые ты нашел, особенно та, с красноглазой древесной лягушкой.

На этом разговор можно закончить. А что делать, если ребенку нужно меняться к лучшему? Предположим, ваш сын слишком медлителен или плохо организован. Проблему можете поднять вы, а может и учитель.

Учитель: Прежде чем выступить перед классом, тебе нужно еще многое сделать. Давай поговорим о том, как нам поступить.

После этого вы втроем можете обсудить то, как организовать и спланировать все этапы завершения работы над проектом. Например, учитель мог бы сказать: «Думаю, будет полезно, если я определю для тебя промежуточные сроки. Решим, когда ты должен готовить карточки и когда представить черновик реферата».

Вы могли бы добавить: «Хочешь, я несколько раз свожу тебя в библиотеку, чтобы ты мог начать работать над рефератом?»

В идеале, ребенок может и сам внести предложение: «А я составлю письменный план с датами, а потом буду вычеркивать все сделанное».

Если после такого разговора у ребенка появится надежда и вдохновение, значит, ваша встреча прошла успешно.

2. Моя дочь Миа очень застенчива. В прошлом году учительница помогла ей подружиться с одноклассниками. В этом году у нее новый учитель, а в классе много новых учеников. Миа не жалуется, но я вижу, что она одинока и несчастна. Может быть, обратиться к учителю, чтобы он ей помог?

Подготовьтесь. Заранее обдумайте, что учитель может сделать, чтобы помочь вашей дочери наладить отношения со сверстниками. Может ли Миа принять участие во внеклассной работе, в спектакле или художественном проекте? Может быть, она могла бы вместе с другим учеником выполнить какое-то задание, например отредактировать стенную газету? Обязательно спросите, не можете ли вы сами чем-нибудь помочь в создании спектакля,

газеты или художественного проекта. Не требуйте немедленного ответа. Учителю нужно время на то, чтобы обдумать ваши предложения и выдвинуть собственные.

3. Во время последней встречи учительница сказала мне, что мой сын Тони ленив и необщителен. Мне это очень не понравилось, но я не знала, как реагировать. Если это повторится, что мне делать?

Очень важно захватить с собой на встречу с учителем ручку и бумагу. Если учитель говорит о вашем ребенке что-то плохое, вы можете уточнить, что именно заставило его сделать подобный вывод: «Ленивый? Что вы хотите этим сказать?»

Предположим, учитель отвечает: «Только он после урока рисования оставляет грязные кисточки и не закрывает тюбики с краской». Записав, произнесите вслух: «Тони должен мыть кисточки и закрывать тюбики с краской после урока рисования».

Предположим, учитель настаивает: «И он не работает на уроках!» Снова спросите: «Скажите, что заставило вас прийти к такому выводу?»

Если учитель отвечает: «Он постоянно болтает, когда весь класс читает про себя», запишите и произнесите вслух: «Тони должен сдерживаться во время чтения про себя».

Переводя негативные замечания учителя в описание того, что должно быть сделано, вы помогаете учителю, самому себе и своему сыну двигаться в позитивном направлении.

4. В этом году моя дочь Лиза, которая училась в специальной школе, перешла в обычный класс. У нее очень требовательный учитель, который добивается большого успеха. Он убежден, что этим обязан своим высоким требованиям. Лиза упорно трудится, но не справляется с нагрузкой. Учитель раздражается, а у нее опускаются руки. Что мне делать?

Наши ожидания должны быть значительными, но реалистичными. Настаивая на том, что дети могут сделать то, что превышает их возможности, и требуя, чтобы они «больше старались», мы оказываем им плохую услугу. Ребенок, который не справляется со сложением и вычитанием, не справится и с умножением и делением, каковы бы ни были ожидания учителя. Если требования учителя подавляют Лизу, нужно поговорить с учителем и объяснить ему уровень ее способностей. Попросите его разбивать задания на небольшие выполнимые этапы, чтобы она успешно с ними справлялась по очереди.

5. Мой сын вернулся домой из школы очень возбужденный. Он сказал, что учитель его ненавидит. Я не знала, как реагировать. Что бы вы мне предложили?

После того как вы признаете право мальчика на негативные чувства, выслушайте то, что он должен вам рассказать. Иногда проблему легко выявить и озвучить:

«Ты смутился, когда он кричал на тебя в присутствии всего класса из-за того, что ты взял степлер из его ящика. Лучше бы он пригласил тебя к себе и поговорил с тобой спокойно... Уверена, ты наверняка хотел спросить разрешения».

Если сын не дает точной картины произошедшего и продолжает жаловаться на то, что учитель его ненавидит, нужно поговорить с учителем. Скорее всего, он расскажет вам, в чем дело, и тогда вы сможете решить проблему вместе. Однако, если во время разговора вы почувствуете (не только по словам, но и по общему поведению учителя), что он действительно недолюбливает вашего сына, доверьтесь чутью. Постарайтесь перевести мальчика в другой класс. Учителя – тоже люди. Иногда учителя – по рациональной или иррациональной причине – недолюбливают некоторых детей. Это не их вина и не вина детей. Но ребенок не должен учиться у учителя, который его не любит.

Родительская история

Эту историю рассказала нам мать одной одаренной девочки. Ей удалось научиться взаимодействовать с непростым в общении учителем.

Когда Робин перешла в пятый класс, она полностью утратила интерес к учебе. Из разговоров с ней я поняла, что ей просто скучно. Судя по словам Робин (а она читает на уровне девятого класса), ее учительница, миссис Пост, требует, чтобы она читала те же книги, что и другие дети, и никогда, ни при каких обстоятельствах не забежала вперед. Я напомнила ей, что четверть еще только началась, и попросила быть терпеливее. Но меня встревожило то, что она стала жаловаться на головные боли и искать любой повод не ходить в школу.

Я позвонила ее учительнице и договорилась с ней о встрече. Разговор прошел не очень хорошо. Я объяснила миссис Пост, что Робин нужна более серьезная нагрузка. Миссис Пост сказала, что девочке нужно лучше следить за собой. По ее словам, Робин была слишком беспокойной и постоянно отвлекала других детей, которые пытались справиться со своими заданиями. Я ответила: «Она болтает, потому что быстро заканчивает работу и у нее остается много времени. Может быть, вы могли бы давать ей более сложные задания по чтению».

Миссис Пост была очень недовольна. Она сказала, что не видит оснований давать Робин другие задания. Она сообщила, что работает в школе уже 23 года, что программа утверждена раз и навсегда и доказала свою эффективность в изучении основ. Я чуть было не сказала: «В этом-то все и дело. Робин знает основы. Что плохого в том, если вы дадите ей дополнительный материал?» Но я этого не сделала. Я прикусила язык, вежливо поблагодарила учительницу и отправилась домой в ужасном настроении.

Когда я рассказала обо всем мужу, он сказал: «Миссис Пост, наверное, считает тебя «навязчивой» матерью. Может быть, тебе поговорить с директором школы, чтобы Робин перевели в другой класс?»

Я серьезно отнеслась к его предложению, но чем дольше обдумывала его, тем больше утверждалась в мысли, что не стоит отрывать Робин от ее друзей. На следующее утро я придумала способ помочь дочери, не обижая учительницу. Я позвонила моей невестке, которая работала учительницей начальных классов, и рассказала ей о ситуации. Она что-то проворчала об учителях, которые застряли в средневековье, а потом сообщила о программе, которой пользуется сама с детьми, уже умеющими хорошо читать. Она посоветовала несколько книг для Робин и упомянула книгу для учителей, где описаны простые способы оценки чтения ученика, который работает самостоятельно. Книга называлась: «Отношение к литературе». Я записала все, что она сказала, а потом пошла и купила книгу.

На следующей неделе я позвонила миссис Пост и попросила о встрече. Она была очень недовольна и сказала, что мы недавно беседовали и она не видит необходимости для новой встречи. Я сказала, что мне очень важно поговорить с ней. В конце концов она согласилась.

Я очень нервничала перед разговором, не хотела настраивать миссис Пост против себя. Я сказала, что мне очень неприятно слышать о том, что Робин мешает учиться другим детям, и что меня беспокоит ее изменившееся отношение к школе. Потом я рассказала о том, что у меня появились идеи, которые могли бы исправить ситуацию, и спросила, не хочет ли миссис Пост ознакомиться с ними в письменном виде.

Миссис Пост не взяла мою записку. Она сидела молча. Тогда я выбрала несколько пунктов из своего списка и прочитала их вслух. Робин могла бы придумать другую концовку истории, которую читали все дети. Она могла бы читать другие книги того же автора и рассказывать о них одноклассникам. Я показала миссис Пост книгу, которую посоветовала моя невестка, не упоминая о том, кто мне о ней рассказал.

В конце беседы я сказала: «Миссис Пост, я не знаю, что еще сделать. Мне очень хочется помочь Робин. Поэтому-то я и просила о новой встрече. Я хотела узнать, что вы думаете о моих предложениях. У вас такой большой опыт, что вы, наверное, знаете, как поступить в такой ситуации». Прежде чем миссис Пост успела ответить, я добавила: «Я собираюсь поговорить с Робин о ее поведении в классе, вы не должны страдать от него».

Миссис Пост молча смотрела на меня. Потом она поднялась и сказала: «Я вас выслушала. Я рассмотрю ваши предложения». Она спросила, не может ли посмотреть мою книгу (я ушам своим не верила!), и поблагодарила за разговор. Мы пожали друг другу руки и расстались. Встреча состоялась месяц назад. Я не знала, как поступила миссис Пост. Но Робин снова стала ходить в школу с удовольствием. И ее утренние головные боли прошли.

Вопросы учителей

1. Некоторые родители панически боятся школы. Они терпеть не могут встреч с учителями, потому что сохранили дурные воспоминания о собственном обучении. Можно ли как-нибудь помочь этим родителям почувствовать себя более комфортно?

Легче всего снять родительскую тревогу доброжелательным, теплым отношением. Некоторые учителя накрывают стол скатертью, предлагают родителям чай или кофе, усаживают их в удобное кресло. Я не раз слышала от родителей, что они комфортнее чувствуют себя за закрытой дверью. Закрытая дверь демонстрирует уважение к личной жизни человека.

2. Кого из родителей следует приглашать в школу, если они в разводе?

Пригласите обоих, чтобы ни один из них не чувствовал себя обделенным или отвергнутым. Родители сами решат, встречаться ли им с учителем совместно или по отдельности. В любом случае очень важно использовать время встречи для того, чтобы обсудить проблемы ребенка, а не их собственные. Поговорите, как они, вместе или по отдельности, могут помочь ребенку.

3. Что делать, если родитель приходит на встречу во враждебном или агрессивном настроении?

Постарайтесь преодолеть естественное желание «разобраться» с родительским гневом. Не говорите: «Пожалуйста, постарайтесь успокоиться, мистер Смит. Мы ни к чему не придем, если вы будете кричать». Вместо этого признайте его право на подобные чувства. Дайте понять, что вы понимаете силу и характер его эмоций: «Я понимаю, насколько вы рассержены. Входите и присаживайтесь. Я хочу узнать ваши соображения». Такие слова наверняка обезоружат мистера Смита, и он расскажет вам о том, что его беспокоит.

Попробуйте записать все, что он вам скажет, а в конце встречи прочитайте ему свои записи, чтобы он знал, что вы его поняли. Если, несмотря на все ваши усилия, раздражение родителя возрастает, встречу можно перенести на другое время: «Мистер Смит, я вижу, что вы все еще очень раздражены. Мне нужно обдумать ваши слова, возможно, даже посоветоваться с другими учителями. Когда мы могли бы встретиться снова?» На следующую встречу можно пригласить кого-нибудь еще – директора школы или школьного психолога.

4. Некоторые родители жалуются, что учителя обращаются к ним только тогда, когда возникают проблемы. Должен признать, что они правы. Что вы думаете по этому поводу?

Родителям нравится узнавать о своих детях что-нибудь хорошее. Один учитель рассказал нам, что с самого начала четверти, когда большинство детей еще ведет себя хорошо и только начинает активно заниматься, приглашает к себе двух родителей в неделю. Он рас-

сказывает им о достоинствах их детей. Если в течение учебного года возникают какие-то проблемы, ему оказывается легче общаться с родителями, которые гораздо охотнее воспринимают его слова.

5. Как мирно расстаться с чрезмерно разговорчивым родителем, если в коридоре уже ждут другие?

Очень важно, чтобы родитель не чувствовал, что вы ограничены временем и не можете беседовать с ним так долго, как он считает необходимым. Но вы должны следить за временем и предварительно сообщить ему: «Вижу, что у нас осталось всего пять минут. Вы хотите еще что-нибудь мне сказать?» Если после пяти минут разговор не прекратился, скажите: «Понимаю, что нам нужно больше времени. Давайте побеседуем по телефону или встретимся еще раз». Откройте ежедневник и запишите новую дату.

Учительская история

Эту историю нам рассказала учительница начальных классов.

Кристофер Бойл пришел в мой второй класс, и я сразу же заметила, что это очень умный, способный мальчик. Однако вскоре я поняла, что у него присутствуют классические признаки дислексии. Он не мог написать даже собственного имени, не пропуская или не переставляя букв. Я не могла понять, почему у него такие серьезные проблемы с поведением. Кристофер был очень драчлив, легко раздражался.

Через несколько недель я решила позвонить его матери и поговорить с ней. Она с радостью согласилась встретиться со мной и предложила прийти в тот же день. Как только мы уселись, миссис Бойл рассказала мне, что каждый вечер Кристофер садится делать уроки, но сразу же начинает плакать и называет себя «тупицей».

Неожиданно я поняла, что происходит. Мальчик страдает, потому что убедил себя и всех окружающих в собственной тупости. Я объяснила миссис Бойл, что Кристофер далеко не глуп. На самом деле он был очень сообразительным мальчиком, которого многое интересовало. Из-за дислексии он столкнулся с такими проблемами, которые незнакомы большинству детей. Но я была уверена в том, что со временем он научится читать.

Мои слова обрадовали миссис Бойл. Она спросила, чем может помочь мне. Я объяснила, что она должна понять проблемы своего сына и продемонстрировать ему свою уверенность в том, что он непременно, хотя и медленно, добьется успеха. Я сказала, что у Кристофера острый ум, что ему пойдет на пользу посещение библиотеки, где можно найти иллюстрированные книги по интересующим его темам.

Со временем я поняла, что Кристофер очень настойчив. Я учила его одному приему за другим, показывала, как произносить слова, предлагала способы, с помощью которых ему было бы легче отличить одну букву от другой. Понемногу он научился читать и писать.

Я постоянно звонила его матери и рассказывала о его успехах. Она много занималась с Кристофером дома, и ее усилия принесли свои плоды. Миссис Бойл выполнила все мои рекомендации. Она всячески поощряла интерес сына к рыбам, насекомым и камням. (Он всегда коллекционировал камни и спрашивал их названия.) Она водила Кристофера в музеи, читала с ним книги и разговаривала о том, что ему было интересно.

Больше всего помогло Кристоферу признание собственной инвалидности. Труднее всего ему было видеть, что другие дети, ничуть не превосходящие его по интеллекту, с легкостью читают, пишут и выполняют сотни заданий, которые ему не по плечу. Я хотела, чтобы он понял, что обладает мощным разумом и борется с проблемой, называемой «дислексия». Я говорила ему: «Кристофер, тебе будет очень трудно выполнить это задание, потому что,

когда другие люди смотрят на букву «б», они «б» и видят, а твои глаза тебя порой обманывают, и ты видишь на ее месте «д». Поэтому для тебя все наши задания гораздо труднее. Твое состояние называется «дислексия». Но ты настойчиво работаешь и сумеешь преодолеть свою проблему».

Кристоферу даже нравилось говорить о своей «проблеме». Он говорил другим детям: «Видите, у меня дислексия. Когда я смотрю на слово «кот», то вижу слово «ток». И он специально писал слово задом наперед, смеялся, показывал его в зеркальном отражении и хвастался, что владеет «зеркальным письмом». Он стал относиться к своей проблеме как к чему-то особенному и забавному.

В конце четверти мать Кристофера сказала мне, что мальчик очень изменился. Он стал гораздо спокойнее и счастливее. На семейных праздниках Кристофер играл в школу со своим младшим двоюродным братом, который тоже страдал дислексией. Мальчик очень переживал из-за того, что не мог написать какое-то слово. Кристофер сказал ему: «Не волнуйся. У меня та же проблема. Я могу тебе помочь. Давай я покажу тебе полезный прием».

Кристофер учится в третьем классе. Его учителя говорят мне, что он все еще довольно медленно читает, но всегда участвует в уроках, всегда рассказывает что-то интересное, а если дать ему больше времени, то успешно справляется со всеми заданиями.

Когда я думаю о Кристофере, мне становится радостно. Мы с матерью помогли этому мальчику понять, что дислексия – это проблема, которую он может преодолеть, а не инвалидность, которая делает его человеком второго сорта.

История, которую рассказали нам родители и учителя

Вы только что узнали о том, как один родитель и один учитель помогли одному ребенку. А сейчас мы расскажем вам о том, как в сельской школе сумели объединить всех родителей и привлечь их к обучению собственных детей.

Моя первая школа находилась в сельской местности. В городке, где жило всего 710 человек, были только магазин, заправочная станция на две колонки и школа. Я полагала, что здесь школа является настоящим общественным центром. Мне казалось, что родители с удовольствием должны приходить на собрания. Но все оказалось не так. На первом собрании актовый зал был практически пуст. Пришло всего 15 человек. Учитывая, что в нашей школе училось 139 человек, такое количество никак не могло меня устроить.

На следующее утро я рассказала о своем разочаровании одной из учительниц. Она сказала, что со временем я к этому привыкну. Такие пораженческие настроения были мне не по душе. В конце очередного педсовета я спросила, хотят ли учителя привлечь родителей к работе в школе. Некоторые педагоги недовольно поморщились. Кто-то даже высказался насчет того, что я даром трачу свое время, а директор покровительственно мне улыбнулся. Когда педсовет закончился, я почувствовала себя довольно глупо. Но тут ко мне подошли две наши учительницы, Маргарет и Пэт, и вызвались помочь. Думаю, они меня пожалели.

На следующий день мы втроем собрались после занятий, чтобы выработать план. Пэт сказала мне, что уже пыталась сделать это раньше, но у нее ничего не вышло. Записки не доходили до домов. «Телефонное дерево» (когда каждый учитель обзванивает десять семей) не принесло плодов, потому что у многих родителей не было телефонов. Даже барбекю в доме Маргарет провалилось. Она пригласила двадцать учеников и их родителей, но пришли лишь шесть человек. Я должна была признать, что это очень печально.

Тем не менее мы решили попробовать придумать такое занятие, которое привлекло бы родителей в школу. Первая наша задумка – общий чай. Печенье и торты испекли дети на уроках труда, а все необходимые компоненты мы приобрели втроем. Мы разослали приглашения родителям, повесили объявление возле магазина, автозаправки и на доброволь-

ной пожарной станции. Мы пригласили всех учителей. Энтузиазма наше предложение не вызвало, но все же еще двое учителей и восемь родителей нам помогли. Даже директор одобрил наши усилия.

В следующем месяце мы устроили «Вечер спагетти» накануне пятничного футбольного матча. Результаты оказались прекрасными. В классе труда пять учителей и восемь родителей приготовили спагетти на сотню человек. Естественно, что в ужине приняли участие игроки обеих команд, их родители и родственники. Мы прекрасно провели время. Перед окончанием вечера я в микрофон объявила, что в понедельник вечером мы соберемся, чтобы обсудить следующее мероприятие, и нам нужна помощь. Вызвались еще пятеро родителей и трое учителей. Стена, которая разделяла учителей и родителей, постепенно начинала рушиться.

В понедельник один из родителей предложил, чтобы мы каждый месяц выпускали газету, из которой жители города могли бы узнать о том, что происходит в школе. Директору эта идея так понравилась, что он предложил выделить деньги на рассылку. Школьный секретарь вызвалась печатать текст и размножать его. Родители и учителя стали собираться в школьной библиотеке, составлять тексты, готовить газету и рассылать ее.

Наша газета всколыхнула общественность. Она стала связующим звеном между школой и обществом. Учителя делились в ней своими тревогами, то же самое делали и родители. Например, мы узнали, что некоторые родители очень обеспокоены тем, что их дети-подростки отправляются по выходным в соседний городок за тридцать миль отсюда, а потом у них возникают проблемы из-за вождения в нетрезвом виде. Несколько учителей вызвались проводить в школе танцы и другие развлечения, чтобы дети оставались дома.

Как только родители поняли, что школа нуждается в их информации и помощи, они стали делиться с нами идеями, которые превзошли самые смелые наши ожидания. Родители организовали и собрали средства на горячие обеды. (У нашей школы не было на это средств.) Они устроили карнавал, переоборудовали спортивный зал в настоящий парк развлечений. Родители стали помогать нам в классах, и их помощь оказалась неоценимой. Матери занимались с малышами, один из отцов организовал автокружок для старшеклассников. Еще один мужчина, который работал поваром, стал участвовать в уроках труда. Группа родителей, учеников и учителей образовала специальный комитет, который весь год собирал средства на то, чтобы отправить старшеклассников в трехдневную поездку в Диснейленд. Дети отлично отдохнули, а родители смогли вздохнуть с облегчением: ведь выпускной вечер не превратился в заурадную попойку.

Поддержка и энтузиазм родителей вдохновили учителей. Когда Маргарет узнала, что среди родителей есть неграмотные, она организовала курсы для взрослых. Курсы пользовались огромным успехом и переросли в целую образовательную программу, где родители обучались письму, готовке, шитью и компьютерной грамотности. Один из учителей организовал вечерние занятия для родителей, и свободных мест у него не было. Детям очень нравилось, что их родители тоже учатся, и оценки за домашние задания повысились.

Директор поддерживал нас с огромным энтузиазмом. Он предложил посещать на дому тех родителей, до кого мы еще не достучались. В газете мы сообщили, что учителя собираются посетить учеников на дому. Каждому учителю выделили восемь-десять учеников. Нужно было хотя бы раз в четверти посетить каждого из них. Пэт решила использовать школьные автобусы. Каждый четверг после занятий учителя, которые хотели посетить учеников на дому, отправлялись вместе с детьми. В конце маршрута водители ждали полчаса, а потом отправлялись в обратный путь, подбирая учителей. Программа увенчалась огромным успехом. Эти посещения пошли на пользу и родителям, и ученикам.

На последнее собрание я пришла пораньше, потому что хотела встретиться с несколькими родителями. Закончив разговор, я услышала громкий голос директора и поняла, что

педсовет уже начался. Я подумала, что смогу осторожно проскользнуть в дверь и устроиться на свободном месте. Но когда я открыла дверь в зал, то буквально онемела от изумления. Свободных мест не было. Повсюду сидели родители. Они хотели участвовать в жизни своей школы.

Глава 8

Ловец снов

Был последний день занятий. Большие желтые автобусы с надписями на боках стояли у тротуара. Учителя заканчивали уроки, из школьных дверей высыпали школьники и занимали места в автобусах, где уже сидели жизнерадостные дети. Вдоль улицы выстроились машины с родителями, которые выискивали своих отпрысков и весело их приветствовали.

Мой класс выходил последним. Солнце светило очень ярко, асфальт раскалился, стояла удушающая июньская жара. Я всегда не любила прощаться. Дети, которые целый год занимали все мои мысли днем и ночью, стали мне очень дороги. Но с каждым прощанием я понимала, что наши уроки закончились. Мы больше никогда не будем так близки, как в этом году.

Я махала рукой, пока последний родитель не забрал последнего ребенка. Я повернулась и пошла назад в опустевшую школу. Войдя в свой класс, я села за стол и оглядела пустую, тихую комнату. Никто не сидел за партами. Доска объявлений была пуста. На полу не валялось ни одной бумажки. Позади остался целый год планирования, обдумывания и преподавания. Все кончилось. Финал. А осталось ли что-нибудь, кроме нескольких воспоминаний?

В дверь постучали. Это был Рой Шульц.

– Привет, Рой. Ты что-то забыл?

Он потряс головой. Рой стоял со странным выражением на лице. Чего он хотел? Решил попрощаться наедине? На этой неделе мне звонила его мать, у которой возникли серьезные проблемы. Она потеряла работу, и теперь они с Роем уезжают в Чикаго, к ее сестре. Женщина не знала, удастся ли ей найти работу. Ее сестра жила в плохом районе с высоким уровнем уличной преступности. Рою не хотелось уезжать. Он не хотел начинать все снова в новой школе.

– Входи, Рой.

– Я пропустил автобус.

– О! Тебя нужно подвезти?

– Нет, я дойду пешком... Можно вам что-то сказать?

– Конечно. Входи, садись.

Мальчик устроился напротив меня, и я затаила дыхание. Под рубашкой я увидела «ловца снов», которого подарила ему накануне. В кожаном кружочке были натянуты нитки. Я объяснила Рою, что, по индейской легенде, такую штучку вешают у изголовья кровати, чтобы она улавливала все плохие сны и злых духов, а пропускала только хорошие. Я сказала Рою, что дарю ему этот подарок, чтобы он знал, что мы думаем о нем, где бы он ни был. Он принял мой подарок очень торжественно.

Я почувствовала, что он понял смысл моего подарка. «Ловец снов» обеспечивал ему хоть какую-то защиту. Рой многому научился за этот год и сильно вырос – не только в физическом смысле. Он перестал пользоваться прозвищами, оставил свои расовые шуточки. Он делал над собой огромные усилия, чтобы перестать сквернословить. Он перестал задираться. Сейчас Рой ничем не напоминал того трудного, обозленного на весь мир ребенка, который вошел в мой класс в начале года. Тогда на нем была куртка с изображением черепа и скрещенных костей, и выглядел он так, словно всегда готов к драке. Теперь же передо мной был ученик, которому другие учителя поручали воспитывать «трудных» детей. Все знали, что Рой может справиться с такой задачей.

Что с ним будет? Как пойдет его развитие дальше? Сохранит ли он то, чего добился с таким трудом? Как он войдет в новую, враждебную среду? Изменится ли он? А почему бы и нет? Как ребенку устоять?

– Ты что-то хотел сказать мне, Рой?

– Мой двоюродный брат... Он живет в том доме, куда мы переезжаем... Он говорит, что в их районе нужно обязательно вступить в какую-нибудь банду...

– Нужно?

– Да, для защиты...

– От кого?

– От тех, кто захочет тебя побить...

– Да, судя по всему, тебе придется нелегко.

– Да, но, может быть, мне удастся найти других друзей.

– В нашем классе у тебя было много друзей.

– Угу!

– Похоже, тебе предстоит принять непростое решение.

– Я знаю. Но я не хочу вступать ни в какую банду. Я больше этого не хочу. Я просто хотел вам об этом сказать.

Рой пожал мне руку и вышел.

Я была поражена. Одиннадцатилетний ребенок принял решение, которое нелегко далось бы даже взрослому человеку. Он выбрал правильный, хотя и очень тяжелый путь. Я очень хотела сделать для него хоть что-то, но потом подумала, что, возможно, уже сделала для него нечто важное.

Может быть, ценности, которые я пыталась привить своим ученикам, стали близки Рою, стали частью его личности. Возможно, эти ценности удержат его от скользкого пути, помогут выжить в жестоком мире и справиться с трудностями.

Быть может, атмосфера, которую я пыталась создать в своем классе, станет тем самым «ловцом снов», который защитит всех моих учеников.

Возможно, сотни часов и тысячи наших разговоров уже дали моим детям то, что защитит и поддержит их в трудную минуту. Надеюсь, мне удалось сделать их более сильными, способными на сострадание, умеющими мыслить, учиться и любить.

По крайней мере, мне бы этого очень хотелось.